Серия

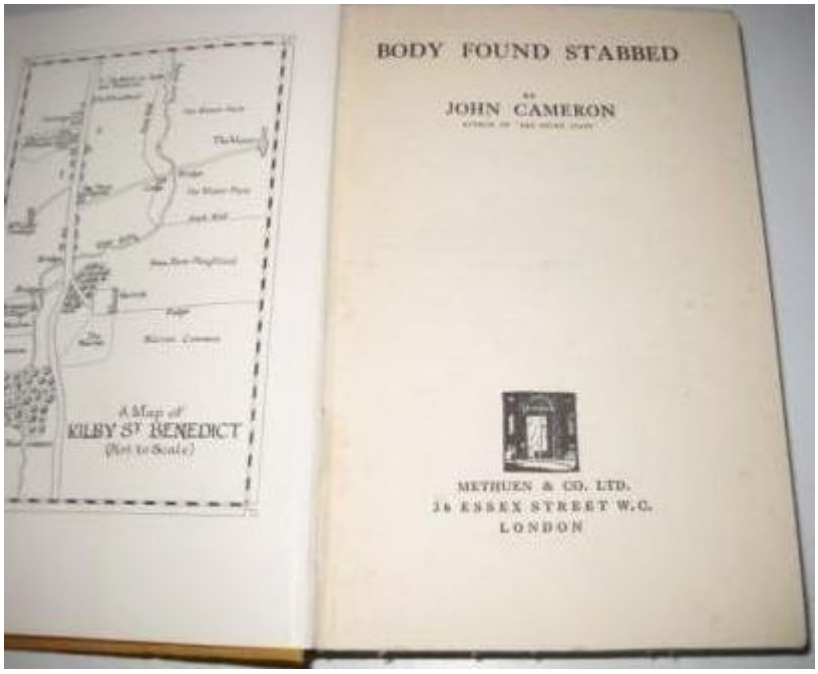
ДЕДУКЦИЯ

Джон Кэмерон

Исколотое тело

Джон Кэмерон

Исколотое тело



Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией детектива Дж.Кэмерона "Исколотое тело"

John Cameron. Body found stabbed. London: Methuen and Co., 1932

© Александр Кузнецов, перевод, 2017
© Елена Бабченко, перевод, 2017
© Александр Кузнецов, дизайн обложки, 2015

От редакции

Очевидно, что наша книжка вскоре появится не только в легальных магазинах, но и в огромном количестве библиотек с возможностью бесплатно ее скачать. Мы не сильно против, но все таки мы хотим заработать. Конечно, кто-то легально купит книжку, но очевидно что таких людей будет немного (Вот вы знаете кого-нибудь покупающего электронные книги? И даже если среди ваших знакомых случайно водятся такие оригиналы, то много ли их?) Мы не собираемся лукавить и говорить что переводили эту книгу ради удовольствия — наша цель в том чтобы наладить конвейер регулярно появляющихся новых переводов, и одного лишь энтузиазма для этого мало.

Аудитория читателей электронных книг огромна, и мы рассчитываем что среди них найдутся читатели, которым не жалко поддержать переводческое дело. Если кто желает в этом поучаствовать — загляните в блог нашей серии deductionseries.blogspot.ru и нашу группу Вконтакте - vk.com/deductionseries

Глава I. Деревня

В деревне Килби-Сент-Бенедикт когда-то была всего одна улица с коттеджами по обе стороны, к которым прилегало несколько ферм; также там располагалась церковь, дом священника и усадьба помещика. Все жители деревни были крестьянами, и лишь трое не входили в их число: хозяин магазина, священник и главный землевладелец. Но со временем одна из прослоек дворянства расценила деревянно-кирпичные елизаветинские постройки не только как весьма привлекательные и живописные сами по себе, но и как очень выгодное вложение капитала. Спрос на них все рос, а предложение, в лучшем случае, оставалось неизменным. В результате в Килби-Сент-Бенедикт несколько наиболее просторных домов после подключения водопровода, электричества, современной дренажной системы и обустройства ванных комнат превратились в аккуратные, удобные и вместе с тем по-прежнему колоритные здания. Таким же образом переделали пару ферм, расширив их простым, хоть и дорогим способом – присоединением старых елизаветинских амбаров к жилому помещению. Вдобавок ко всем этим изменениям над деревней зазвучал безудержный марш прогресса, к которому оказался не подготовлен ни землевладелец, ни крестьяне. Последним пришлось покинуть свои деревянно-кирпичные, обложенные высоким налогом дома и переехать в современные квартиры, похожие на квадратные коробки из красного кирпича и шифера, в особенно дождливые дни пропускавшие воду, а в ветреные – сквозняк. Землевладельцу же пришлось продать свое имение Килби из-за финансовых трудностей.

Хозяин поместья, де Гланвиль-Феррар, чьи предки являлись местными землевладельцами довольно продолжительный срок (если быть точным, с 1089 года), продал все свои земли господину Теодору Мандуляну в 1925 году. Тот имел армянское происхождение и, как большинство армян, был очень богатым человеком. Вполне естественно, что он поначалу находил жизнь в деревне несколько тяжелой. Его приезд, казалось, стал для жителей символом конца старых времен и начала новых. Он ознаменовал новую эпоху в жизни этой земли, куда более впечатляющую и намного более поразительную, чем Первая мировая война, введение Ллойдом Джорджем поземельных налогов, самоубийство пастора в восьмидесятых годах, реформа парламентского представительства, угроза высадки Бонапарта или тот случай, когда молодой землевладелец застрелил браконьера в лесах Килби в 1735 году или около того. Появление в этом месте мелкой аристократии и преобразование домов и ферм происходило постепенно. Никто не возражал, когда мистер Маколей купил Перротс и стал сдавать земли под пастбища, а после разбил на территории охотничьего участка большой сад. Так, если браконьерам здесь стало практически нечего делать, в самой деревне начала развиваться торговля. Никто не возражал, и когда миссис Коллис приобрела дом, в котором раньше жили Эллисы. Молодой Эллис тоже не возражал: миссис Коллис заплатила ему пятьдесят фунтов и подыскала другой дом, лучше, так как он был новым. А если уж молодой Эллис не возражал, то остальные и подавно не должны были. Но для землевладельцев все было совершенно иначе. Пришел конец тысячелетней эры и начало новой, которая, как казалось на первый взгляд, жила лишь сегодняшним днем; она могла продлиться неделю, а могла затянуться на сотню лет. И это не могло не тревожить.

Конечно, именно мелкая аристократия привезла с собой в этот захолустный край торговлю. У господина Мандуляна было три больших автомобиля, а дом был заполнен горничными, дворецкими и шоферами. Что уж там, и у мелкой аристократии имелись самые разнообразные автомобили. Сначала маленький магазинчик, продававший всего понемногу, имел просто ошеломительный успех, и очень скоро появилось много

местного бизнеса. В «продавцы широкого профиля» записались пекарь, занявшийся продажей хлеба, торговец тканями, продававший ленты, бакалейщик, отвечавший за сахар и чай, также время от времени появлялись и другие. Открылся и небольшой гараж с рифленой крышей, которую было видно с расстояния не менее мили, и двумя ярко раскрашенными бензоколонками впереди, словно с двумя пантомимными стражами. Владелец приобрел старую американскую машину за пятнадцать фунтов и наладил связь со станцией за пять миль от деревни, перевозя гостей в деревню и обратно и ужасно злясь, когда машина отказывалась заводиться в холодные утренние часы.

И конечно, с новыми людьми появилось множество поводов для сплетен – всегда находилась тема для перемывания косточек. Небольшой бар шестнадцатого века «Сноп пшеницы» на одном конце деревни и такой же бар, только с названием «Три голубя», на другом конце всегда были полны сплетничающих стариков. Прежде всего так появлялось больше тем для разговора, а кроме того и денег, которые можно было потратить во время этих разговоров. Деревня стала как никогда богатой. Еще ни разу со времен Черной смерти здесь не пользовался таким спросом крестьянский труд. Штукатурщик, каменщик, плотник – всем находилось дело во время мелкого ремонта и преобразования елизаветинских домов и сараев. Кровельщик, садовник, землекоп и лесоруб теперь всегда были обеспечены работой. Даже сравнительно не требующий умений труд – вскопать клочок земли, подковать пони или вымостить дорожку камнем – приносил мужчинам восемь или девять шиллингов за день. Таким образом, стало понятно, что сельские жители воспринимали перемены в домах и в привычках поселенцев довольно доброжелательно. Даже браконьеры, которых стали преследовать еще больше, чем во время старого режима Гланвиль-Феррара, находили утешение в том, что их убежища и деятельность теперь спонсировались армянским золотом.

Что же касается Теодора Мандуляна, то он в относительно короткий срок – примерно за три года – преодолел свое стойкое отвращение к сельскому образу жизни и первоначальное неприятие местными его прибытия – впрочем, прибытие кого-то другого и покупка земли любым чужаком вызвали бы такую же реакцию. Даже архангел Гавриил столкнулся бы с этим пассивным тяжелым отвращением и неприятием, если бы вдруг спустился с Небес и занял место де Гланвиль-Феррара.

Но Теодор Мандулян правильно сделал, смирившись с ситуацией. Он не был неприятно кичливым – записался в местные клубы по футболу и крикету, а также в местный филиал Британского легиона. Но появлялся он там нечасто, так что впечатления не произвел и занять в сердцах жителей то место, что занимал в них старый землевладелец, не смог.

Его автомобили всегда двигались по деревне медленно; аристократ покупал в деревенских магазинах столько товаров, сколько мог; на Рождество посылал в каждый дом, где жили пожилые люди, по полтонны угля; снабжал жителей консервами; нанимал множество рабочих и хорошо им платил, а также никого не нанимал и не увольнял из-за политических убеждений. А так как он отказывался от активного участия в жизни деревни, ему удалось избежать и необходимости принимать чью-то сторону в местных разногласиях. С другой стороны, несомненно, выигрывал от этой ситуации священник; казалось, никогда у священнослужителя еще не было столько средств для вспомоществования беднякам. К тому же, как поговаривали в «Снопе пшеницы» и «Трех голубях», ни разу обивание порогов господина Мандуляна преподобным Холливеллом не прошло даром. Еще в самом начале этой истории богатый армянин пошел так далеко, как не каждый решился бы на его месте. Словно в искупление страшного греха он заплатил мистеру Гарри де Гланвиль-Феррару за поместье Килби намного больше, чем оно стоило, и тем самым преуспел, получив его во владение.

Сам помещичий дом стоял примерно в полумиле от деревни на вершине длинного пологого холма с пастбищем и лесом из старых дубов. Он был результатом возведения бесчисленных дополнительных построек и сноса старых, изменений и улучшений, достройки дополнительных крыльев и расширения площади комнат. Вероятно, здесь были саксонские колонны, но никто не знал, где их можно найти. Наверняка некоторые

из подвалов строили норманны; окна были выполнены в старом тюдоровском и в поздневикторианском стиле. Фронтон был оформлен в стиле королевы Анны, в доме также была неогеоргианская консерватория и эдвардианская бильярдная. Некоторые комнаты были удобны для проживания старого землевладельца, а некоторые казались совсем нежилыми. Насколько это было возможным, мягкие кресла и подушки, пушистые ковры и центральное отопление сделали все помещения более-менее уютными. Господин Мандулян приехал с Востока, по крайней мере, его семья была оттуда, и его представления о комфорте были истинно восточными, как и у его дочери, Дидо Мандулян.

Вторым домом в Килби-Сент-Бенедикт после дома Мандулянов считался Перротс, ферма, которую купил и отделал мистер Людовик Маколей. Причиной было то, что эта ферма была больше и важнее, чем все остальные дома деревни, но все же до помещичьего дома ей было очень далеко. Мистер Маколей, конечно, был состоятельным, но вовсе не таким богатым, как армянин. Перротс располагалась на противоположном от помещичьего дома конце деревни и была отделена от нее лесом, который называли Рощей Килби. Сам фермерский дом и сад позади него были окружены высокой кирпичной стеной, а за ней в беспорядке складировался песок, далее располагался подлесок и возвышался лес, который называли Садок (там мистер Маколей занимался огородничеством и садоводством).

Ферма Перротс, хотя и находилась довольно близко к деревне, немногим более чем в километре, была изолирована от нее лесом и еще более высокой стеной. Жителям деревни нравилось видеть друг друга на работе или на отдыхе; если человек не копал что-то на виду у всех соседей, он обычно курил трубку – также на виду у всех. Для них человек за высокой стеной был странным существом, изолированным, которого они, скорее всего, никогда не узнают и не поймут.

И все-таки Людовик Маколей был приятным человеком. У него не было намерения изолировать себя от соседей, и он купил Перротс не из-за высокой кирпичной стены, вернее сказать – почти вопреки ее наличию. В течение пяти лет, что он жил в Килби-Сент-Бенедикт, ему удалось немного подружиться с жителями, постоянно посещая матчи по крикету и футболу и даже заседания комитета по выставкам цветов. Но, тем не менее, люди в деревне никогда не воспринимали его, как своего соседа. Мужчина появлялся в их обществе, а потом, казалось, исчезал за своими кирпичными стенами и снова входил в жизнь килбийцев только во время следующего появления в деревне.

Он был тихим человеком с приятным голосом, примерно пятидесяти пяти лет от роду, среднего роста, не слишком плотный, с опрятными седыми усами и военной выправкой. Его можно было принять за отставного майора Колдстримского гвардейского полка, хотя он был настолько далек от присвоенного звания в этом полке, как, впрочем, и в любых других, насколько только можно представить. Ведь Людовик Маколей был поэтом – не рифмоплетом, а именно поэтом. Его стихи были также спокойны, как он сам; он был поэтом деревьев и ветров, лучей весеннего солнца и полевых цветов, английских троп, живых изгородей и ручьев. На деле Людовик Маколей целиком и полностью был англичанином, хоть и носил шотландскую фамилию. Он ненавидел города, потому что там люди постоянно куда-то спешили, и можно было в любой момент встретить каких угодно иностранцев. Он любил сельскую местность, потому что когда живешь в деревне, то видишь лишь никуда не торопящихся дальновидных английских крестьян. Присутствие на холме богатого армянина сначала его беспокоило, но скоро он стал воспринимать его как иронию судьбы, как напоминание о том, насколько красивой вместе с тем была Англия и все, что с ней связано. Мистеру Макколею отчасти даже понравился его восточный сосед, и он был искренне рад видеть его в тех достаточно редких случаях, когда они сталкивались на деревенской улице. Очень часто его долгий разговор со спокойным и вежливым космополитом приводил к созданию красивых работ о бабочках, первоцветах и ветре, вздыхающем среди тростника на берегу Килби-ривер. Он давно перестал жалеть, что наследственный дом де Гланвиль-Ферраров достался новоприбывшему, а тот, со свойственной ему восточной сообразительностью, заметил

перемену и был за это благодарен. Он не навязывал поэту свое общество и не изводил приглашениями отведать куропаток у него дома, но везде, где территория поместья соприкасалась с границами фермы Перротс, заборы были тщательно отремонтированы, ворота и ступенчатые лестницы со стороны поместья восстановлены. В пределах слышимости поэта не осталось крикливых петухов или лающих собак, которые могли бы потревожить покой его святилища, а рабочие фермы в поместье получили строгие инструкции касаться полы шляпы, когда мимо проходит хозяин Перротс, – знак учтивости, который они оказывали мистеру Маколею при каждом случае.

Отношения между двумя главными представителями знати в Килби-Сент-Бенедикт были достаточно сердечными, и если бы та же сердечность была присуща отношениям и остальных жителей, то, без сомнения, эта история никогда бы не была написана.

Глава II. Фавн и фанатики

В один прекрасный воскресный день, около половины четвертого, Людовик Маколей совершал свою мирную прогулку по вересковому полю, пролегавшему за Садком. Он курил любимую трубку и, как порой случается и у поэтов, размышлял ни о чем. Был прекрасный теплый день: над ним раскинулось синее небо, с которого доносились песни почти невидимых жаворонков, нерадивая пчела, демонстрируя бледное подобие обычной деловитости, медленно перелетала с одного цветка вереска на другой, а в воздухе беспрестанно порхали белые и бледно-желтые бабочки. Мистер Маколей очень хорошо отобедал, как это порой удается даже поэтам. Но внезапно из рощицы с березами и молодыми елями, располагавшейся метрах в ста впереди от Маколея, донесся громкий взрыв смеха, а в следующую минуту из-за дерева вышла высокая темная фигура. Человек быстрым шагом шел по тропинке навстречу поэту. Он был одет во все черное, стремительно приближался и был так занят собственными мыслями, что не замечал Маколея, пока не подошел к нему почти вплотную. Подняв глаза, он увидел тихого, спокойного поэта посреди дорожки.

– Холливелл, отчего вы так торопитесь в такой прекрасный воскресный день? – с легким удивлением спросил Маколей.

Священник резко остановился и покраснел, как школьник, пойманный в чужом саду. Недолгое время он стоял и слегка шевелил губами, не издавая ни звука, а потом пробормотал:

– Здравствуйте, Маколей, как вы? Я… немного… слегка не в себе по некоторой причине.

Поэт подумал, что эта информация несколько излишней – он редко видел, чтобы кто-нибудь был настолько не в себе. Также он знал, что ситуация станет немного проще, если он не будет притворяться, что не понимает причины возмущения и неловкости священника.

– Думаю, я слышал смех Перитона, не так ли? – небрежно заметил поэт. Его собеседник сделал шаг вперед и сказал с крайним раздражением и нервной злобой:

– Да, Маколей, вы слышали смех Перитона, – остановившись, он попытался взять себя в руки и смог продолжить уже более сдержанным тоном: – Проблема не в том, Маколей, что, будь вы священником, то не всегда могли бы сказать, что думаете, а скорее проблема в том, что вы очень часто думали бы о том, что сказать. Сейчас я думаю, что будь у меня возможность спасти Перитона от вечных адских мучений, я не воспользовался бы ею. Я бы оставил его страдать. Но это не такая вещь, о которой следует думать священнику. Бог мой, у священника не должно даже возникать подобных мыслей. Это не должно присутствовать в его складе ума и моральном облике.

Маколей ничего не ответил, просто не найдя, что сказать. Священник продолжил, почти доверительно, и стал еще больше напоминать школьника.

– Послушайте, Маколей, вы старше меня да к тому же поэт, так что можете понять. Могу ли я оставаться священником, думая так о Перитоне? Имею ли я право оставаться священником, имея подобные мысли насчет Перитона? Могу ли я всходить на свою кафедру и говорить им, что «любовь превыше всего»? – священник указал длинной рукой в черном одеянии на деревню, в сторону маленьких коттеджей, от труб которых в безветренный воздух медленно поднимался голубоватый дымок. – Ведь сам я желаю поставить Перитона на место! Что вы мне на это скажете, поэт?

– Что он натворил на этот раз? – спросил Маколей, пристально вглядываясь в лицо молодого священника: худощавое лицо с властным, ястребиным профилем, как у

римских императоров. Поэт подумал, что лица такого типа встречаются у фанатиков вроде Лютера, Торквемады или Якова Второго[1].

– Не уклоняйтесь от моего вопроса, – нетерпеливо ответил священник. – Вопрос не в том, что сделал или не сделал он, а в том, что делать мне.

– Так ведь очень сложно сказать наверняка... – осторожно начал Маколей, но его слова – и едва ли не он сам – были сметены взмахом длинной руки в черной рясе.

– Эх вы, поэты! – презрительно выкрикнул священник, проходя мимо быстрым шагом, оглянулся через плечо и добавил с тем же горьким презрением в голосе: – Оставайтесь со своими жаворонками да соловьями! Мне предстоит иметь дело с душами. Человеческими душами!

Людовик Маколей задумчиво проследил за тем, как высокая фигура с размашистыми движениями исчезла за опушкой Садка, а затем медленно продолжил свой путь к березовой роще. Там на земле, прислонившись спиной к дереву и вытянув перед собой длинные ноги, сидел смеющийся про себя человек лет сорока. У него было плотное телосложение, хотя и не похожее на сложение боксера-тяжеловеса, огромные сильные руки и запястья и копна каштановых волос с аккуратным пробором и начесом. Также у него были небольшие темно–русые усы и козлиная бородка, делавшая его похожим на фавна в его традиционном представлении. Пара светлых глаз цвета орешника смотрели на поэта из-под густых коричневых бровей, а тонкие, изящные губы не переставали бесшумно смеяться. Этот колоритный человек был одет в светло-серый фланелевый костюм, у него были темно-синие воротничок и рубашка, оранжевый галстук и оранжевые носки. Маколей задумчиво посмотрел на него сверху вниз, фавн ответил ему лукавым взглядом.

– Что с вами такое, Перитон? – спросил Маколей. – Холливелл очень достойный молодой человек. Я действительно не думаю, что вам стоит над ним смеяться.

Сидевший на земле человек прекратил смеяться и подмигнул поэту:

– Я не смеялся над ним. Я смеялся над его божеством.

– Но это еще хуже!

– Конечно. Потому-то я и сделал это.

– Вы думаете, это честно по отношению к нему? Ведь он так молод.

– А вы думаете, это честно с его стороны? – живо парировал фавноподобный джентльмен. – То, что он приехал сюда и начал забивать селянам головы своими глупостями?

– Чем вы досадили ему на этот раз? – спросил Маколей.

– О, всего лишь поговорил с ним о молодом Фиппсе – вы помните его, тенор из хора, поет соло в церковных гимнах. Я нашел для него работу. Думал, что Холливелл обрадуется, но нет.

– Почему нет?

– Ах! То-то и оно – этого я понять не могу. Я ведь хочу как лучше. Он хороший паренек, семнадцать лет – самое время выйти в мир. Так что я нашел для него работу.

– И что из себя представляет эта работа?

– С этой работы можно выйти в люди, если паренек имеет амбиции. Он должен мыть стаканы в коктейль-баре «Блеск востока» на Джермин-стрит. Когда он там освоится, то станет барменом. Если он прилежен, то через десять лет легко сможет стать крупье.

Маколей ничего не сказал, но продолжил смотреть вниз, на лежащего человека.

– Ну? – спросил Перитон, прищурив глаз, что придало ему действительно злодейский, но вместе с тем довольно забавный вид. – А как поживает хорошенькая вдовушка? Писали ли вы в последнее время сонеты о ее подвязках?

– Полагаю, вы говорите о миссис Коллис? – тихо и ровно спросил Маколей.

– Верно полагаете, поэт. Я имею в виду прекрасную Ирен.

---

[1] Яков II Стюарт (1633 – 1701) – британский король-католик, жестко подавлявший своих оппонентов.

– Миссис Коллис – мой друг. И я не люблю, когда о моих друзьях говорят подобным образом.

Перитон саркастично рассмеялся.

– Приятель, да ведь слова – это только слова. В этом мире важны не слова, но дела.

– Что вы имеете в виду? – спросил Маколей, и в его голосе зазвучала сталь.

– Это всего лишь предположение, приятель. Всего лишь предположение. А если всерьез, старина, вы и вправду неровно дышите к дивной Коллис?

– Перитон, если вы скажете еще хоть слово этим чертовым тоном, даю вам слово чести, что я... что я...

– Да? Что же, продолжайте. Полагаю, вы дадите мне в челюсть? Но я и не представлял, что вы так серьезно к ней относитесь. Я думал, что лишь зануда Холливелл, из-за которого весь сыр-бор...

Маколей вздрогнул и воскликнул:

– Холливелл! Но я думал, что он... я полагал, что...

– Что он очарован восточным шармом Дидо Мандулян? Да, я тоже. Подумайте, Маколей, это чертовски смешно. Кое-кто – кто бы это мог быть? – сказал мне, что Холливелл по уши влюблен в Коллис. Потому-то я и сделал это.

– Сделали что?

Перитон подмигнул, и его лицо выглядело почти злобно.

– Приударил за дамочкой, постарался на славу. Думал, что поддел пастора. Оказывается, вышло еще лучше – я поддел еще и поэта? Да какого черта с вами происходит? Бледный как полотно!

Людовик Маколей весь трясся от злости.

– Боже, как я хотел бы убить вас, мерзавец!

– Что? Убить меня за то, что я ухаживал за Ирен! Это будет трудновато, не так ли? Да вы не смогли бы ничего сделать, даже произойди что-нибудь похуже.

– О чем это вы говорите, Перитон?

Лежавший на земле великан, кажется, не оценил ледяной угрозы в голосе Маколея. Он широко улыбнулся и ответил:

– Вы хотите меня убить лишь за слова о том, что я ухаживал за Ирен. А что вы сделаете, если я скажу вам, что пару дней назад мы провели веселенькую ночку в Лондоне?

– Лжец! – эти слова прозвучали как выстрел.

– Как вам это понравится, старина, – беспечно ответил Перитон. – Поступайте, как знаете.

– Господи, Перитон! – прошептал Маколей, умолк и, развернувшись, пошел обратно. Вслед ему понесся звонкий смех Перитона, а потом слова, выкрикнутые им:

– Теперь я вспомнил, Маколей. Это молодой Роберт рассказал мне о Холливелле.

Людовик Маколей все еще был вне себя от гнева, когда добрался до своего сада. Оба его сына, Роберт и Адриан, находились на лужайке и занимались типичным для воскресного дня времяпрепровождением. Старший, Адриан, сажал семена травянистых растений в ящик для рассады. Его длинные, тонкие и нервные пальцы проворно сновали туда-сюда, словно он стремился уместить каждое семечко на точно определенное место в ящике. В то же время создавалось впечатление, что он в любой момент может уронить пакет с семенами и просыпать их на траву. Он не обратил никакого внимания на возвращение отца, лихорадочно продолжая заниматься своим делом. Все это выглядело так, будто он заключил пари, что успеет посеять все семена за установленное время, и теперь не может позволить себе проиграть.

Младший брат, Роберт, сидел за столом в тени величественного старого бука, уткнувшись в книгу и делая многочисленные записи в большой тетради.

Людовик Маколей направился прямиком к нему, обеими руками ухватился за край стола, посмотрел вниз и выпалил, почти яростно:

– Что ты сказал Перитону о миссис Коллис?

Роберт отметил место, на котором остановился, положив на него указательный палец, чтобы потом продолжить, откинулся на спинку стула и ответил:

– Ничего.

– Ты ничего не говорил ему о том, что Холливелл влюблен в нее?

– Ничего.

– Перитон только что сказал мне, что ты говорил ему.

– Ты веришь всему, что говорит Перитон? – спокойно спросил Роберт.

Его отец немного покраснел и пробормотал что-то о лжецах.

– Прекрасно, – ответил сын, возвращаясь к своему занятию.

Людовик Маколей заложил руки за спину и в задумчивости прошелся по саду. Затем он вернулся к столу Роберта, на этот раз с некоторой робостью.

– Роберт, послушай, – начал он. – Извини, что снова отрываю тебя от книги, приятель, но... эээ... Перитон сказал… эээ... что он ездил в Лондон два дня назад... эээ…

– С миссис Коллис? – Роберт помог ему продолжить фразу.

– Ты знал об этом? Ты слышал об этом?

– Да.

– Но как? От кого?

– Я видел их на станции. И Перитон сказал мне об этом вчера.

– Перитон сказал тебе! – снова побледнел Маколей.

– Да.

– И я подозреваю, что теперь это известно всей деревне?

– Думаю, да. Эээ… «лежалый товар» – так Перитон отзывался о ней.

Руки Людовика Маколея опустились по швам, он повернулся и пошел в дом прямой и твердой походкой. В этот момент он как никогда напоминал офицера гвардейского полка.

Глава III. Незнакомец на террасе

Роберт Маколей сидел за своим столом под буком и смотрел в свою книгу – научный труд о международных финансах. Однако он не читал. Он погрузился в глубокое размышление о чем-то. По меньшей мере час он просидел совершенно неподвижно, не считая машинального черканья карандашом по листу бумаги. Затем он встал и еще в течение получаса прогуливался взад-вперед по лужайке. Только тогда его долгие размышления были прерваны сообщением, что ужин готов. Ужинал он в одиночестве – его отец ушел в свою комнату, сказав, что не спустится, а Адриан отправился на прогулку, захватив немного печенья. После ужина Роберт вернулся к своему труду о финансах и просидел за ним до одиннадцати часов. Он с прилежанием сосредоточился на изучении, проявляя одно из своих лучших качеств, – умение не пропустить ни абзаца, не переходить к следующему предложению, странице или главе до тех пор, пока не убеждался, что усвоил материал. В одиннадцать часов он перечитал сделанные им записи, добавил еще одну или две заметки, а затем откинулся на спинку стула и зевнул. Он провел долгий день, начавшийся, как обычно, в восемь утра, и проработал до одиннадцати вечера (он был в Лондоне на бирже). Но цель, которой Роберт Маколей намеревался достичь, так усердно работая, определенно стоила того, ибо он хотел стать Большим Человеком и не собирался позволить чему-либо встать на его пути.

Он закрыл свои книги и вышел подышать свежим воздухом. Стояла прекрасная сентябрьская ночь, теплая, но не душная, спокойная и безветренная, наполненная ароматами садов. Он слышал, как вдалеке непрерывно и тихо шумела вода на Монашьей запруде в старом лесу Килби, и порой ухали совы.

Все уснули около часа назад – в деревне люди обычно рано встают и рано ложатся. Роберт в раздумьях прогулялся до ворот на территорию Садка через ворота в высокой кирпичной стене, между двумя рядами спиленных бревен, остро пахнущих в ночи. Однако его мысли как всегда были сосредоточены на специфических проблемах иностранных бирж, а потому ароматы ночных садов впечатляли его не больше, чем впечатлило бы зловоние мусорных куч. Стоя у калитки, он взглянул на звезды, но его мысли были заняты расчетом того, как сильное падение курса индийской рупии отразится на торговле хлопком и возможно ли искусственное удержание цен на серебро. От этих увлекательных раздумий его вдруг отвлекла звезда, которая несколько раз исчезала и вновь появлялась над горизонтом. Роберт не любил нарушать полную концентрацию своих мыслей на одном предмете, но все же это было странно, ведь небо было абсолютно безоблачным. Затем он понял, что принял за звезду свет в окнах особняка на вершине холма. Он четыре раза загорался и потухал.

Полминуты спустя по чистому безветренному воздуху до него донеслись звуки шагов с другой стороны рощицы, отделявшей Перротс от деревни. Шаги приближались, но потом стали стремительно удаляться. Роберт тут же забыл о курсах валют и ценах на серебро. Кто-то прошел по деревянному мосту через Килби-ривер (а за мостом находился лишь коттедж Перитона и больше ничего, кроме лугов да болот). Теперь этот кто-то направлялся в деревню, и это, вероятно, мог быть Перитон, его ночной гость или же браконьер. Кто бы это ни был и была ли связь между светом в окнах особняка и этими шагами на дороге, в любом случае было бы неплохо это выяснить. Ключ к Власти – знание, и Роберт никогда не забывал, что даже мелкие, на первый взгляд не имеющие никакого значения факты когда-нибудь могут оказаться весьма ценными. Ни минуты не колеблясь, Роберт пересек рощу. Будучи в комнатных туфлях, он не производил шума и смог нагнать ночного путника. Он добрался до деревенской улицы как раз вовремя,

чтобы увидеть, как темный силуэт впереди сворачивает на дорогу, которая вела мимо «Трех голубей» в поместье.

Вся деревня была погружена в темноту и безлюдна. Роберт бесшумно скользнул за угол и осторожно осмотрелся. В поле зрения никого не было, и он поднажал. Ему было необходимо подойти к объекту преследования достаточно близко, чтобы узнать, кто же это. Это было знание, к которому он стремился. Роберт был почти уверен, что это Перитон, но хотел убедиться в этом. Было бы глупо считать, что у Перитона было ночное свидание с мисс Мандулян, тогда как на самом деле просто какой-нибудь садовник мог флиртовать с горничной. Роберт Маколей не любил догадок – он имел дело лишь с достоверными фактами.

Он пересек мост через Килби и с облегчением увидел, что домик привратника по ту сторону моста теряется в темноте, а ворота отворены. Пройдя через них, он спрятался за зарослями рододендронов и направился к дому, проходя за кустами, деревьями и террасами, чтобы скрыть свое присутствие. Нигде не было видно другого человека, и Роберт предположил, что он также скрывается, чтобы не быть замеченным.

Перед поместьем простиралась длинная терраса, возвышавшаяся над садом футов на шесть. На нее вела широкая лестница по центру и узкие лестничные пролеты с торцов.

Роберт, крадучись, поднялся по одному из них, пока его голова не оказалась на одном уровне с верхней ступенькой, а затем осторожно выглянул на террасу. В течение медленно тянувшихся двух-трех минут ничего не происходило. Было очень темно, и Роберт счел тишину и темноту очень угнетающими. Старые кедры у террасы отбрасывали причудливые тени на траву – свет звезд был достаточно ярок, чтобы видеть эти тени, но его не хватало на то, чтобы увидеть что-то еще.

Роберт был совершенно ошарашен, когда неожиданно понял, что тот человек стоит на террасе довольно близко к нему. Он стоял, прислонившись к каменной балюстраде лицом к дому. Должно быть, он стоял там уже какое-то время. В любом случае, он должен был появиться там раньше Роберта.

Тишина тянулась и тянулась. Незнакомец не двигался, а Роберт пригнулся, пряча голову ниже уровня верхней ступеньки, и ждал, что произойдет. Если его теория верна, то следующий ход должен сделать кто-то из дома. Дверь или окно откроется, и Перитона (если, конечно, это Перитон) пустят внутрь. Или, быть может, этот человек должен подать какой-то сигнал, свист или что-то подобное. Верным оказался первый вариант – засов был очень осторожно снят, щелкнул замок, и знакомый голос, голос девушки, низкий и хриплый, сдержанно спросил:

– Это вы?

Роберт рискнул и высунул голову над ступенькой. Человек не пошевелился. После паузы со стороны голоса последовали одна за другой четыре вспышки света, как от гелиографа[2]. Замок снова щелкнул, а затем наступила тьма, еще темнее прежнего.

Роберт скользнул назад, вниз по лестнице, и скрылся за спасительным покровом кедров и рододендронов. Он увидел все, что хотел. Человек на террасе не был Сеймуром Перитоном, и все же Роберт где-то видел его раньше. Он припоминал маленькие рыжеватые усы, коротко стриженые волосы и квадратные плечи, но не мог вспомнить точно. Всю дорогу домой он ломал голову над тем, где же все-таки его видел и что вообще тот мог делать в поместье. Роберт был уверен в одном – этот человек не был ожидаемым или желанным посетителем. Сигналы предназначались для кого-то еще. Об этом явно свидетельствовало выражение удивления и тревоги на лице ночного визитера при неожиданных вспышках света.

Только почти добравшись домой, Роберт вдруг вспомнил, что видел этого человека на днях в деревне. Тогда он предположил, что он один из немногих заядлых рыбаков, приезжавших сюда и останавливающихся в рыбацкой гостинице «Тише воды», за

[2] Гелиограф – оптический телеграф, устройство для передачи информации на расстояние посредством световых вспышек («солнечных зайчиков»).

пределами деревни. Но рыбаки нечасто практикуют свои навыки на чужих террасах посреди ночи. Роберт погрузился в раздумья на этот счет и лег спать только в час ночи.

Глава IV. Убийство

На следующий день, в субботу, в Килби-Сент-Бенедикт начались богатые на события выходные. Особенно запомнились два происшествия – их в деревне вспоминали еще некоторое время. Первым инцидентом было нападение, учиненное Адрианом Маколеем на капитана Гарри Карью, владельца небольшой загородной гостиницы «Тише воды», расположенной в полумиле от деревни, по дороге в городок-станцию Пондовер. Гостиница была намного больше маленьких деревенских таверн, «Снопа пшеницы» и «Трех голубя», но в то же время намного меньше, чем, например, Карлтон[3]. Свое название «Тише воды» она получила по той причине, что уже много десятилетий служила известным пристанищем для рыбаков, прибывавших в эту местность, чтобы удить форель в славящейся ею Килби-ривер. Помимо крыши над головой гостиница всегда предоставляла рыбакам и питание. Воскресный ростбиф, седло барашка по средам, горячие ванны в любой день для замерзших и окоченевших спортсменов (если слово «спорт» может быть по праву применено к рыбалке), пунш с виски и главная гордость – терновый джин – привлекали внимание избранных ценителей, предпочитавших реку Килби рекам Тест и Итчен.

Однако за пару десятилетий до нашего повествования, перед войной, гостиница постепенно пришла в упадок. Владельцу, самому некогда бывшему известным рыбаком, в конце концов, опротивело наблюдать за тем, как терновый джин смачивает горло кого угодно, но не его самого. Конечно, чем больше внимания он стал уделять почтенному напитку, тем меньше внимания оставалось на обеспечение удобства гостей и клиентов. Какое-то время казалось, что дурная привычка хозяина, объединившись с еще более не к месту случившейся войной, погубят гостиницу. Но, по счастью, она пережила не только дела арбитражного суда о банкротстве, но и опасность поглощения крупным пивоваренным заводом, который уже завладел «Снопом пшеницы» и «Тремя голубями». И когда в 1924 году бывший рыболов-чемпион, выпив свой последний стакан тернового джина, был похоронен под старыми буками на кладбище Килби-Сент-Бенедикт, гостиницу купил и начал вести в ней дела довольно необычный хозяин. Его звали Карью, капитан Гарри Карью. Он был джентльменом – титул капитана остался за ним со времен войны, это было одно из временных званий, отчего-то переживших перемирие. Новому владельцу гостиницы было около тридцати пяти лет, он был строен, носил небольшие коричневые усы, у него были каштановые волосы и голубые глаза. Его подбородок был из тех, которые невозможно однозначно назвать слабым или сильным. Он охотно объяснял всем свой выбор профессии. По природе он был ленив, и ему была ненавистна идея о том, что нужно борьбой добывать себе кусок хлеба и суетиться. Но он был до того ленив, что сама перспектива ничего не делать также приводила его в ужас: это означало, что каждый день придется думать над тем, чем себя занять, а это почти так же плохо, как и тяжелая работа. Следовательно, идеальной работа для него была та, в которой нет места конкуренции, суете, постоянному стремлению к чему-то новому. К тому же она должна занимать час или два в день, а это время можно рассудительно разделять перерывами на отдых и обеспечить себе приятное занятие на все утро. В итоге он нашел свой идеал во владении небольшой гостиницей, а любезный родственник помог ему найти капитал для покупки «Тише воды». Как тогда говорил Гарри Карью, одно только название гостиницы уже стоило этих денег.

[3] Известный лондонский отель тех времен.

С тех пор гостиница «Тише воды» стремительно возвращалась на утраченные позиции. Ванны вновь стали обжигающе горячими, седло барашка – восхитительно нежным, а порции тернового джина увеличились в размерах.

Помимо постоянных клиентов-рыбаков, бывавших в баре днем, по вечерам заведение стали посещать работники ближайших ферм, а также немногие мелкие дворяне, юноши на мотоциклах, коммивояжеры и автомобилисты. Все они знали, что зимой их тут ждут камин и иллюстрированные журналы, а летом всегда найдется лед для коктейлей и виски с содовой.

* * *

Все произошло здесь, в гостинице, когда субботним утром в нее явился Адриан Маколей. В как правило бесцветных глазах на этот раз пылал огонь, а обычно бледные щеки окрасились румянцем. Владелец вышел из своего номера с табличкой «Личная комната» и был мгновенно атакован. К счастью для него, желание Адриана навредить ему не соответствовало возможности сделать это на деле, так что Карью получил всего несколько царапин на лице и удар по голени. Нападавшего с трудом уговорили вернуться домой и остыть.

Это было первое происшествие, взбудоражившее местных сплетников. Они сошлись во мнении, что Карью исключительно хорошо повел себя в столь непростых обстоятельствах, а от этого молодого Адриана можно было ожидать чего-то такого. Он также был поэтом, но совсем иного типа, чем его отец. В его жизни – а ему уже стукнуло двадцать семь – до сих пор не было определенности. У него не было работы, и он не зарабатывал себе на жизнь. Отец пытался отдать его на обучение в Итон[4], но быстро понял, что Адриану совсем не подходит система образования, которая механически лепит из учеников необходимое, и забрал его оттуда в возрасте семнадцати лет. Два года в небольшом оксфордском колледже оказались чуть более успешным экспериментом.

Адриан мечтал, грезил и бездельничал в течение шести семестров, практически не соприкасаясь ни с руководством колледжа, ни с другими студентами, ни с образовательной системой вообще. Он писал довольно много стихов, финансировал и редактировал журнал-однодневку, провел короткий, но активный крестовый поход против гончих, убивавших кроликов и зайцев, во время которого один из его активистов, выходец из бомбейского округа, был отчислен из университета за нападение с ножом на сторонника гончих. Также Адриан приобрел репутацию эксцентрика после того, как скупил всех птиц в клетках, которых только смог найти, и выпустил их на свободу, а клетки сжег во дворе колледжа.

Спустя два года его внезапно и резко поразила агорафобия, то есть неприязнь к нахождению среди множества людей. Продав все свое имущество за смехотворную цену, он нанял автомобиль и тут же уехал в Килби-Сент-Бенедикт. Людовик Маколей не без оснований являлся поэтом: он не задал никаких вопросов и не делал никаких предложений. Он просто распорядился, чтобы две комнаты в дальнем конце одного из перестроенных амбаров отвели Адриану и чтобы никто не входил туда и даже не убирал там за исключением одного дня в месяц. Туманными намеками и обтекаемыми фразами он дал понять Адриану, что достаточно богат, чтобы содержать сына, и не намерен как-либо принуждать его высовывать нос за пределы обнесенного стеной сада, если он сам того не хочет.

Так что Адриан огородничал, читал стихи (но только не своего отца), слушал пение птиц да немного играл на скрипке.

Он был бледен, худощав, интеллигентен и выглядел интересным человеком. Он обожал деревню и в особенности всю загородную живность – птиц, кроликов, бабочек и

[4] Итонский колледж – частная британская школа для мальчиков.

деревья. Мотив его нападения на добродушного и веселого владельца «Тише воды» лучше всего объясняется словами самого Адриана – затаив дыхание, он рассказывал отцу о сути дела:

– Это была прекрасная коричнево-пурпурная бабочка с бледными пятнами на крыльях, а этот человек пришел и убил ее. Вот я и попытался убить его.

Второе событие выходных переполошило не только саму деревню, но и район, и даже другие регионы. Все говорили о том, что около десяти часов утра в понедельник некая деревенская знаменитость, миссис Кители, обнаружила тело Сеймура Перитона в реке Килби.

Миссис Кители была женой представительного рабочего фермы. Она также пополняла семейный бюджет, «присматривая» за Сеймуром Перитоном, когда он приезжал из Лондона и останавливался в своем коттедже в Килби на выходные. «Присмотр» заключался в уборке, чистке, заправлении постели и мытье посуды.

Миссис Кители шла через Килби-ривер по старому деревянному мосту, что вел от главной дороги к коттеджу, случайно посмотрела вниз и увидела тело – течением его прибило к опорам моста.

На крики миссис Кители прибежал рабочий, который вызвал местного полисмена, а тот – районного инспектора. Инспектор, солидный мужчина с навощенными усами и ревматизмом, взглянул на тело, которое к тому времени положили на стол в коттедже Перитона. Увидев глубокое ножевое ранение в грудь, он решил, что этим делом должен заняться начальник полиции, и около половины первого из главного города графства в деревню прибыл этот представитель власти вместе с тремя мужчинами в штатском.

В это время со стремительностью лесного пожара деревню облетел удивительный слух: пропал викарий. Он не спал в своей постели. Его никто не видел с девяти часов вечера воскресенья. Экономка принесла ему утренний чай в половине восьмого утра и обнаружила, что его нет в комнате. Это все, что было известно.

Прежде всего, начальник полиции провел длинный разговор с местным полисменом, застенографированный одним из сотрудников в штатском. Полисмен, разумеется, прекрасно знал все местные сплетни; как и соседи, знал он и о крайней неприязни священника к Перитону. Как и все остальные, он слышал историю о продвижении молодого тенора из хориста в бармена, и, по его мнению, это и привело священника в ярость. Впрочем, была еще одна причина, добавил он: знающие люди в деревне поговаривали, что викарий хотел бы ухаживать за мисс Мандулян из поместья, а мистер Перитон был главным поклонником мисс Мандулян, насколько вообще кто-либо имел на это право. Нельзя сказать, что полисмен знал о ситуации абсолютно все, но ведь нельзя не слышать, о чем говорят люди. Иными словами, если у каких-либо двух людей и были причины ненавидеть друг друга, то это были мистер Перитон и викарий.

Полковник Хантер, начальник полиции, беспокоился о том, как эта история разовьется. Он ненавидел подобные вещи. И убитый браконьер, и убийство браконьером – уже достаточно плохо. Но то, что обычные, нормальные, куль-турные люди начинают убивать и становятся жертвами, до глубины души взволновало его. Существование злодеев скорее огорчало, чем возмущало его, – как и большинство людей, по своей профессии занятых борьбой с преступностью. Когда посланный им к священнику человек вернулся с сообщением о том, что тот пропал, он стал еще печальнее и распорядился задействовать все ресурсы – телефон, телеграф, автомобили – для того, чтобы разыскать и вернуть мистера Холливелла обратно в Килби-Сент-Бенедикт, где он должен был ответить на ряд вопросов.

Но ни один из этих ресурсов не потребовался. Без четверти два мистер Холливелл вышел из автобуса, проезжавшего от железнодорожной станции через Килби. Священник с высоко поднятой головой твердым шагом шел прямо к себе домой. Небольшая группа рабочих фермы, значительно продливших свой запланированный обеденный перерыв, чтобы обсудить трагедию и ее удивительное продолжение, так уставилась на него, пока он проходил мимо, что их глаза едва не вылезли из орбит, а рты

раскрылись. Они механически ответили на самое радостное приветствие священника, что им доводилось слышать от него за долгое время.

Из-под шляпы священника виднелась длинная полоса лейкопластыря, доходившая почти до брови, и ни один из рабочих не упустил ее.

Холливелл, очевидно, заметил их замешательство и начал было что-то объяснять, но, передумав, пошел дальше к своему дому. Его экономка сидела в кресле в его кабинете и горько рыдала. Когда он вошел, она вскочила на ноги, как если бы увидела призрака, и отступила назад, забившись в угол.

– Дорогая Элен, бога ради, что произошло? – воскликнул священник. – Что случилось?

– Я так испугалась... – начала было она, но вновь зашлась в рыданиях.

– Это моя вина, – признал священник, похлопывая по плечу почтенную даму. – Я должен был сообщить вам, что собираюсь отсутствовать, то есть собирался… прошлой ночью. Но как видите, я вернулся в целости и сохранности, так что больше нет причин для волнений. И я все еще не обедал.

– Мистер Перитон... – экономка снова попыталась заговорить, и у нее получилось выдавить что–то вроде «мистер Перитон... полиция...»

– Что такое? – резко спросил викарий.

– Полиция... хочет видеть вас... насчет мистера Перитона... – она начала задыхаться, а потом выпалила: – Он найден мертвым.

– Ах! – тихо воскликнул викарий. – Найден мертвым?

– Да. У-у-убитым.

Мистер Холливелл весь взвился. «Что случилось?» – вопрошал он, но экономка вновь залилась слезами и была не в состоянии ответить. Священник схватил шляпу и помчался по улице в сторону коттеджа Перитона. На развилке его остановил незнакомый полисмен в униформе, на которого глазела небольшая толпа деревенских жителей. Услышав имя священника, он позволил ему пройти; викарий пересек мост и направился к коттеджу. Там его остановил еще один полицейский в униформе, стоявший у дома. О прибытии викария сообщили полковнику Хантеру, и тот вышел.

– Я викарий в этом приходе, – пояснил священник. – Моя фамилия Холливелл.

Полковник внимательно осмотрел него.

– Я – начальник полиции в этом графстве, мистер Холливелл. Меня зовут Хантер, полковник Хантер, – ответил он.

Священнослужитель поклонился и собирался было заговорить, но сотрудник полиции жестом остановил его.

– Одну минуту, мистер Холливелл. Прежде чем вы что-то скажете, я хочу, чтобы вы поняли положение вещей. Этот человек был убит, и всем известно, что вы с ним поссорились.

– «Поссорились» – это мягко сказано, – уверенно ответил викарий.

– Не хотите рассказать мне, что произошло?

Священник задумался и затем сказал:

– Грубо говоря, это было кульминацией целой серии нападок Перитона против меня, моего положения здесь и против всех моих убеждений. Я пригласил своего епископа прочесть здесь проповедь двадцать пятого сентября. Перитон сразу же устроил поездку с экскурсией в Борнмут на ту же дату – все были приглашены, все расходы оплачены.

– И?

– Конечно, он сделал это с умыслом – чтобы испортить приезд епископа. Я сказал ему, что поездки не будет. Он ответил, что она состоится. Вот и все. На этом мы разошлись, не сказав больше ни слова.

– Когда это было?

– Утром в субботу.

– И вы больше его не видели?

– Нет.

– Мистер Холливелл, где вы были прошлой ночью?

– Гулял по окрестностям.

– Простите?

– Я сказал, что гулял по окрестностям, – викарий взмахнул длинной рукой и добавил, – везде поблизости от деревни.

– Почему?

– Я был взволнован.

– И что же вас волновало?

Мистер Холливелл на минуту опустил глаза, а затем ответил:

– Мое отношение к мистеру Перитону.

– Но как я понимаю, вы с ним не ладили уже какое-то время. И вы гуляли каждую ночь?

– Нет.

– Но вы прогуливались прошлой ночью?

– Да.

– Хм! Вы видели мистера Перитона прошлой ночью?

– Нет.

– Ясно. А этим утром? Где вы были все утро?

– Я ходил повидаться с епископом.

– По какому поводу? Вы не возражаете против такого вопроса?

– Нисколько, все равно очень скоро все об этом узнают. Я ухожу с поста викария: отправляюсь на Дальний Восток в качестве миссионера.

Полковник Хантер приподнял брови.

– И все это из-за вашего отношения к этому человеку?

Снова наступила короткая пауза, и потом Холливелл сказал:

– Отчасти из-за этого, отчасти по другим причинам.

– Не хотите поведать, в чем они заключаются?

– Нет. В общем, нет.

– Что ж, хорошо. И когда же вы собираетесь на Дальний Восток?

– Местоблюститель[5], прибудет во второй половине дня. Завтра я еду в Лондон, чтобы приготовиться к отплытию как можно скорее.

Полковник Хантер был удивлен.

– Вы собрались уехать, не вмешиваясь в поездку, намечавшуюся на двадцать пятое число? – воскликнул он.

– В любом случае, теперь она уже не состоится.

– Нет, – энергично воскликнул полковник, – но разве вы знали об этом, планируя завтрашнее отбытие?

– Нет, – ответил Холливелл, спокойно смотря на него. – Нет, не знал.

– Это было просто совпадением?

– Да.

– Мистер Холливелл, послушайте. Я – начальник полиции этого графства, но я также и человек. Я наслышан о вас и той работе, которую вы проделали в этих краях. Как бы то ни было, я инстинктивно предубежден против ужасного рода происшествий, если вы понимаете, о чем я. А теперь послушайте: все на несколько миль вокруг знали о ваших раздорах с Перитоном… по крайней мере, так мне говорят… И теперь вы внезапно решаете отказаться от этого... хм… соперничества и признать себя побежденным. Мистер Холливелл, если вы не можете привести весьма вескую причину для этого...

Тут старший констебль прервался и покачал головой. Викарий ничего не ответил, и полковник Хантер несколько раздраженно продолжил:

– Конечно, вы должны понимать, чего я добиваюсь. Вероятно – а вернее сказать, определенно, – против вас ничего нет. Но если вы не дадите никакого объяснения, то

[5] Заместитель, временно исполняющий обязанности священника.

поднимется столько шуму, что я должен буду задержать вас. Я пытаюсь уберечь вас от сплетен и скандала.

– С вашей стороны это очень любезно, – сказал викарий после недолгих размышлений. – Знаю, это очень любезно. Но мне больше нечего добавить.

– Что ж, хорошо, – ответил начальник полиции и зачитал формальную фразу: – Тогда я должен попросить вас, сэр, не покидать деревню, предварительно не уведомив меня.

Мистер Холливелл поклонился и пошел обратно к своему дому.

* * *

У полковника Хантера были две веские причины незамедлительно запросить помощь из Скотленд-Ярда. Во-первых, он очень не любил дела об убийствах и всегда был рад возможности избежать ответственности за организацию поимки убийцы – ведь в случае неудачи она бы стала пятном на его репутации и самоуважении; а в случае успеха это означало почти верную смерть для преступника. И, во-вторых, в другой части графства несколько месяцев назад произошло крайне мелодраматическое убийство: все улики указывали на определенного человека, но в последний момент он ускользнул из сетей обвинения, предоставив неопровержимое алиби. Последовавшее за этим обращение за помощью в Скотленд-Ярд вызывало много критики, ведь след преступника уже успел остыть.

По этим причинам полковник Хантер решил избежать этой ошибки, и уже в понедельник, в три часа дня, в Килби-Сент-Бенедикт прибыл автомобиль с инспектором Флемингом, сержантом Мэйтлендом и тремя ассистентами.

Инспектор Флеминг был шотландцем из Лоуленда[6]. Он был среднего роста, скромен, светловолос и спокоен. Внешне он практически не отличался от окружающих. Он мог служить прекрасным образцом среднестатистического человека. Будучи по-шотландски проницательным и целеустремленным, он также сочетал в себе силу характера и чувство юмора, мягкого и беззлобного, оставшегося таким и после двадцати лет службы в полиции.

Прежде чем взглянуть на тело, он выслушал краткий отчет полковника Хантера, после чего задал ему один-два вопроса.

– Полагаю, вы обследовали берега реки?

– Да. В двух местах есть следы, оставленные, когда кто-то спускался к реке. Одно у сторожки поместья, а второе – за поместьем, выше по течению.

– Я полагаю, также есть много мест, где тело могло быть сброшено в реку так, что вовсе не осталось бы никаких следов?

– О да. И конечно, эти найденные следы могли быть оставлены когда угодно и кем угодно.

– Безусловно. Дождя не было уже давно?

После недолгих раздумий деревенский констебль заявил, что, по крайней мере, за последние десять дней с неба не упало ни капли.

– Земля твердая? – спросил лондонский детектив.

– Тверда как доска, сэр. Деревенские шлюзы работают со скрипом, сэр.

– Понимаю. Выходит, этим следам может быть не меньше десяти дней. Теперь давайте осмотрим тело.

Простыня была откинута, и Флеминг сразу сказал:

– О, я знаю его. Часто встречал его в Лондоне. Приметный человек – в толпе такого не потерять и не спутать с кем-то еще. У него была квартира в Уайтхолл-Корт, неподалеку от Ярда. Хм! Врач сказал, что он умер не менее чем за двенадцать часов до сегодняшнего полудня, то есть в полночь, а может и раньше. Хм! Подобные расследования с трупами,

[6] Одна из двух историко-географических частей Шотландии.

выловленными из воды, всегда сложны по этой части, полковник. У меня уже были такие дела. А как безвкусен галстук покойного! Он всегда так чудовищно одевался?

– Я не знаю, – начал было начальник полиции, когда местный полисмен кашлянул, намекая, что может ответить на этот вопрос.

– Ну? – спросил Флеминг. – Так что?

– По воскресеньям он всегда носил такие галстуки, сэр, – он снова неловко закашлялся. – Считалось, что он носил их, чтобы раздражать мистера Холливелла, сэр, – сконфуженно добавил он.

– Понимаю. Наверное, для того же и орхидея в петлице. Великолепный цветок. Кто по соседству выращивает орхидеи? Впрочем, это может подождать. А что у него в карманах, полковник?

– Уйма всего.

Уйма состояла из часов, казначейских билетов примерно на тридцать фунтов, небольшого количества серебряных монет, золотого карандаша, маленькой латинской книжки в кожаном переплете, сильно поврежденной водой и озаглавленной «De Immortalitate Diaboli»[7], ярко-оранжевого шелкового платка в тон галстуку и маленького пера с запекшейся кровью.

– Что это? – спросил Флеминг, подняв перо. – Это улика?

– Да. Оно было в кармане жилета.

– От какой оно птицы?

– Похоже на перо куропатки. Я предполагаю, что он им чистил трубку, – ведь он постоянно курил, – ответил полковник Хантер, указав на полку с трубками.

– Да, – подтвердил Флеминг. – Здесь его трубки, а также щетки для них. Похоже на заводскую работу. Но он вполне мог наряду с ними использовать и перья. Как бы то ни было, мотивом было не ограбление, а вот все остальное могло быть.

В этот момент раздался стук в дверь, и в ней появился шлем полисмена, дежурившего у входа.

– Джентльмен желает поговорить с вами, сэр.

Флеминг вышел. Снаружи его ждал молодой человек.

– Ну? – спросил детектив. – Вы хотели меня видеть? Я – служащий полиции.

– Так точно. Меня зовут Карью, я владелец паба ниже по дороге. Я пришел с информацией по этому делу. Может, это ерунда, а может, и пригодится. Ваше дело судить об этом. Я подумал, что как бы то ни было лучше прийти с этим к вам.

– Совершенно верно.

– Вот в чем дело, – объяснил молодой владелец гостиницы. – Какой-то странный парень снял номер в моей гостинице неделю назад. Не рыбачил, ни с кем не был знаком, ничего не делал... Слонялся весь день без дела и выходил на всю ночь, ну, или на большую ее часть. Я подумал было, что он детектив. Из того, что я знаю, он мог оказаться детективом. Как бы то ни было, вчера вечером он как обычно вышел около десяти. Я не знаю, когда он вернулся, но когда этим утром я спустился, то обнаружил, что его нет. Он собрал свои вещи и оставил на конторке двадцать фунтов да записку, в которой говорил, что вынужден срочно уехать, и просил отдать сдачу персоналу гостиницы. Я ничего особенного в этом не обнаружил – просто пребывание странного гостя странно закончилось, а чего было и ожидать от него? Но затем я услышал о Перитоне и вот решил прийти.

– Понимаю. Как звали того человека?

– Лоуренс, Джон Лоуренс. Я составил для вас его описание. Вот, держите.

– Спасибо, – Флеминг будто бы безразлично взглянул на листик, а затем сказал: – Это странное совпадение, если не сказать больше. Кстати, мистер... мистер Карью, кажется, до вашего паба вести доходят очень нескоро. Он далеко?

---

[7] Бессмертие Дьявола (*лат.*).

– Около мили отсюда. Или чуть меньше, – ответил молодой владелец гостиницы.

– И до трех часов дня вы так и не услышали об убийстве?

– О, нет. Я услышал о нем в половине двенадцатого, от первого же клиента.

– Тогда почему же вы пришли только сейчас?

– Что ж, сэр, я не знаю, знакомы ли вы с текущим положением дел в нашей деревне, – несколько сконфуженно ответил Карью. – Когда я только услышал об убийстве, мне в голову не могло прийти, что хоть кто-то мог быть в этом замешан, кроме… эммм… за исключением одного чело-века...

– Короче говоря, викария.

Карью с облегчением вздохнул.

– Короче говоря, викария. Потому я не думал о своем бывшем постояльце до тех пор, пока не услышал, что священник вернулся. Узнав об этом, я начал размышлять, и вот – в результате я здесь.

– Спасибо, мистер Карью. В вашей гостинице есть номер, вернее сказать, номера – для меня и моих сотруд-ников?

– «Тише воды» сочтет за честь предоставить вам номера. Кстати говоря, сэр, прошу не арестовывать меня как убийцу из-за того, что я выходил довольно поздно прош-лой ночью. У меня нет алиби, но уверяю вас, я этого не делал.

– Что же заставило вас выйти поздно ночью, мистер Карью, не позаботившись о такой необходимой мере предосторожности, как алиби? – с улыбкой спросил Флеминг.

– Я коллекционирую мотыльков, это мое хобби, инспек-тор. Во время сезона я выхожу по ночам четыре-пять раз в неделю.

– Понимаю. Вы выходили и прошлой ночью?

– Да. Поднимался за поместье – там много мотыльков.

– Вы не видели и не слышали ничего необычного?

– Совсем ничего.

– Никаких огней, голосов, звуков шагов там, где вы не ожидали их встретить?

– Нет. Совершенно ничего.

– Очень хорошо, мистер Карью. Спасибо, что пришли.

Флеминг вернулся в коттедж.

– Полковник, я собираюсь поселиться в «Тише воды» – вы найдете меня там, если понадобится. А сейчас я собираюсь побеседовать с вашим другом викарием. Мэйтленд!

Сержант встал по стойке смирно и ответил:

– Да, сэр!

– Первым делом нужно узнать, где он был заколот. Отправьте всех на розыск этого места, начиная отсюда и заканчивая двумя милями выше по реке; осматривайте по четверти мили от реки на обоих берегах.

– Есть, сэр.

– А сами с местным полицейским соберите сплетни: навестите местных браконьеров, владельцев пабов и так далее. Отчет отправьте в «Тише воды». Мы все остановимся там. И поищите этого парня, – Флеминг передал сержанту описание Джона Лоуренса, оставленное Карью.

– Да, сэр.

* * *

Флеминг застал викария, в то время как тот упаковывал книги в деревянные коробки.

– Начальник полиции графства говорил мне о вас, – сказал детектив. – Мне стало интересно, можете ли вы что–нибудь добавить к вашему рассказу?

– Нет, не думаю. Я просто прогуливался прошлой ночью. Я не могу это доказать, потому что никого не встретил.

– А где вы поранили голову?

– Я упал на куст ежевики, когда прогуливался. Но, как я сказал, я не могу этого доказать – ведь никто не видел меня, – с вызовом сказал викарий.

– На мой взгляд, это не проблема, – мягко ответил Флеминг. – Ведь кто угодно может гулять. У себя дома, в Шотландии, я часто гулял ночь напролет и никогда не встречал ни души, никого, кто мог бы подтвердить, что я не спал в постели. А вот ваша отставка и отъезд за море... этого я никак не могу понять.

– Со мной кое-что случилось, – ответил мистер Холливелл. – И теперь для меня почти невозможно оставаться здесь дольше. Но то, что случилось, касается лишь меня и никого, кроме меня, в самом прямом смысле этого слова. Кроме меня никто не затронут. Хорошо это или плохо, пострадал только я.

– У вас нет желания рассказать мне...

– Нет… нет. В каком-то смысле я гордый человек, мистер Флеминг.

Флеминг слишком хорошо разбирался в людях, чтобы не осознать, что сейчас больше ничего не узнает от священника. Он вышел на деревенскую улочку и наблюдал, как из темно-красных дымоходов коттеджей медленно изливается мирная вечерняя дымка, превращаясь в то, что Хенли[8] назвал «золотисто-розовым туманом». Спокойствие этой сцены – безмятежные звуки приближающихся сумерек, пролетевшие мимо грачи, проехавший мимо велосипедист, медленно возвращающиеся домой коровы – странным образом контрастировало с жестокостью деревенских раздоров, с покойником, на груди которого была ножевая рана и с яростным блеском в глазах человека, непринужденно складывавшего книги в коробки.

[8] Уильям Эрнст Хенли (23 августа 1849 – 11 июля 1903) – английский поэт.

Глава V. Миллионер и его дочь

Инспектор Флеминг прогуливался по деревенской улице, сунув руки в карманы. Было только начало седьмого; он заглянул в «Три голубя» и заказал там пинту пива. Он курил трубку, сидя в углу бара, и листал страницы «Фильда»[9] трехмесячной давности. Он был незаметным человеком и, если хотел, мог довольно легко и успешно слиться с толпой. В сельском баре на него никто не обращал внимания после первых ленивых, лишенных любопытства взглядов, и уже через полчаса инспектор знал об общественном мнении в деревне – по крайней мере, о мнении посетителей «Трех голубей». Выводы, к которым единогласно пришли местные завсегдатаи, были следующими:

Это дело совсем не так просто, как кажется на первый взгляд.

Если бы мистер Перитон рассказал все, что знал, то всем было бы известно множество занятных сведений, о которых теперь никто не знает.

За последнюю неделю мистер Перитон навещал миссис Коллис каждый день примерно в половине первого ночи, и это не устраивало мисс Мандулян. Мисс Мандулян не из тех, что станут терпеть подобное.

Что мисс Мандулян со странностями.

Что миссис Коллис леди – настоящая леди, тут ничего не скажешь.

Что никто не удивится, если господин Мандулян не станет особенно сожалеть о смерти Перитона; в случае с господином Мандуляном никто не может быть уверен, что именно и о ком думает этот джентльмен.

Что господин Мандулян со странностями.

Что пастор был в бешенстве из-за поступков мистера Перитона уже не один месяц, и что мистер Перитон повел себя неправильно, организовав в минувшем январе футбольный матч как раз во время воскресной утренней службы.

Было бы странно, если бы пастора посадили на скамью подсудимых и повесили за убийство, ведь в 1882 году пастор Гриллер сам застрелился в старом лесу Килби.

Что экскурсия, судя по всему, не состоится, а ведь столько людей ждет ее, потому как им вряд ли удастся съездить в Борнмут самим.

И, в конце концов, общественное мнение всегда возвращалось к первому пункту – все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Кажется, от посетителей «Трех голубей» нельзя было узнать что-то помимо этого, так что Флеминг решил тут же совершить визит в поместье. Мандуляны, и отец, и дочь, кажется, были как-то связаны с покойным, значит, разговор с ними мог оказаться полезен. Итак, инспектор свернул на дорогу, ведущую от деревни к поместью. Пройдя четверть мили, он добрался до подъездных ворот, а затем перешел каменный мост через Килби-ривер, значительный отрезок которой приходился на территорию поместья – она протекала за несколько метров от окружавшей его стены. Впрочем, тут она оказалась немного шире ручья и едва ли была достойна звания реки, будучи всего шесть-семь метров в ширину. За рекой начинался пологий подъем к самому особняку, выгодно расположенному среди деревьев и вечнозеленых кустарников.

Владелец поместья, Теодор Мандулян, курил сигару в окружении своих роз, когда прибыл инспектор. Как только последний озвучил суть дела, миллионер прошел на террасу, где стояла пара стульев, и вынул портсигар.

Мандулян был очень крупным человеком, а благодаря широким плечам казался еще крупнее. Роста в нем было более ста восьмидесяти сантиметров, а выглядел он еще на несколько сантиметров выше. Он был одет в жилет и клетчатые штаны и обут в ботинки

[9] Спортивный журнал, издающийся в Великобритании.

на пуговицах, напоминая копию портрета эдвардианской эры – сигара, черная борода, учтивость, экзотичность, атмосфера светскости, которую он распространял вокруг себя. Все это вызывало в памяти Эдуарда Седьмого[10].

Как только Флемингу были предоставлены сигара и виски с содовой, с позволения хозяина он объяснил причину своего визита.

– Как я понимаю, вы были близким другом мистера Перитона, – начал он.

– Боюсь, что у деревенских сплетников несколько старомодные взгляды на современное общество, – улыбнулся армянин. – Если человек пользуется моим коттеджем, каждые выходные приходит в мой дом на завтрак, обед, чай, коктейль и ужин, сплетники начинают предполагать, что он – мой близкий друг. Будь они более современны, мой дорогой инспектор, они бы предположили, что Перитон был близким другом дочери хозяина, с самим же хозяином он был лишь мимолетно знаком, – армянин снова улыбнулся. – Мистер Перитон был одним из друзей моей дочери, – добавил он. – Их много.

– Но был ли Перитон… как бы это сказать… был ли он более близким другом вашей дочери, чем большинство других?

– Без всяких сомнений. На самом деле, он был самым близким из всех них. Это меня удивило.

– Могу я спросить – почему?

– Я был удивлен тому, что хоть кто-то из них оставался ее другом дольше шести-восьми недель. Моя дочь, инспектор, как и все нынешнее поколение, очень беспокойное создание. Ее настроения и причуды столь же изменчивы, как и она сама. Целый месяц ей кто-то на самом деле очень нравится, а потом – пуф! – и он исчезает из ее жизни. Но не Перитон. Он остался.

– Он вам нравился?

– Он развлекал меня и мою Дидо. В наши дни уже немалое достижение. Так что я позволил ему за чисто номинальную плату арендовать мой коттедж по ту сторону реки, и обычно он приезжал сюда на каждые выходные. Иногда оставался на несколько недель. Он мог приходить сюда когда угодно, как ему заблагорассудится – на обед, ужин, даже на завтрак. Да, он развлекал меня. Я буду скучать по нему. А моей бедной Дидо, боюсь, его будет не хватать еще больше.

– У него было много врагов?

– Я могу представить мало людей с большим количеством врагов. У него всегда были наготове и острое словцо, и кулак. Прекрасный боксер, я полагаю, и храбрый, насколько это возможно.

– А когда вы в последний раз его видели? Он приходил, как обычно, поужинать с вами прошлой ночью?

– Нет. Не приходил, ни на ужин, ни на коктейль. Последний раз я видел его вчера днем, где-то в половине четвертого.

– То есть в воскресенье?

– Да.

– Он обедал здесь?

– Нет. В субботу он сказал нам, что не придет на обед в воскресенье.

– Он не говорил, где собирается обедать? Не видели ли вы его после того, как он ушел от вас в половине четвертого? Предполагалось, что он будет обедать здесь?

– Ах, этого я не знаю, – с улыбкой отвечал господин Мандулян. – Вам не стоит задавать хозяину такие вопросы, инспектор, лучше спросите у дочери. В действительности мы всегда приглашали Перитона, и он иногда приходил, а иногда нет.

– Еще один вопрос, и я больше не стану вас беспокоить до поры до времени, – сказал Флеминг. – Была ли у него какая-то особая причина для визита к вам вчера в три часа?

---

[10] Эдуард VII (1841-1910) – король Великобритании и Ирландии (1901-1910).

Миллионер на мгновение задумался, а затем ответил:

– Да, мистер Флеминг, такая причина была, и даже две. Во-первых, он нашел в парке куропатку, ее подстрелили, пока в субботу нас не было здесь. Он принес ее сюда...

– О, – сказал Флеминг. – Это объясняет то, откуда взялось перо куропатки в кармане его жилета. Продолжайте.

– А вторая причина заключалась в том, что он хотел позаимствовать шесть тысяч фунтов.

– Шесть тысяч фунтов! Это кажется довольно необычным.

Господин Мандулян пожал огромными плечами.

– Я никогда не считал, что люди, приходящие, чтобы занять денег, выглядят необычно. Я даже никогда не считал это чем-то из ряда вон выходящим. Вот когда человек приходит и не пытается занять денег – это совсем другое дело.

– И что вы ему ответили? – спросил Флеминг.

– Я поблагодарил его за куропатку и передал ее Уолтеру, своему слуге. А затем я дал Перитону шесть тысяч фунтов.

– Что? – Флеминг даже подскочил. – Вы дали ему деньги?

– Да. Ведь я обещал, – последовал спокойный ответ.

– Господин Мандулян, – сказал Флеминг, – это крайне важно. Когда этим утром было найдено тело Перитона, у него не было чека...

– Я дал ему деньги в казначейских билетах.

– Сэр, я хочу, чтобы вы рассказали мне всю историю.

– Конечно, расскажу, – мистер Мандулян выпустил облачко сигарного дыма, которое воспарило ввысь и растворилось в безмятежном воздухе. Затем он продолжил:

– Это простая история, мистер Флеминг. Моя дочь, сменив, скажу прямо, множество кандидатур по мыслям или по сердцу – как вам угодно, – наконец остановилась на Сеймуре Перитоне. Это не тот вопрос, в котором она советовалась бы со мной, и я этого даже не ждал. Я был поставлен перед фактом и, будучи философом, принял его, мистер Флеминг. Мистер Перитон также поставил меня перед фактом, но несколько иного рода. У одной леди, хористки, стремящейся к известности, имелось несколько писем, написанных ей Сеймуром Перитоном, и они, несомненно, произвели бы неблагоприятное впечатление в суде. Вопрос заключался в следующем: не куплю ли я их для него в качестве свадебного подарка? Или, если вы предпочтете назвать это так, не куплю ли я Перитона в качестве мужа для моей дочери. Поскольку моя дочь выступала за эту сделку, на прошлой неделе я отправился в Лондон и получил деньги в билетах, а вчера днем я передал их Перитону.

После этого рассказа наступила тишина – детектив обдумывал услышанное. Наконец он сказал:

– Вчера после половины четвертого Перитон ушел отсюда с шестью тысячами фунтов в казначейских билетах в кармане. Сегодня, в десять утра, он был найден всего с тридцатью фунтами. За это время он успел избавиться от пяти тысяч девятисот семидесяти фунтов.

– Вероятно.

– Вы знаете, как зовут ту девушку-хористку?

– Нет.

– Вы просто поверили Перитону на слово?

– Что ж, я ведь как-никак признал его как будущего зятя. После этого сомневаться в его словах было бы... несколько неверно.

– Он никогда не упоминал человека по имени Лоуренс?

Мандулян нахмурил кустистые брови.

– Вы не имеете в виду полковника Лоуренса Аравийского?[11]

[11] Имеется в виду знаменитый в то время Томас Эдвард Лоуренс, или Лоуренс Аравийский (1888–1935), известный британский офицер и путешественник.

– Нет, – ответил Флеминг. – Я имею в виду не полковника, а человека по имени Джон Лоуренс.

– Нет, думаю, про него я ничего не слышал.

– Вы узнаете это описание? – инспектор зачитал описание, данное Кэрью своему внезапно исчезнувшему постояльцу.

Мандулян покачал головой.

– Если Перитон был так состоятелен, то почему он обратился к вам за деньгами?

– Он не был так уж богат. Полагаю, что в год он получал тысячи полторы.

– Понимаю. Итак, эти деньги. Вы взяли их со своего счета в лондонском банке?

– Да. Я ездил за ними в пятницу.

– А в каком банке вы...

– «Домашний и имперский банк», филиал на Ломбард-стрит.

– Хорошо, – подытожил Флеминг. – Если это возможно, то я хотел бы ненадолго увидеть мисс Мандулян.

Крупный армянин со вздохом поднялся на ноги.

– Я боялся, что вы станете настаивать на этом, но я знаю, что закон есть закон. Вы хотите с ней поговорить – что ж, это ваша обязанность. Только помните, Флеминг... она только что потеряла своего… своего друга, умершего ужасной, насильственной смертью.

Флеминг кивнул, и миллионер провел его внутрь дома.

Мисс Дидо Мандулян сидела в маленькой гостиной с видом на деревню. Первым, что бросилось Флемингу в глаза, были ее оливково-зеленый костюм для гольфа, огромное кольцо с изумрудом, смуглое лицо, очень яркие губы и очень темные, сверкающие глаза. Следующим впечатлением сыщика была театральная обстановка. В комнате стоял тяжелый запах; смешиваясь вместе с сигаретным дымом, он напоминал запах ладана. Было что-то театральное в томной позе девушки, сидевшей на софе, отделанной зеленым атласом и золотом. Она оставалась неподвижна, пока отец представлял ей детектива. Единственным признаком, указывающим на то, что она осознает его присутствие, было то, что она ненадолго подняла тяжелые веки. В руке девушка держала французский роман, но явно не смотрела в книгу.

– Мистер Флеминг хочет задать тебе пару вопросов о Сеймуре, – сказал господин Мандулян.

– Сделаю все, что в моих силах, – сказала девушка низким хриплым голосом, отвернувшись к окну.

Флеминг выдвинул стул и сел. Девушка заинтересовала его. По службе он уже несколько раз сталкивался с девушками подобного типажа, но никак не в английских загородных домах. Такая девушка могла стать причиной драки в таверне в Сохо или вражды бандитов в Клеркенвилле. Это был типаж южной или восточной танцовщицы – но здесь он приобрел томные, полублагородные черты. В ней был скрытый огонь, но огонь этот был скрыт за надежной завесой. В Клеркенвилле такие часто носят ножи в подвязках. В поместье Килби, подумалось Флемингу, оружием стало бы отсутствие следующего приглашения на уик-энд. Грубость становится условной.

Мистер Мандулян прошел к другому окну и взял иллюстрированную газету, лениво взглянув на нее. Очевидно, он намеревался остаться, но детектив был непреклонен:

– Я уверен, что для всех нас будет проще, если... эээ... если…

Армянин сразу же понял намек и, поклонившись, вышел, бормоча: «Конечно, мой дорогой друг, конечно».

– Мисс Мандулян, – начал Флеминг, – скажите мне: кто, по вашему мнению, убил мистера Перитона?

Девушка обернулась и посмотрела на него.

– Я бы предположила, что его убил Людовик Маколей.

– Людовик Маколей, – повторил детектив. – Кто это? Я еще не слышал этого имени.

– Это поэт. Он живет возле коттеджа Сеймура... то есть мистера Перитона. Он влюблен в деревенскую девушку по имени Коллис, Ирен Коллис.

– Но зачем ему убивать Перитона?

– Почему влюбленный человек может захотеть убить кого-то вроде Сеймура? Потому что он был профессиональным любовником. Ему было достаточно узнать, что мистер Маколей влюблен в девушку, чтобы попытаться вывести его из игры. Просто ради забавы. И ему бы это удалось.

Она сказала это совершенно бесстрастно, без следа эмоций в тягучем, томном голосе. Таким же будничным тоном, как если бы приглашала детектива на обед.

– Но мисс Мандулян, что вы об этом думали? – несколько растерянно спросил Флеминг. – Надеюсь, вы не станете возражать против таких личных вопросов.

– Можете спрашивать все что угодно. Я не против. Что я думала, когда Сеймур бегал за Ирен Коллис? Что ж, это был не первый раз со времени нашего знакомства. Но я сказала ему, что это должно стать последним разом, – девушка рассмеялась тягучим грудным смехом. – И это стало последним разом.

– Кажется, вы не очень-то взволнованны смертью вашего жениха, – резковато сказал Флеминг. Этот смех задевал его чувства.

– Он больше не был моим женихом. Я сказала ему об этом в субботу. Он зачастил ходить к чужому источнику[12]. После этого... – девушка неторопливо взмахнула смуглой рукой, – после этого он перестал для меня существовать. Жизнь состоит из различных фрагментов, мистер... ммм...

– Флеминг.

– …мистер Флеминг, и главный закон жизни состоит в том, что фрагменты не должны перекрывать друг друга. Месье Перитон был, а теперь его больше нет. C'est fini. Recommencez alors[13].

Шотландский полицейский был поражен такой жизненной философией, и, вероятно, это отразилось на его лице, так как девушка продолжила:

– Вам не нравится такая точка зрения. Но вы ведь не восточный человек – в отличие от меня. Для нас смерть значит не так много, как для вас. Когда-то я любила Сеймура Перитона. Но сейчас он мертв, и я полюблю кого-то другого.

– И не прольете ни слезы?

– Я проливала слезы, когда моя любовь стала сходить на нет. Но не теперь, когда мой любимый мертв.

– А ваш отец знал о том, что в субботу вы разорвали отношения? Полагаю, нет, ведь в воскресенье он дал Перитону шесть тысяч фунтов, чтобы откупиться от хористки. Он не сделал бы этого, знай он о том, что вы больше не любите Перитона.

Прежде чем девушка успела ответить, открылась дверь, и в комнату вошел господин Мандулян.

– Мистер Флеминг, я только что вспомнил одну вещь, – сказал он. – Когда Перитон приходил в воскресенье, я дал ему орхидею из оранжереи в петлицу. Не знаю, имеет ли это какое–то значение.

– Она была у него в петлице, когда нашли тело, – ответил Флеминг. – Господин Мандулян, когда в воскресенье вы дали Перитону шесть тысяч фунтов, знали ли вы, что в субботу ваша дочь разорвала помолвку с ним?

Миллионер застыл посреди комнаты, и Флеминг мог бы поклясться, что его лицо так побледнело не из-за последних сумеречных лучей. Но когда он заговорил, в голосе не было ни тени сомнений, ни эмоций:

– Стало быть, этот человек обманом получил мои деньги, – спокойно сказал богач. – Я не думаю, что смогу увидеть их снова.

– Они никуда не денутся, отец, – томно сказала девушка, снова смотря в окно.

---

[12] Первая половина английской пословицы с русским аналогом «повадился кувшин по воду ходить, быть кувшину битым». Вероятно, это ссылка на библейский стих «пей воду из твоего источника и текущую из твоего колодезя» (*Притчи* 5:15) – образный призыв к (супружеской) верности.

[13] Это конец. И теперь все начинается сначала (*фр.*).

– И последний вопрос, по крайней мере, на этот раз, – Флеминг обратился к мисс Мандулян. – Знаете ли вы что-либо о человеке по имени Джон Лоуренс или о ком-то, кто соответствует этому описанию, – он передал ей бумагу, где Кэрью описал неизвестного постояльца «Тише воды», который исчез ранним утром этого дня.

Дидо Мандулян внимательно прочитала описание и вернула его инспектору, не сказав ни слова. Затем она вдруг подняла тяжелые веки, посмотрев прямо на Флеминга.

– Нет, – сказала она, – это ни о чем не говорит мне.

Идя в вечерней прохладе улицы, Флеминг курил дорогую сигару, полученную от армянина, и размышлял об отце и дочери.

«Не знаю почему, но эти восточные люди всегда кажутся мне лжецами – даже когда говорят правду, – думал он. – Но в двух отношениях я готов поклясться...»

Он остановился, вытащил записную книжку и записал в свете последних закатных лучей: «Мисс М. видела Лоуренса раньше». И ниже: «П. вероятно шантажировал М. История о хористке – ложь?»

Глава VI. Флеминг за работой

До ужина можно было успеть сделать еще один визит, и Флеминг после некоторых раздумий решил попытаться увидеть миссис Коллис. Контраст между ее коттеджем и громадным дворцом на холме, который инспектор только что покинул, был почти столь же значительным, как и контраст между двумя леди, живущими в этих домах. Узкий, пересеченный колеями от телег переулок, под прямым углом отходивший от главной деревенской улицы, пролегал между двумя рядами коровников. В конце его стоял небольшой деревянно-кирпичный коттедж с черепичной крышей. В маленьком садике перед ним росла старая узловатая яблоня, поэтому его называли «Яблочным коттеджем». Жилище выглядело аккуратным, красивым, удобным и по-домашнему уютным. Флеминг постучал, и горничная провела его через здание на лужайку за коттеджем, где, устроившись в гамаке, сидела миссис Коллис. Как «Яблочный коттедж» отличался от огромных комнат фамильного особняка де Гланвиль-Феррара, так и Ирен Коллис отличалась от Дидо Мандулян. Флеминг чувствовал себя так, будто на ковре-самолете перенесся с востока на запад.

Миссис Коллис было где-то от тридцати пяти до сорока лет. Быть может, она была слишком уж бледна, но у нее была идеальная форма лица, обворожительные глаза, сиявшие не столько живым выражением или яркостью, а скорее чистой, неизменной искренностью, и густые каштановые волосы, зачесанные назад и открывавшие гладкий белоснежный лоб – красота Ирен Коллис была истинно английского типа. Именно это сразу же поразило Флеминга. Она была англичанкой, настоящей англичанкой. Со всей очевидностью она была неспособна на грубое слово или подлый поступок, но в то же время она не страшилась всего того, что могло с ней случиться. Но относилась ли она столь же бесстрашно и к тому, что могло произойти с другими?

Когда Флеминг подошел, она встала с гамака и внимательно выслушала его объяснения.

– Я отвечу на любые вопросы и расскажу вам все, что смогу, – сказала она. – Вы присядете?

Сравнив, Флеминг подумал, что внешность, самообладание и идеальные манеры этой девушки, как и сама ее личность и внешне, и внутренне составляли полную противоположность той странной девушке, у которой он только что побывал. Эта была настоящим порождением цивилизации; другая – лишь видимостью. Но за плечами Флеминга был двадцатилетний опыт работы с мужчинами и женщинами самых разных типажей и классов. Он знал, что настоящие порождения цивилизации, как и любые другие люди, могут временами поступать странным и необъяснимым образом.

– Миссис Коллис, – он сразу перешел к делу, – как по-вашему, кто убил мистера Перитона?

Она спокойно встретила его взгляд и ответила:

– Вы думаете, что у кого-то есть право на собственное мнение по такому вопросу?

– Хорошо. Скажем иначе: вы знаете кого-то, у кого была причина убить его?

– Нет.

– Вообще никого?

– Вообще никого.

– Понимаю. Тогда, возможно, вы не возражаете против того, чтобы рассказать мне все, что вы знаете о нем, – я имею в виду его отношение непосредственно к вам.

– Что ж, я знаю его два или три года, – неторопливо начала она, – с тех самых пор, как я поселилась здесь. Я встречала его у Мандулянов, а также в других местах по соседству. Он был интересным собеседником и хорошим другом. Мне он нравился.

– Он часто приходил к вам?

– Лишь с недавних пор. Он вдруг стал каждый день навещать меня, причем дважды в день.

– Почему же?

– Он заявлял, что влюбился в меня, – миссис Коллис ответила без малейшего признака смущения или колебания.

– И он...

– Нет. Конечно, нет. Это была просто прихоть. Он был странным, своенравным созданием. Вы никогда не знали, что он собирается делать дальше. Был лишь один верный способ общения с ним – это смеяться над ним.

– Скажите мне, миссис Коллис... – Флеминг почувствовал, что ступает на опасную почву. – Что об этом думал мистер Маколей?

Девушка ненадолго заколебалась, прежде чем ответить.

– Почему бы вам не спросить об этом его самого?

– Вы не хотите ответить на мой вопрос?

– Нет, дело в другом. Никто не может точно знать, что думает кто-то другой.

Флеминг понял, что сложно поддерживать диалог с человеком, отвечающим на все вопросы избитыми фразами и клише. Он попытался зайти с другой стороны.

– Мистер Холливелл... простите за прямой вопрос… был ли он... или, быть может, влюблен ли мистер Холливелл в вас сейчас?

– Нет.

– Вы так уверены?

– Вполне. Всегда считалось, что если он и влюблен в кого-то – что сомнительно, – то это Дидо Мандулян.

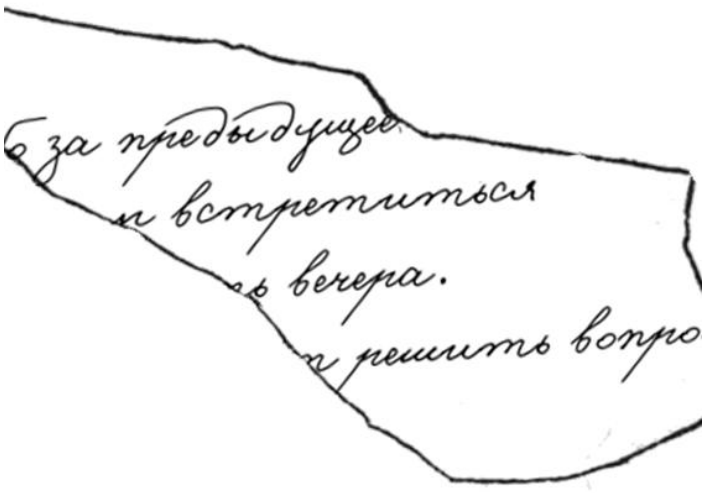
– Понимаю. Есть ли еще что-то, что вы хотели бы рассказать мне? Что-то такое, что, по вашему мнению, может как-то помочь расследованию?

Миссис Коллис задумалась, а затем покачала головой.

– Не думаю, что могу чем-то помочь.

Флемингу пришлось удовольствоваться этой малоинформативной беседой, после которой он вернулся в отель.

В «Тише воды» его дожидался сержант Мэйтленд. До сих пор расследование не успело принести никаких результатов. Обыск берегов реки на предмет следов борьбы или того, что там было сброшено в реку тело, был приостановлен с наступлением сумерек. Но все же одна важная находка была сделана – в коттедже Перитона обнаружили часть письма.



Хоть Флеминг и не был экспертом в области почерков, сравнение этого отрывка с записью в регистрационной книге отеля убедило его в том, что письмо было написано исчезнувшим Джоном Лоуренсом.

Это открытие заставило сыщика сесть, заказать выпить и погрузиться в глубокие размышления. Связь между Перитоном и Лоуренсом могла означать, что они были сообщниками и вместе шантажировали Мандуляна. С другой стороны, рассказ Мандуляна мог быть правдив, – в таком случае Джон Лоуренс действовал от имени оскорбленной хористки и шантажировал Перитона. В наличии шантажа в этом деле инспектор был уверен, но никак не мог решить, связан ли он с убийством или же нет.

Всего он рассматривал три возможных мотива убийства, не принимая в расчет все еще неизвестного ему мистера Людовика Маколея, против которого выдвинула обвинение мисс Мандулян. Во-первых, мотив мог быть непосредственно связан с шантажом. Может быть, шантажируемый убил шантажиста или же шантажист убил шантажируемого в самообороне. Во-вторых, это могла быть ссора между Перитоном и викарием. И, в-третьих, самая простая и хорошо знакомая ему по службе версия – убийство с целью ограбления. Возможно, кто-то знал о том, что Мандулян собирается передать – или уже передал – Перитону крупную сумму денег в казначейских билетах. Этот человек мог напасть на Перитона и в борьбе убить его. Наличие тридцати фунтов в кармане убитого легко объяснялось тем, насколько большой была пропавшая сумма. Уходя с целыми шестью тысячами, преступник мог не заметить жалкие тридцать фунтов.

После ужина инспектор отправился в Перротс, чтобы взглянуть на семью Маколеев. Их словесный портрет он уже получил от услужливого молодого владельца гостиницы.

Прибыв в Перротс, он застал там самую обычную домашнюю вечернюю рутину. Людовик Маколей курил трубку и читал. Адриан растянулся на полу в холле, рассматривая луковицы гладиолуса с помощью микроскопа. Роберт работал в своем кабинете.

Людовик не скрывал ненависти к Перитону. Едва выслушав первый вопрос детектива, он почти перебил его, желая объяснить, почему и насколько он возненавидел умершего за последнюю неделю. Раньше этот человек интересовал и удивлял его, у него был занятный характер – такой поток слов, идей и причуд, хотя ему никогда не нравилось, что Перитон изводил священника. Он пробовал вмешаться в нескольких случаях, когда эти двое не ладили, но всякий раз абсолютно безуспешно. Как инспектор, вероятно, знает, в последние несколько дней их распри достигли кульминации.

Флеминг кивнул:

– Да, мне об этом рассказали.

– Кроме того в пятницу вечером обострились и мои отношения с Перитоном, – угрюмо добавил Маколей. – Он оскорбил леди... моего друга... я хочу сказать, миссис Коллис.

– В последнее время он ее часто навещал? Я слышал об этом в деревне.

– Он немало постарался, чтобы об этом узнала вся деревня. Он всегда приходил в половину первого и без четверти шесть – как раз тогда, когда все заканчивают работу и на улице многолюдно.

– Он делал это, чтобы просто досадить вам?

– Да. Я уверен в этом. Хотя должен признать, что в пятницу он сказал мне, что делает это, чтобы позлить викария – он считал, что мистер Холливелл влюблен в миссис Коллис. Но Перитон солгал об этом. De mortuis nil nisi bonum[14], инспектор, но мне трудно сказать что–либо хорошее о Сеймуре Перитоне. Вне всяких сомнений он был лжецом.

На мгновение Флеминг задумался.

– Так мистер Холливелл не был влюблен в миссис Коллис?

– Нет. Кроме того случая я никогда об этом не слышал. Кстати, Перитон выкрикнул мне вслед, что узнал об этом от моего сына, Роберта. Но это тоже была ложь. Честно признаюсь вам, – добавил он, – недавно вечером я сказал Роберту, своему второму сыну, что хотел бы убить Перитона.

[14] О мертвых или хорошо, или ничего (*лат*.)

– Но вам не выпало такого шанса? – спросил Флеминг так серьезно, что поэт улыбнулся.

– Нет, не представилось. Но не буду притворяться, что я сколько-нибудь сожалею о его смерти. Это было бы полнейшим лицемерием.

– Исходя из этого, могу ли я предположить, мистер Маколей, что вы вполне симпатизируете человеку, убившему его?

Маколей несколько вызывающе взглянул на детектива.

– Полностью симпатизирую, – ответил он. – Особенно если он убил его по той же причине, по которой его хотел убить я.

– И я буду прав, если скажу, что вы не горите желанием помочь мне найти убийцу?

Маколей заколебался, а затем медленно сказал:

– Этого я не знаю. Я из принципа не терплю убийства. Если я не стану помогать, то, конечно, не стану и препятствовать.

– Понимаю. Что ж, мне лучше осознавать, чего от вас ожидать. А теперь, мистер Маколей, что касается этой ссоры между Перитоном и викарием: как я понимаю, ее причиной, прежде всего, была неприязнь со стороны Перитона. Он сделал это, чтобы просто досадить викарию.

– О нет, вовсе нет, – энергично возразил Маколей. – Перитон был полностью откровенен на этот счет. Он действительно верил, что религия – это бедствие для человечества. Он полагал, что поступает единственно правильно, противодействуя всякому и всему, что только способствует распространению религии.

– В сущности, настоящий фанатик.

– Настоящий. Они оба были такими. Вернее, конечно же, я хотел сказать, один из них был, а второй все еще остается.

– Верно. Теперь, сэр, смотрите: вы довольно хорошо знали их обоих. Между нами, считаете ли вы абсолютно невозможным то, что Перитона мог убить викарий?

– Нет, – поразмыслив, признался Маколей.

– А то, что Перитон мог напасть на викария и был убит в драке?

– Нет.

Флеминг наклонился к Маколею.

– А то, что Перитон мог совершить самоубийство, обставив все так, чтобы убедить всех, что его убил викарий?

Маколей удивленно смотрел на детектива несколько секунд; затем он подскочил и принялся ходить взад-вперед по комнате.

– Да! – горячо воскликнул он. – Да, это было бы полностью в духе Перитона. Такая странная, причудливая мысль вполне могла прийти ему в голову. Его далеко не так удовлетворило бы убийство собственными руками, как если бы священник англиканской церкви был повешен, подобно Аману[15], за преступление, которого не совершал. Это бы полностью соответствовало представлениям Перитона о по-настоящему занятной шутке.

– И вы думаете, что он пошел бы на самоубийство ради подобной шутки – ведь он не смог увидеть ее кульминацию?

– Нет. Но я думаю, что он бы не возражал. Я действительно считаю, что он пошел бы на что угодно, лишь бы уничтожить клерикализм. Он был весьма несдержан в этом вопросе.

– Понимаю, – ответил Флеминг. – Могу я теперь увидеть ваших сыновей?

– Конечно, – поэт позвал Адриана и оставил их с детективом одних.

Предупрежденный Карью о некоторых «странностях» старшего отпрыска Маколея, Флеминг начал разговор издалека – с замечания о микроскопе, стоявшем на столике. Адриан Маколей охотно подошел к своему драгоценному инструменту и начал длинными, нервными пальцами перебирать груду предметных стекол.

---

[15] Аман – враг иудеев, стремившийся уничтожить их во всей Персии. Был повешен на том дереве, которое приготовил для Мардохея (*Есф* 7:10).

– Вы бы хотели взглянуть? – увлеченно предложил он. – Я могу показать вам нечто удивительное – вы о таком и не подозревали. Вот стекло с каплей воды из Килби-ривер. А вот питьевая вода из Лондона. Взгляните на различие!

Флеминг с мнимым энтузиазмом осмотрел оба образца, а затем, стремясь предотвратить рассмотрение и изучение других экспонатов, вскользь заметил:

– Мистер Маколей, я полагаю, вы знали этого несчастного мистера Перитона?

После этого вопроса Адриан внезапно повернулся к Флемингу, и его бледное лицо исказилось. В темном углу за освещенным светом микроскопом он походил на призрака.

– Да, я знал его, – тихо ответил он. – Он был безобидным человеком. Мне жаль, что он мертв.

– Безобидным человеком? Что вы имеете в виду?

– Он не причинял вреда животным. Не калечил птиц, не охотился на лис, не убивал бабочек с мотыльками. Карью убивает бабочек. Я попытался его убить – наверное, вам об этом рассказывали.

Он был так отчаянно серьезен, что Флеминг с трудом подавил улыбку. Пустяковые царапины и удары, которыми наградил владельца гостиницы этот бледный юноша, вряд ли тянули на попытку предумышленного убийства. Как ему сказали, парню было двадцать шесть – двадцать семь лет, но Флемингу казалось, что тот едва вышел из мальчишеского возраста.

– Перитон всего лишь пытался навредить душам, – продолжил Адриан, – но, конечно, этого сделать нельзя. Это глупо. Пустая трата времени. Холливеллу это не нравилось, но тогда он не понимал, – юноша замолчал и снова повернулся к микроскопу.

– Чего не понимал Холливелл? – быстро спросил детектив.

– Он не понимал, что миру угрожают отнюдь не люди вроде Перитона. Ведь душа бессмертна и нетленна, а животные – нет. Поэтому опасность для мира представляют люди вроде Карью с его силками и колбами и вроде Мандуляна, развлекающиеся на большой охоте.

Это пылкое и красноречивое выступление Адриана резко контрастировало с его прежней неуверенностью, его черные глаза сверкали.

– И как это согласуется с вашим желанием убить Карью? – спросил Флеминг, который подобно почти всем шотландцам всегда был готов вступить в дискуссию на тему этики или религии. – Это не очень-то логично.

– Это не логично, – повторил Адриан. – Я знаю это. Но люди могут позаботиться о себе. По крайней мере, у них есть такая возможность. А животные не могут. Если бы я думал, что смогу спасти всех бабочек и мотыльков в мире, погибающих от рук людей вроде Карью, просто убив Карью, то я бы подстерег его и врезал бы ему так, что он стал бы так же мертв, как и бедняга Перитон.

– А вы кровожадный юноша, – начал было Флеминг, но Адриан с жаром прервал его:

– Я не кровожаден. Но я бы предпочел пролить кровь один раз, чтобы избежать тысячи кровопролитий в будущем. Иногда о животных я беспокоюсь больше, чем о людях. Вот и все.

Он вновь погрузился в молчание, и Флеминг подумал, что он угрюм от непонимания.

– Тогда кто, по вашему мнению, убил Перитона? – спросил он. Ему пришлось повторить вопрос, чтобы получить ответ.

– Какой-то безумец, – наконец ответил Адриан.

– Безумец? – удивился Флеминг.

– Да.

– Вы имеете в виду человека, для которого души имеют большую ценность, нежели тела?

– Это определенно идеальное определение безумца.

– И вы имели в виду именно такое безумие? – упорствовал Флеминг.

– Нет. Я имел в виду, что некий человек, полагавший, что Перитона стоит убить, должно быть, сумасшедший или сумасшедшая.

Адриан впал в совсем мрачное настроение, и Флеминг решил оставить его и завершить свой визит в Перротс разговором с трудолюбивым младшим братом-финансистом.

Роберт как всегда погрузился в обучение, корпя над своими книгами.

Он освободил стул для детектива, откинулся на спинку собственного и спросил:

– Итак?

«Слишком спокоен, как я посмотрю. Будто сорокалетний», – присев, подумал Флеминг. Вслух он сказал:

– Мистер Маколей, я интересуюсь мнением людей о смерти мистера Перитона. Мои подчиненные же выполняют более сложную работу, собирая конкретные доказательства, – добавил он с улыбкой. Инспектор ждал ответа и немного удивился, не получив его. Он еще не подозревал о способности Роберта к умалчиванию.

– К этому моменту мне назвали несколько вероятных мотивов убийства и нескольких возможных убийц, – продолжил инспектор. – Больше всего меня интересует возможность того, что в этом деле имел место шантаж. Скажите мне: были ли у вас, человека, знакомого с участниками этой – не побоюсь этого слова – драмы, подозрения о наличии шантажа?

– Как по мне, миллионеры всегда подозрительны.

– Значит, вы думаете, что мистер Мандулян мог быть жертвой шантажа?

– Нет. Я скорее говорил о миллионерах в общем. Большинство из них когда-то были мошенниками.

– То есть вы не имели в виду ничего конкретного?

– Нет.

– Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Джон Лоуренс?

– Джон Лоуренс? Да. На прошлой неделе Карью говорил мне о постояльце «Тише воды» с таким именем.

– Вы ничего о нем не знаете?

– Абсолютно ничего.

– Вы его никогда не видели?

– Насколько мне известно – нет.

Флеминг сменил тактику.

– Ваш отец влюблен в миссис Коллис, я полагаю?

– Был влюблен.

– И Перитон пытался отбить ее у него?

– Нет.

– Прошу прощения?..

– Я сказал «нет».

– Но со слов вашего отца Перитон провел всю прошедшую неделю в попытках отбить ее у него, – возразил Флеминг.

– А я знаю со слов Перитона, что он пытался отбить ее у Холливелла.

– Погодите, – воскликнул детектив. – Я сбит с толку. Мне казалось, что мистер Холливелл влюблен в мисс Мандулян.

– Об этом я ничего не знаю, – ответил Роберт. – Я говорю вам то, что сказал мне Перитон.

– Он сказал вам, что Холливелл влюблен в миссис Коллис?

– Да.

– И он сказал вашему отцу, что знает об этом от вас.

– По словам отца – да.

– Но вы не говорили ему этого?

– Нет.

Флеминг поднялся.

– Последний вопрос, мистер Маколей: как вы думаете, кто убил Перитона?

– Я не знаю.

– У вас нет мнения на этот счет?

– Нет.

– Ну что же, – заключил инспектор. – Тогда я больше не стану отвлекать вас от вашей работы. Доброй ночи, мистер Маколей.

– Доброй ночи.

Вернувшись в гостиницу, Флеминг сделал еще несколько записей в своем блокноте. После записи о разговоре с Людовиком Маколеем инспектор пометил: «Подскочил при мысли о возможном самоубийстве». После беседы с Робертом он записал: «темная лошадка».

Последней беседой этого вечера был разговор с добродушным хозяином гостиницы – капитаном Гарри Карью. Они провели его в отдельной гостиной за парой порций виски с содовой. Владелец гостиницы смог внести различные дополнения в ту важную общую информацию, которую сыщик почерпнул из сплетен завсегдатаев «Трех голубей». Например, Карью заинтересовался вопросом братьев Маколеев. Адриана он немедленно отмел как сумасшедшего. Карью не мог понять его и выказывал безразличие к тому, что никогда не понимал Адриана. Он добродушно посмеялся над нападением юноши.

– Это произошло субботним утром, где-то в половине десятого, – рассказал он. – Парень влетел сюда так, будто за ним гнались сорок тысяч чертей – дикий взгляд, побледневшие щеки, весь дрожит. Заявился прямо сюда, ворвался без доклада и без стука и затараторил что-то непонятное, как чертова обезьяна. Наконец он смог выдавить что–то про мотылька, которого я поймал предыдущей ночью недалеко от их дома, ну вы знаете – Перротс, что на другом конце деревни.

– Да, знаю, – вставил Флеминг. – Я был там сегодня вечером.

– Ах да, конечно, вы были там. Итак, Адриан услышал о мотыльке от их садовника – я показывал ему мотылька. Парня это взбесило – он обозвал меня убийцей, Иудой, скотиной и Бог знает кем еще. Тогда я, как мне теперь кажется, совершил довольно глупый поступок – достал мотылька из ящика и показал ему. Он чуть было не вырвал его у меня. Набросился на меня как тигр, царапался и пинался. Сейчас это кажется довольно забавным, если подумать, но тогда я почувствовал себя нелепо – драться в своей собственной гостинице!

– А что насчет Роберта?

Владелец гостиницы заговорил совсем другим тоном голоса – насмешливость сменилась уважением.

– Роберт Маколей! Ох! Совсем другой тип – просто кошмар.

– Кошмар? В каком смысле?

– Возможно «кошмар» – не самое верное слово. Я имею в виду, что он умен как черт. Биржевой брокер; люди говорят, он получает уйму денег помимо той зарплаты, что ему платят в фирме. Трудится без устали, никогда и слова не скажет. Такими людьми я восхищаюсь, инспектор, но, честно говоря, они меня не интересуют. Он заходит сюда время от времени и спокойно сидит в углу, попивая тоник.

– Но зачем он приходит сюда?

– Бог его знает. Должно быть, чтобы узнать деревенские новости. Он нашел метод получать ответы, не задавая вопросов, не говоря ни слова – если вы понимаете, о чем я. Иногда он часами сидит и слушает, а сам больше десятка слов и не скажет. Следует методу абердинцев: не тратит впустую слова, время или деньги.

– Странный человек, – задумчиво заметил Флеминг, и молодой владелец гостиницы согласно закивал:

– Я вдруг вспомнил один случай, – продолжил он. – Маколей, Роберт Маколей, в начале прошлой недели заглянул сюда, как всегда заказал свой тоник, а затем вдруг поведал о двух событиях. Это было так не похоже на него, я не мог не удивиться. Хотя то, что он рассказал, вовсе не представляет интереса – во всяком случае, для вас. Всего лишь обычные сплетни.

– И все же расскажите мне об этом, – попросил Флеминг.

– Что ж, во-первых, он сказал, что Перитон повезет миссис Коллис в Лондон, чтобы посмотреть пьесу.

– И это все?

Карью заколебался.

– Это все, что он сказал. Но, конечно, он имел в виду нечто куда большее. Говоря о «пьесе», он подмигнул, и это выглядело ужасно неприятно. Было не трудно догадаться, что он имел в виду. Полдюжины выпивавших здесь фермеров просто умирали со смеху.

– Ясно. А второе?

– Он сказал, что пастор бегает за миссис Коллис. Поначалу никто ему не поверил, но я-то видел, что все они задумались и заинтересовались этим.

– Понятно, – глубокомысленно сказал Флеминг. – Не думаю, что это много дает.

Он запомнил эту информацию и сменил тему. Флеминг выяснял важные детали, как бы невзначай выведывая у незнакомцев обыкновенные, но стоящие внимания сплетни. Если незнакомец будет считать, что может быть полезен, от него ничего не удастся узнать. Это был один из принципов Флеминга.

– А теперь насчет этого Лоуренса, – сказал сыщик. – Он выходил по вечерам, а весь день оставался в гостинице?

– Совершенно верно. Чудак. Это напомнило мне... я вспомнил еще кое-что о нем, инспектор. Не знаю, имеет ли это хоть какое–то значение...

– Не думайте о значении. Я вас слушаю.

– Это произошло в одну из ночей на прошлой неделе. Пожалуй, было около одиннадцати часов вечера, и я возвращался с охоты на мотыльков, шел по направлению к Перротс и встретил Лоуренса там, где дорога сворачивает к поместью. Лоуренс шел со стороны поместья и, казалось, был в прекрасном настроении, так как энергично насвистывал. Мне показалось, что я узнал мелодию, но я никак не мог вспомнить, что же это за песня, пока вдруг не проснулся среди ночи и не понял, что вспомнил ее. Это была старая немецкая застольная песня, я выучил ее еще до войны, когда был в Гейдельберге. Она называется «Herr Bruder, nimm das Gläschen»[16]. Довольно веселая песенка. Конечно, наутро я рассказал об этом Лоуренсу, но он ответил, что никогда в жизни не был в Германии и не знает, что это за мелодия и откуда он ее знает. Вот и все. Есть ли тут что-то, что может вам пригодиться?

– Может быть. Я не знаю, – сказал Флеминг и поднялся с места. – Что ж, капитан, я собираюсь отправиться в постель. У меня впереди трудный день. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, инспектор. И приятных снов, – ответил Карью.

Поднявшись наверх, инспектор Флеминг обнаружил, что его помощник, сержант Мэйтленд, ждет его в номере.

– Какие-то новости? – спросил он.

– Ничего конкретного, сэр, кроме того, что Джон Лоуренс отбыл в Лондон первым утренним поездом из Пондовера. У него был маленький чемодан. Насколько известно, ни на одной станции между Пондовером и Лондоном он не сходил. К тому же билеты до Лондона не сдавались на промежуточных станциях. Главное управление получило его описание и разослало предупреждение в порты.

– Хорошо! Я только что узнал о его возможной связи с Германией. Запросите информацию по коммерческим атташе и консульствам.

– Есть, сэр.

– И по частным детективным агентствам. Мэйтленд, мне кажется, что он с большой вероятностью может оказаться частным детективом, а не кем-то другим. Никто в здравом уме, собираясь совершить убийство, не стал бы вести себя, как он – селиться в ближайшем отеле, выходить каждый вечер, ни с кем не разговаривать, ничего не делать – не ходить ни на рыбалку, ни на охоту, не рисовать пейзажей, а потом вдруг исчезнуть ранним утром. Это невероятно. С другой стороны, предположим, что его кто-то нанял, чтобы следить за Перитоном и мисс Мандулян. Что насчет них?

---

[16] «Браток, прими стаканчик» (*нем*.)

– Лакей из поместья сегодня вечером выпил лишнего в «Снопе пшеницы», сэр, и дал понять, что Перитон проводил в поместье больше времени, чем все предполагали; он бывал там между полуночью и двумя часами утра.

– А! Разумеется, я подозревал это. Итак, возможно, работа Лоуренса заключалась в слежке за ними. Или же он попросту мог быть обыкновенным шантажистом. Кстати, Мэйтленд, позвоните утром в филиал «Домашнего и имперского банка» на Ломбард-стрит и узнайте номера казначейских билетов, выданных Мандуляну в пятницу. Затем свяжитесь с Ярдом и попросите отследить эти билеты.

– Есть, сэр. Много ли было билетов?

– На шесть тысяч фунтов.

Сержант Мэйтленд застыл с открытым ртом.

– Шесть тысяч?

– Да, и старый Мандулян уверяет, что отдал их Перитону в воскресенье, около трех часов пополудни. Есть что-то еще, Мэйтленд?

– Мистеру Хольту, школьному учителю, пришлось рассказать викарию об экскурсии...

– Да, я знаю об этом.

– И он говорит, что викарий был просто в ярости. Он схватил свою шляпу и большую шишковатую дубинку (это слова мистера Хольта) и помчался по направлению к коттеджу Перитона. Хольт действительно думал, что викарий собирается убить мистера Перитона.

Сержант Мэйтленд вытащил блокнот и пролистал несколько страниц.

– Думаю это все, сэр. Осталась лишь пара небольших деталей . Воскресная проповедь викария была на тему стиха из книги пророка Исаии: «Кто это идет от Эдо́ма, в червленых ризах от Восо́ра?»[17] Все знали, что она обращена к Перитону, но самого Перитона на этой проповеди не было. Очень часто он приходил в церковь и садился в переднем ряду, одетый в голубую рубашку с оранжевым галстуком, – только чтобы досадить мистеру Холливеллу. Но вчера он не появился.

Сержант перевернул страницу.

– Мисс Мандулян состоит в дружеских отношениях с Робертом Маколеем, но не настолько дружеских, какие у нее были с мистером Перитоном. Роберт Маколей иногда обедает в поместье. Как и его отец. Популярный человек, этот Маколей-старший. Я имею в виду отца, сэр. Он всем нравится. Это все, сэр.

– Отлично, Мэйтленд, спасибо. А теперь пора спать. Проследите, чтобы меня разбудили в пять и подали чай.

[17] *Исаия*, 63:1

Глава VII. На Монашьей запруде

На следующий день после обнаружения тела полиция начала свою работу ранним утром, обыскивая берега реки на предмет следов ног, ведущих куда-то, и оружия, с помощью которого было совершено убийство. Деревушка была тише воды, подобно названию ее маленькой гостиницы, дававшей приют рыбакам, замерев в напряженном ожидании каких-то событий. Ни на полях, ни в садах, ни у корыт для стирки почти не работали. Везде собирались группы мужчин и женщин, ожидавших новостей и вследствие недостатка этого крайне важного предмета выдумавших их по мере своих способностей.

Первый свой визит Флеминг нанес в коттедж одной из новоявленных деревенских знаменитостей, словоохотливой и любознательной миссис Кители. Как он и ожидал, выяснилось, что сия достопочтенная дама держит салон, и ее гостиная была заполнена сплетничающими близкими друзьями. Даже в столь ранний утренний час – была только половина десятого – здесь непрерывно передавались чайные чашки с на редкость крепким чаем, а миссис Кители как раз добралась до кульминации своей уже не раз пересказанной истории. Прибытие в ее коттедж известного лондонского детектива собственной персоной лишь доказало ее знаменитость. Это стало признаком, столь же безусловно ее подтверждающим, как проставленная проба на изделии в двадцать два карата.

Флемингу понадобилось некоторое время, чтобы увести миссис Кители от ее гостей, и еще больше времени, чтобы извлечь желаемую информацию из неиссякаемого потока ее слов, сторонних вопросов, объяснений, воспоминаний, повторений и просто того, что не относилось к делу. Наконец, ему удалось уяснить для себя ее историю или, вернее сказать, несколько обросших дополнительными подробностями и слишком растянутых в ее пересказе важных фактов, которые эту историю составляли.

Вкратце, они сводились к следующему. Субботним утром мисс Мандулян пришла в коттедж около половины одиннадцатого. Она находилась там примерно полчаса, разговаривая с мистером Перитоном. Миссис Кители, разумеется, подслушала все, что ей удалось, и была убеждена, что между ними имела место своего рода ссора. Во всяком случае, мистер Перитон несколько раз повышал голос и однажды даже прокричал: «Нет, нет, да нет же, говорю тебе! Это полнейшая ложь, и кто бы ни сказал тебе это, он – проклятый лжец!», а в другой раз, очень отчетливо: «Что ж, я сказал, что мне жаль».

С другой стороны, мисс Мандулян и вовсе едва повышала голос, и миссис Кители дала понять, что она была этим определенно недовольна и что мисс Мандулян вела себя самым неподобающим образом. Миссис Кители признала, что, конечно, у мисс Мандулян низкий и довольно хриплый голос, и она никогда не разговаривает на повышенных тонах. Потому из всего разговора с ее стороны в копилку собранной миссис Кители информации попала лишь одна фраза, брошенная в самом конце беседы, когда мисс Мандулян приоткрыла дверь и со смешком произнесла: «Прощай, дуралей».

Это прощальное обращение чрезвычайно озадачило Флеминга, и он предположил, что почтенная пожилая леди, по всей видимости, ошиблась на этот счет. Однако она настаивала, что последними словами мисс Мандулян были «Прощай, дуралей» и, казалось, восприняла сомнение Флеминга как пятно на своей репутации профессионального подслушивателя. Последние слова мистера Перитона были абсолютно ясными и легко запоминающимися. Он высунулся из окна и крикнул вслед переходящей через мост девушке: «Я собираюсь прийти сегодня. Не забудь об этом».

Воскресным утром миссис Кители как обычно отправилась в коттедж около десяти часов. У Перитона была привычка либо готовить себе завтрак самому, либо отправляться завтракать в поместье. В воскресенье он приготовил завтрак и ушел. Когда она пришла,

его уже не было. Она заправила кровать, вымыла посуду, протерла пыль, убрала оставшуюся с субботы одежду в шкаф и отправилась домой. Как пояснила миссис Кители тоном шокированного и оскорбленного благочестия, одежда, в которой Перитон ходил в субботу, была довольно скромной, по воскресеньям же он всегда надевал самые яркие цвета.

А утром в понедельник она сделала это ужасное открытие… тут ее история подошла к концу. На этом довольно о миссис Кители.

Действительно интересной частью ее рассказа была та странная прощальная реплика мисс Мандулян возлюбленному, с которым она расставалась навсегда. Флеминг очень основательно ее обдумал и, наконец, пришел к выводу, что, даже принимая в расчет всю оригинальность речевых выражений подрастающего поколения, невозможно было представить себе слова «Прощай, дуралей», как конец гневной ссоры. Даже самые юные из молодого поколения не станут использовать такую фразу; она была абсолютно неуместна, это было просто невозможно.

Следовательно, спорил сам с собой Флеминг, по дороге от коттеджа миссис Кители к коттеджу Перитона, было очевидно одно из двух. Либо миссис Кители ошибалась, думая, что мисс Мандулян использовала именно эту фразу, либо мисс Мандулян предоставила ему ложную версию беседы, когда сказала, что в течение получаса навсегда рассталась с мужчиной, с которым была помолвлена и за которого собиралась выйти замуж. При условии, что второй вариант с большой вероятностью мог оказаться верным, так как Флеминг не отметил для себя какую-либо заметную добропорядочную честность в характере этой девушки, к какому выводу его это привело? К очевидному выводу, что она не разрывала помолвку, но по той или иной причине хотела, чтобы люди в это поверили. Другими словами, она хотела создать впечатление, что она окончательно порвала с Перитоном субботним утром и с тех пор больше его не видела. Вероятно, это также допускает предположение, что если она могла солгать в этом, то могла солгать и в другом. Флеминг подумал, что в общей сложности тут было много лжи; он инстинктивно чувствовал это, но все же пока что не мог с уверенностью указать на одного человека, который со всей очевидностью солгал ему. Но со временем все встанет на свои места. Придя к этому оптимистичному соображению, он услышал звуки быстрых шагов позади и, обернувшись, обнаружил, что за ним следовал один из его людей.

– Должно быть, пропустил вас, сэр, – сказал детектив в штатском, смотря на своего начальника. – Я искал вас в гостинице, но мне сказали, что вы вышли, сэр.

– Ну, Диксон, в чем дело?

– Мы нашли место убийства, сэр, но это какая-то бессмыслица.

– Бессмыслица, Диксон? Что вы имеете в виду?

– Что ж, сэр, оно в самом деле близ реки, но ниже того места, где было найдено тело.

– В таком случае это не может быть местом убийства, – сказал Флеминг. – Вы же не хотите сказать, что убийца тащил тело вверх по течению и сбросил его выше? Или что тело само плыло против течения?

– Эта деталь, сэр, как раз и делает это таким странным.

– Должно быть, – сухо ответил инспектор. – Где находится место убийства?

– В месте, которое называют Старый лес Килби. Примерно на полмили ниже коттеджа Перитона.

– Кто нашел его? Я не давал указаний искать там.

– Один человек явился как свидетель, сэр, он говорит, что слышал звуки борьбы.

– Говорит, что слышал! – воскликнул Флеминг, ускоряя шаг. – Где он?

– У коттеджа, сэр.

Тот человек, который явился в качестве свидетеля, терпеливо ожидал у коттеджа с той присущей всем крестьянам неизменной способностью к ожиданию. Это был мужчина лет сорока пяти, высокий, худой и загорелый. Гладко выбритый, за исключением вытянутых вперед бакенбардов, с бурым от загара лицом, он носил потрепанные штаны и гетры, рваное пальто и старую шапку, которую спокойно снял при приближении детективов. С ним был полицейский из деревни, который представил их друг другу.

– Это Палмер, сэр, – объяснил он и добавил, понизив голос, серьезным тоном: – Он слышал убийство.

– А! – сказал Флеминг. – Скажите мне вот что, Палмер: если вы слышали как произошло убийство воскресной ночью, то почему вы пошли в полицию во вторник? Что помешало вам сделать это в понедельник?

– Я не слышал об этом до сегодняшнего дня, сэр. – Мужчина говорил вежливо, но с безошибочным выражением независимости.

– Что?! Не слышали об этом до сегодняшнего дня?! Мне кажется, уже во всем графстве не осталось никого, кто не слышал бы об этом.

– Я был в лесу с полудня воскресенья.

– Браконьер, сэр, – объяснил местный полицейский, и мужчина резко обернулся к нему.

– Даже если и так, Джек Бакстер, – сказал он, – уж тебе никак не поймать меня на этом.

Бакстер уже собирался с жаром возразить, когда вмешался Флеминг:

– Хорошо, хорошо. Сейчас это неважно. Расскажите вашу историю, Палмер.

– Что ж, сэр, я был в Старом лесу Килби в воскресенье около полуночи, насколько я могу прикинуть.

– Вы не можете сказать точно?

– Нет, сэр. Я не ношу часов. Но примерно в это время я услышал, как били часы в церкви. Было между двадцатью и двадцатью пятью минутами двенадцатого. У меня выдался долгий день, и я заснул у Монашьей запруды – вы знаете Монашью запруду, Джек, а проснулся от звуков топота ног и треска веток на другой стороне реки. Я не мог ничего разглядеть: было слишком темно, да и в любом случае все было скрыто в тени. Лес у Запруды довольно густой. Поэтому я слушал, и эти звуки немного сместились вперед, а затем затихли. Просто пара парней дралась, только они ничего не говорили.

– Все время пока дрались?

– Ага. Ни словечка. Знаете, о чем это заставило меня подумать, сэр?

– О чем это заставило вас подумать, Палмер?

– Это заставило меня подумать о том, что это, должно быть, два дворянина. Как-то я отправился в Элдершот и увидел дерущихся на ринге офицеров, и первым, что я заметил было: они молчали, пока дрались. Сейчас обычные парни, такие, как я, проклинаем и честим друг друга во время драки. Это выходит само собой.

– Вы поразительно умный человек! – воскликнул Флеминг. – Боюсь, мне бы это никогда не пришло в голову. Продолжайте.

– Как бы то ни было, об этом я и подумал, сэр. Что ж, шум прекратился, и мужской голос произнес: «Вот тебе!», и затем я услышал, как он удаляется через лес.

– Вы бы узнали этот голос опять?

– Нет. Мужчина запыхался, да и вода, спускающаяся с запруды, добавляла шума. Теперь я бы его не узнал.

– И что? Что случилось потом?

– Я ушел.

– Вы не перешли на другой берег посмотреть, что случилось?

– Нет.

– Вы говорите так категорично.

– Да ведь я и есть категоричен. Никогда не вмешиваюсь в чужую драку. Вот что я могу сказать: я буду бороться за себя, если придется. Но если я вижу драку других людей, то я ухожу. Это мое правило, и я его придерживаюсь.

– Вы слышали стоны или крики человека, которого оставили одного?

– Нет. Я даже не поручусь, что его оставили там. Они оба могли уйти назад через лес. Я ведь ничего не видел.

– Вы не слышали никаких звуков, какие мог бы издавать заколотый человек, – мычание, бульканье или что-то подобное?

– Нет.

Флеминг пытливо посмотрел на мужчину, перед тем как задать ему последний вопрос, и Палмер спокойно встретил его взгляд.

– И вы не стали переходить реку, чтобы посмотреть, были ли деньги в карманах этого человека?

– Нет. Говорю вам, я даже не знаю, был ли там кто-то.

– Ладно, Палмер. Спасибо, что пришли сюда и рассказали мне это. – Флеминг повернулся к местному полицейскому. – А сейчас, если разрешите, мы отправимся к Монашьей запруде. Проводите нас туда.

По пути в Старый лес Килби Флеминг расспросил Бакстера о браконьере.

– Он цыган, сэр, обычный цыган, – ответил местный констебль. – Раньше, несколько лет назад, здесь по соседству стоял большой табор цыган, но большинство из них стали порядочными людьми за последние двадцать лет или около того. Лишь некоторые из них сохранили прежние привычки и повадки; вы знаете, какие они, сэр – независимость, вольный воздух и воровство. Это три признака, отличающие цыган. Палмер – человек старой закалки. У него не было хозяина и никогда не будет. Его рассказ о том, что он был в лесах с воскресенья, вероятно, вполне правдив. В Старом лесу Килби он бы спал крепче и с большим удобством, чем на перине.

– И украл бы что-нибудь, я полагаю.

Местный полицейский был шокирован этой прискорбной ошибкой человека, чья позиция в иерархии соблюдения закона дает право на репутацию непогрешимости.

– Украл что-нибудь, сэр? Бог мой, нет, вот уж нет. Ни в коем случае. Он мог бы украсть, скажем, не больше пары фунтов. Он мог бы украсть пару фунтов у слепого, умирающего от желтухи, но не более. Он бы не стал красть бриллиантовое колье или автомобиль, меховое пальто или бумажник. Не он. Кролики, фазаны, лопаты, уголь, тачки, луковицы тюльпанов – вот чем он промышляет.

К тому времени как Джек Бакстер, раздуваясь от законной гордости, закончил выдавать лондонскому инспектору свои собственные впечатления о жизни, привычках, характере, склонностях и увлечениях браконьера, они достигли темной рощи и подлеска, что формировали Старый лес Килби. Монашья запруда уходила вглубь леса примерно на сотню метров. Говорили, что она была построена в начале тринадцатого века монахами аббатства Килби, давным-давно исчезнувшего за исключением разрушенной стены и глубокого чашеобразного луга, ставшего рыбным прудом. Конечно, это был прекрасный образец каменной кладки, и воды реки Килби с нежным переливчатым журчанием ниспадали с ее высоты. Расположение запруды было необыкновенно романтичным и живописным. Река ныряла в мрачные тени лесных деревьев и, пока подлесок густел, а ряд деревьев становился плотнее, она, казалось, текла сквозь тоннель или по нефу буро-зеленой часовни. Опорные ветви формировали собой готическую плетенную и сводчатую крышу, а их листва едва пропускала свет. Затем река круто поворачивала, и у этого поворота, где арочная крыша была более глухой, чем где-либо, а полумрак еще более темным и подобным царящему в соборе, и находилась та знаменитая старинная запруда. Ниже, опять же, шли беспорядочные небольшие пороги и водовороты, и река, внезапно мелевшая у запруды, струилась по бесчисленным скалам и валунам.

Когда Флеминг и его проводник продвигались по узкой тропинке рядом с рекой, детектив неожиданно понял, что думает о Беккете и о той сцене в плохо освещенном трансепте в Кентербери, когда четыре рыцаря колотили в дверь и кричали: «Люди короля! Люди короля!»[18] Как раз перед тем, как они подошли к запруде, они встретили сержанта из группы Флеминга, стоявшего на тропе.

– Что ж, Мэйтленд, – произнес инспектор, – что вы скажете об этом?

---

[18] То́мас Бе́кет, он же Фома́ Бекет или Фома Кентербери́йский; (1118 — 1170) — одна из ключевых фигур в английской истории XII века. Вступил в конфликт с Генрихом II и был убит четырьмя рыцарями на ступенях алтаря Кентерберийского собора.

Стремлением всей жизни сержанта Мэйтленда было стать признанным и авторитетным экспертом по следам в Скотленд-Ярде, и он редко днем думал о чем-то, а ночью видел сны о чем-то помимо следов. Его мрачное и суровое лицо выглядело почти радостным, когда он потер свои худые руки и сказал:

– Хорошенькое дело, сэр, изрядное дело.

Флеминг знал характер своего подчиненного и не смог удержаться от легкой улыбки, отвечая:

– Никаких следов, полагаю?

– Как же никаких следов, сэр! – ответил меланхоличный сержант с триумфальным блеском в глазах. – Тут полно следов, сэр.

– А, хорошо, – буднично заметил Флеминг. – Не думаю, что они далеко нас приведут. Есть что-нибудь действительно важное?

Фигура сержанта Мэйтленда раздалась, как у двигающейся лягушки.

– Важное, сэр? – воскликнул он. – Следы и важны. У меня не было времени искать что-то еще.

– Хорошо, что вы обнаружили?

– Этот человек, Перитон, был здесь внизу. Как только я услышал, что тот человек, Палмер, рассказал о борьбе, я взял ботинок Перитона и спустился прямо вниз. Это его следы – тут нет ни тени сомнения.

– Даже на этом твердом, сухом грунте?

– Ниже запруды он не твердый, сэр, и к тому же не сухой. Река немного переполняется, и здесь нет четкого берега. Подойдите и взгляните сами.

– Сейчас-сейчас. Вы закончили исследовать землю на предмет следов?

– Что ж, мне понадобится еще полчаса на осмотр места борьбы, сэр, и затем я смогу исследовать следы в лесу.

– Очень хорошо, – Флеминг сел на тропинку, свесил ноги с края берега и закурил трубку. Тридцать пять минут спустя сержант Мэйтленд вернулся с докладом.

– Я закончил поиски, сэр.

– И?

– Тут было два человека, Перитон и кто-то еще. Другой мужчина был намного легче Перитона. Я предполагаю, что они спустились этой тропой, но, конечно, это едва ли окажется нам действительно полезным. Но в той луже грязи следы максимально четкие. Там определенно была борьба, а потом другой мужчина ушел через лес – скоро я пойду по его следу; Перитон, предположительно, передвигался, опираясь на руки и колени.

– Вы можете видеть следы, свидетельствующие об этом?

– Да, сэр. Один или два, а потом они теряются.

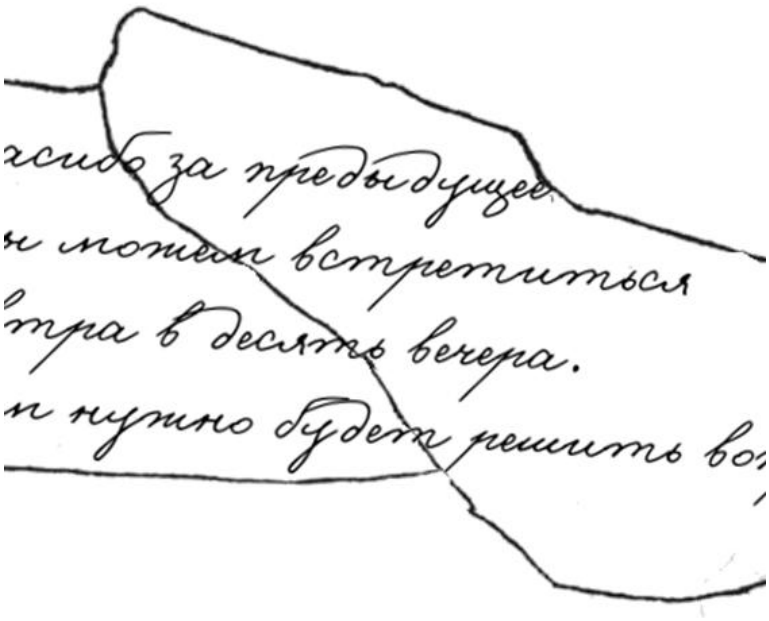
– Ясно. Это все?

– Да, сэр.

– Отлично! Теперь пройдите по следам, что идут через лес, и возвращайтесь сюда. Я же сейчас отправлюсь к запруде.

Флеминг обнаружил маленькую болотистую лощину именно в таком виде, как и ожидал. Там были следы, сломанные ветки, вытоптанный подлесок и, по крайней мере, одно место, где тело, как вполне разумно было бы предположить, тяжело рухнуло на мягкую землю. С другой стороны, нигде не было крови. Но опять же, размышлял Флеминг, это было неудивительно, учитывая, что один из мужчин, по-видимому, ушел прочь, а другой уполз с места драки. Ни одна из форм передвижения не была возможна с таким серьезным ножевым ранением в грудь. Смерть была практически мгновенной, насколько это возможно. По крайней мере, это он знал точно.

Эксперт по следам завершал свою работу, Флеминг же самостоятельно провел повторный осмотр и по прошествии двух часов был вознагражден маленьким треугольным обрывком ткани, найденном в терновнике, и клочком бумаги, точно подходившим к обрывку из коттеджа Перитона. Сложив их вместе, Флеминг получил следующее:



Также он нашел окровавленный нож для разделки мяса – обычной формы, сделанный в Шеффилде, – тот лежал в маленькой луже у реки, между двумя камнями.

Как только сержант Мэйтленд доложил, что следы второго мужчины очень скоро затерялись на твердой лесной земле и что его усилиями в старом лесу Килби больше ничего нельзя обнаружить, инспектор вернулся в «Тише воды».

Глава VIII. Роберт Наполеон Маколей

В то время как миссис Кители обнаружила тело мистера Перитона, застрявшее у поврежденных опор моста, Роберт Маколей как раз прибыл в свой офисный центр в Лондоне и до тех пор, пока около полудня ему не позвонил отец, не слышал этой новости. Он никак не прокомментировал ее, что было для него свойственно, но, повесив трубку, возобновил работу над заданием, лежавшим на столе перед ним, – проверку несколько запутанной черновой публикации. Полностью уловив все детали, он выписал несколько кратких заметок и проследовал в кабинет старшего партнера фирмы, которому представил свой доклад и заявление на десятидневный отпуск. Старший партнер, который считал Роберта самым перспективным и многообещающим преемником, которого он когда-либо видел, охотно предоставил ему отпуск, и Роберт отправился прямо в Килби.

Во вторник днем, собирая все возможные сведения от взволнованных жителей деревни, он поднялся по длинному склону до поместья Килби и спросил мисс Мандулян. Ему указали на небольшую гостиную, которая была любимой комнатой девушки, и там он около получаса ждал ее появления. В течение этого времени он не выказал ни малейшего нетерпения, а сел на стул с прямой спинкой, единственный в комнате, и рассеянно смотрел на ковер.

Наконец, свойственной ей широкой, ленивой походкой вошла Дидо и на мгновение подала ему ухоженную руку с жестом, подразумевающим, что она ждет, чтобы он ее поцеловал. Однако Роберт вместо этого крепко пожал ее, и девушка улыбнулась.

– Так похоже на вас, Роберт, – пробормотала она. – Всегда галантный кавалер.

– Поэтому Сеймур ходил к этому колодцу чересчур часто, – резко ответил он.

– Да, но к чьему колодцу?

Роберт посмотрел на нее, и она ответила ему уверенным взглядом.

– Да. Чей это колодец? Вопрос скорее в этом, не так ли?

– Роберт, дорогой мой, – насмешливо сказала мисс Мандулян, – а что обо всем этом говорит ваш дорогой папочка?

– Немного. Папа держит свое мнение при себе.

– Ну конечно, – сухо ответила она. Затем она внезапно наклонилась вперед с той утонченной грацией восточной танцовщицы, у которой в теле нет ни косточки, и глубоким, хриплым голосом произнесла: – Замысловатое убийство мужчины из-за женщины, и при этом справедливое, воздушное, как эта глупышка Коллис.

– Думаете, что это сделал отец? – Роберт говорил так, будто узнавал цену на огурцы.

– Я видела Сеймура утром в субботу, и он рассказал мне, что он не успокоится, пока не соблазнит эту Коллис.

– Ну и?

– Со стороны вашего отца такие вещи не встречают одобрения.

– Или с вашей стороны, разве нет?

Дидо презрительно тряхнула головой.

– Ах, с моей! Я не настолько завожусь из-за мужчины. Я так и сказала ему в субботу.

Роберт взглянул на нее с нарочитым безразличием и заметил:

– Тем лучше для вас, быть может. То есть, если кто-нибудь слышал, как вы это говорили. Свидетели могут быть полезны.

Если он рассчитывал, что этим разозлит ее, то его ждало разочарование, так как она устроилась среди груды подушек и ответила:

– Я не делала этого, Роберт. Вам нет нужды волноваться.

Последовала секундная пауза, и Роберт произнес:

– Вы выйдете за меня, Дидо?

Тут наступила долгое молчание, а затем девушка задумчиво ответила:

– Не знаю, не знаю. Может быть. Тут уж не угадаешь.

– Я столького могу добиться, если вы будете рядом со мной, – сказал Роберт со слабым намеком на эмоции, прорывающимся в спокойном бесстрастии его образа.

– И с папиными деньгами для поддержки.

Роберт взмахнул рукой.

– Великие дела! – вскрикнул он. – Великие!

Дидо была в восторге от этого порыва откровенности и удовлетворенно пропела:

– Ах, Роберт, думаю, вы и правда милый. Вы обожаете мои деньги и готовы мириться со мной. И не боитесь заявить об этом. Это так очаровательно и так отличается от того, к чему я привыкла.

Он поклонился.

– Сеймур был другого типа, – продолжила она. – Красивый и жестокий, блестящий и твердый. Сеймур был похож на бриллиант. А на что похожи вы, Роберт? Вы невысокий, умный и амбициозный, пугающе эгоистичный и трудолюбивый. Знаете, кого вы мне напоминаете, Роберт? Вы напоминаете мне Наполеона.

Даже подобный полет воображения не выдавил улыбки из серьезно настроенного Роберта, хотя он и смог кивнуть головой.

– По крайней мере, я знаю, чего хочу, – сказал он.

Дидо Мандулян вздохнула, и скорее всерьез, чем в насмешку.

– Вы и представить себе не можете, как это очаровывает женщину, – произнесла она. – Мужчина, знающий, чего он хочет, и не обращающий внимания на то, что он растопчет, чтобы получить желаемое. Прямая противоположность несчастному Сеймуру. Знаете, Роберт, вы необычайно умный молодой человек.

– Да.

– Я не имею в виду сведение расчетов и продажу золотых рудников. Я имею в виду исключительную своевременность вашего предложения. Мне надоели донжуаны; мне опротивели эти мастера поговорить; мне осточертело даже это обожание на расстоянии. Вы так идеально все рассчитали, что я даже подумываю о том, чтобы наградить вас, приняв ваше предложение.

– Отчего же только подумываете?

– Возможно, я и решусь.

– Сейчас самое подходящее время.

– Вы должны дать мне время, чтобы подумать.

– Не слишком затягивайте. Вы снова можете поменять свое мнение, и вам станут противны мужчины, которые знают, чего хотят, и собираются добиваться этого, – добавил он сквозь зубы.

– Вам придется рискнуть. Но тут нет особой опасности. У меня было слишком много вариантов вроде Сеймура, чтобы так быстро вернуться к этому типу. Хотя заметьте, Роберт, пока я рассматривала Сеймура как кандидата, он был для меня единственным мужчиной в мире.

– Знаю. Но он уже не рассматривается.

– Это вы устранили его? – выпалила она ему в лицо.

– Я сделал все от меня зависящее. Но я не убивал его, если вы это имеете в виду.

– Я думаю, вы сделали бы это, если бы были уверены, что вам это сойдет с рук.

Он слабо улыбнулся.

– Я не признаю препятствий, вы же знаете.

Девушка поднялась на ноги и посмотрела на него сверху вниз широко открытыми глазами с тяжелыми веками.

– Нет, не признаете, – медленно проговорила она. – А Сеймур был препятствием, и теперь он мертв.

Затем она неожиданно громко вскрикнула.

– Боже мой, Роберт, вы поставили перед Сеймуром задачу увести эту Коллис у вашего отца, так что ваш отец… должно быть… Боже, Роберт, вы дьявол!

– Это все ваше восточное воображение, – тихо ответил Роберт. – Оставляет далеко позади реальные факты.

– Вы не бросали ему вызов?

– Нет. Скорее предположил, что Холливелл заинтересован в той даме, Коллис.

Дидо глубоко вздохнула.

– Вот оно как. Чтобы спровоцировать собственного отца на…

Роберт поднял руку:

– Нет. Просто чтобы спровоцировать всеобщий конфликт.

– Интересно. – В ее голосе звучало бесконечное презрение.

– Если люди задирают друг друга, доходя до убийства, это их дело, не мое. Я лишь придерживаюсь того, что не допускаю появления препятствий.

Он встал и протянул руку. Девушка неохотно ее пожала.

– Роберт Маколей, – произнесла она медленно и выразительно, – вы, бесспорно, дьявол! Но нельзя не испытывать определенное восхищение к дьяволам, особенно именно вашего типа.

Роберт слегка поклонился и вышел, не сказав больше ни слова.

Глава IX. Арест Лоуренса

– Сержант Мэйтленд, – произнес Флеминг, – пройдемте ко мне в гостиную. Я хочу с вами поговорить. И захватите свой блокнот.

– Да, сэр. – Оба детектива сели за стол напротив друг друга.

– Что ж, – продолжил инспектор, – теперь в первую очередь запишите что нужно сделать, а потом мы поговорим. Отвезти этот разделочный нож в Скотленд-Ярд, чтобы проверить его на отпечатки пальцев. Между прочим, Мэйтленд, он точно соответствует нанесенной ране, и в лесу найден такой же обрывок бумаги. Конечно, сразу же сообщить результаты по телефону. Сравнить почерк на этом обрывке с журналом записей отеля. Послать запрос в Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел, а также служащим Сити о прошлом Мандуляна, в особенности, что касается шантажа. Также о том, где он был во время войны, и о положении его дочери в лондонском обществе. Передать главному констеблю… как его там, полковнику Хантеру… передать рассказ этого человека, Палмера. Пока это все. Есть что-нибудь от епископа?

– Да, сэр. Конфиденциальное письмо. – Мэйтленд подвинул к Флемингу запечатанный конверт с пометкой «личное». Тот вскрыл конверт и быстро просмотрел написанное.

– Хм, да… Холливелл посещал его… отказался от сана викария… миссионерская работа… хм, максимально вероятная кандидатура. Именно так, безусловно. Полностью подтверждает историю Холливелла. Далее – казначейские билеты. Какие-то из них уже обнаружились?

– Нет, сэр.

– И никаких следов этого Лоуренса?

– Нет, сэр.

– Ладно! А теперь вот что, Мэйтленд, касательно того случая утром у запруды. Просто выслушайте меня, а потом скажите, что обо всем этом думаете. Прежде всего, тело не могло быть сброшено в реку ниже Монашьей запруды, ведь оно не могло плыть вверх по течению. И не похоже, что убийца убил бы человека в таком идеально скрытом от глаз месте, а затем оттащил тело на три четверти мили вверх по течению только для того, чтобы сбросить его напротив коттеджа Перитона.

– Разве что он хотел, чтобы это выглядело как самоубийство, сэр.

– Оставив нож на три четверти мили ниже по течению, – сухо ответил Флеминг. – Нет, я все же думаю, что мы можем исключить этот вариант. Но чуть позже я вернусь к возможности самоубийства. Если борьба происходила у запруды, убийство было совершено в другом месте. Должно быть так. Поэтому в этой драме два акта. Что-то подсказывает мне, что дело обстояло примерно так: Перитон и другой мужчина…

– Лоуренс, сэр?

– Пока что я предпочитаю называть его просто «другой мужчина». Но почти наверняка это был Лоуренс. Они с Перитоном встретились у запруды, повздорили, подрались, затем кто-то из них достал нож, а другой получил ножевое ранение и отключился. Понимаете, Перитон не мог пострадать в этой потасовке, потому что на нем была лишь одна рана, и она сгубила его во всех отношениях мгновенно. Поэтому если следы крови и этот нож как-то с этим связаны, должно быть, был ранен именно этот другой мужчина. Что происходит после? Перитон вырубает его, берет нож, бросает его в реку и скрывается. Другой мужчина приходит в себя, встает на четвереньки и, наконец, выбирается из леса. Перитон по пути к себе домой был убит либо человеком, который дрался с ним в лесу и сумел его догнать, либо кем-то еще, кто той ночью бродил в поисках Перитона с ножом. Кем-то еще, Мэйтленд. Как насчет этого?

– Кажется маловероятным, что в одну и ту же ночь бродили два человека с одинаковыми разделочными ножами, сэр.

– Я пока не знаю, были ли это два человека с одинаковыми ножами, – сказал Флеминг. – Но я вполне уверен насчет того, что два одинаковых ножа имели место быть той ночью. Послушайте: мы знаем, что убийство не было совершено у запруды. Но там был найден нож, которым, как очевидно, нанесена рана. Не хотите же вы сказать, что убийца вернулся к запруде с ножом и выбросил его в реку там, где остались все следы и признаки первой борьбы? Исключено. Он зарыл его – в канаве, под кустами папоротника или где-то еще. Другими словами, поблизости лежит второй нож – он неподалеку от коттеджа Перитона. По моему опыту, люди, которые обнаруживают у себя в руках окровавленный разделочный нож, очень редко держат его при себе дольше необходимого, особенно когда они только что использовали его на человеке. Вам следовало бы вызвать еще пару людей и направить их на поиски другого ножа поблизости от коттеджа Перитона.

– Очень хорошо, сэр, но…

– Но что?

– Одинаковые разделочные ножи? Как-то не укладывается в голове.

– Что именно, Мэйтленд?

– Я не имею в виду этот нож, сэр, – ответил задумчивый сержант. – Я имею в виду ту версию, что их два. Мне кажется, в это несколько сложно поверить.

– Да, я знаю, – сказал Флеминг. – Знаю. В этом-то и чертовщина. Но я не вижу другого способа объяснить те факты, что мы собрали. Единственное, что утешает меня, так это то, что нож – стандартная схема, это так заурядно. Это, в известном смысле, слабое утешение, потому что, разумеется, нужный нож труднее отследить. Как бы то ни было, тут мы просто должны надеяться на благоприятный исход. А пока я предлагаю придерживаться той теории, в которую вам сложно поверить, а именно, что той ночью фигурировало два ножа. Следующий вопрос в том, кто же принес второй?

– Вот как! – с осторожностью произнес сержант Мэйтленд.

– Вот именно. А! Давайте просто проследим последние передвижения Перитона, насколько они нам известны. В субботу утром к нему пришла обворожительная мисс Мандулян, по ее словам, чтобы разорвать помолвку. Но поскольку ее визит завершился тем, что она назвала его дуралеем, я сильно сомневаюсь в том, что ее история правдива. Он сказал, что в любом случае собирается прийти этим вечером в поместье, но так и не явился туда. Он посетил миссис Коллис в шесть часов вечера и оставался там до половины восьмого. С этого момента мы теряем его след до свидетельства миссис Кители о том, что в воскресенье утром он сам приготовил себе завтрак, надел свой цветистый костюм, так раздражавший Холливелла, и ушел. И вновь мы теряем его из виду до тех пор, пока в тот же день в три часа он не появляется в поместье с мертвой куропаткой в руке. Примерно без четверти четыре он покидает поместье, уже без куропатки, но с шестью тысячами фунтов в казначейских билетах и очень яркой бутоньеркой, предназначенной для того, чтобы еще больше досадить Холливеллу. И вновь он пропадает из виду – вернее, о нем снова ничего не слышно до полуночи, когда Палмер услышал звуки потасовки у Монашьей запруды. А в понедельник в десять часов утра его тело находят в Килби-ривер. Много пробелов, Мэйтленд, чертовски много пробелов.

– Судя по всему, он был эксцентричным малым, сэр, и частенько исчезал на несколько часов подряд.

– Да уж, знаю. И беседа с этим парнем, Лоуренсом, может – и фактически должна – пролить свет на некоторые из его исчезновений. Но тут очень много всего, что необходимо разъяснить. И кстати, Мэйтленд, вот что странно: в воскресенье Перитон надел костюм, так раздражавший викария, а после обеда получил особенно большой и вычурный цветок от старого Мандуляна. Но не похоже, чтобы он крутился неподалеку от викария целый день. Видимо, он либо ходил в церковь, либо был рядом, когда прихожане выходили из церкви. Но в воскресенье его там не было.

– Вы должны помнить, сэр, что при нем тогда были все те деньги. Должно быть, он исчез, чтобы увидеться с Лоуренсом или спрятать эти деньги.

– Да, возможно. Эти деньги – неправдоподобная часть во всей истории. Есть в этом кое-что, чего я никак не могу понять. Согласно рассказу Мандуляна, он дал Перитону деньги, чтобы тот смог жениться на его дочери. При этом девушка клянется, что за день до этого она разорвала помолвку. Нет, Мэйтленд, чем больше я думаю об этой истории и о словах «Прощай, дуралей», тем больше убеждаюсь, что она вовсе не разрывала помолвку с Перитоном. А если она этого не делала, зачем, ради всего святого, она тогда хотела, чтобы мы поверили в это? Мы должны получше изучить эту молодую особу, как мне кажется.

Флеминг на несколько минут впал в задумчивость, а затем с улыбкой сказал:

– Проблема в том, что мотивом этой девушки могло быть практически что угодно. Она могла притвориться, что разорвала свою помолвку, чтобы потом не пришлось соблюдать траур. Или она сделала это потому, что уже подыскивала Перитону замену. Могло быть и так, что ее отец хотел, чтобы она порвала с Перитоном, и сам откупился от того шестью тысячами фунтов. Это вполне возможно. А если девушка хотела, чтобы Перитон остался ее любовником, она могла имитировать разрыв, просто чтобы угодить своему отцу. Но в этом случае, зачем Перитону было кричать ей вслед, что он в любом случае придет вечером на ужин, если их любовная история формально считалась оконченной? А ответ на это, мой дорогой Мэйтленд, таков: он не говорил, что придет на ужин. Он просто сказал, что придет.

– Тогда почему он не пришел?

– А откуда мы знаем, что он не приходил? Только из того, что мисс Мандулян так сказала, только и всего. А она должна была сказать, что он не приходил. Но я готов поспорить на что угодно, Мэйтленд, что Перитон все-таки отправился в поместье субботним вечером, чтобы увидеться с мисс Мандулян, как он часто делал это ранее, мой друг. Да, как он часто делал это ранее.

– В этом что-то есть, сэр, – все же признал Мэйтленд. – И к какому выводу это нас приводит?

– К какому выводу это приводит? – повторил Флеминг. – Это добавляет еще одного кандидата на честь обладания вторым разделочным ножом в ту воскресную ночь. Предположим, что Перитон приходил в субботу вечером; также предположим, что он пришел снова в воскресенье вечером и был застигнут старым Мандуляном. Что ж, я думаю, старик возненавидел мысль о той шеститысячной пачке купюр, на которую он раскошелился в половине четвертого на террасе.

– Мандулян! – воскликнул сержант Мэйтленд. – Мистер Мандулян! Да, это мысль.

– Но пока это останется только мыслью. Нет никаких доказательств, а сама идея основывается на одном из сотен возможных мотивов, что эксцентричная, восточная красавица могла притвориться, что разорвала свою помолвку. Но все же мы должны иметь в виду такую возможность.

Послышался стук в дверь, и вошел полицейский с телеграммой.

– Только что прибыла, сэр, – сказал он, отдавая честь.

– А-а! – воскликнул Флеминг, взяв телеграмму. – Не дожидайтесь ответа, благодарю. Послушайте, Мэйтленд, они взяли этого типа, Лоуренса. Поймали его у отеля «Серебряное руно» близ Ватерлоо и отправили сюда на машине, которая должна прибыть около четырех часов. Сейчас три. Поспешите туда и проследите, чтобы дело было сделано. Я собираюсь отдохнуть. И скажите хозяину гостиницы – пусть будет неподалеку, чтобы опознать Лоуренса, как только тот прибудет.

У Флеминга был час отдыха, и он провел его, играя в бильярд в гостинице. Бильярд был игрой, которая особенно увлекала его, отчасти сама по себе и отчасти потому, что она помогала ему отвлечься от неотложных забот и проблем. Он обнаружил это после часа праздного сбивания шаров и практики сложных ударов, когда вернулся к работе посвежевший, будто проспал пару часов.

Ровно в четыре часа он отложил кий, заказал чашку чая в общей гостиной и вернулся к занимающему его вопросу. В десять минут пятого подъехала полицейская машина, из которой вышли двое полицейских и один гражданский. Карью, занявший пост у двери своей гостиницы, мельком взглянул на него, затем повернулся к Флемингу и кивнул, а через минуту Флеминг сидел за столом со своим новым знакомым.

– Мистер Лоуренс, – начал он, – полагаю, вы знаете, зачем вас попросили приехать сюда.

Незнакомец был мужчиной среднего роста, худым, облаченным в скромный темный костюм и столь же скромным по поведению. Его волосы и усики были не выделяющимися, желто-коричневыми.

– Разумеется, – спокойно ответил он. – Вы хотите знать, могу ли я помочь вам с информацией об этом человеке, Перитоне.

– Верно.

– Что ж, боюсь, помочь я не могу. Я ничего о нем не знаю и, насколько мне известно, никогда в жизни его не видел.

– Вы останавливались здесь и внезапно уехали в понедельник рано утром.

– Да, верно.

– Почему вы так поступили?

Лоуренс пожал плечами.

– А почему нет? – сказал он. – Я свободный человек. Делаю, что вздумается. Недолго думая, я решил остановиться здесь и, недолго думая, решил уехать.

– В четыре часа утра?

– В любое подходящее для меня время.

– И как вы добрались до станции?

– Пешком.

– С двумя тяжелыми чемоданами? Пять миль? Ну-ну, мистер Лоуренс, это не могло быть внезапной прихотью свободного человека, делающего, что ему вздумается.

– Когда я сказал, что пошел пешком, – сказал Лоуренс немного угрюмо, – я имел в виду, что я начал идти, а потом меня подвезли на телеге с молоком.

– Но мой дорогой сэр, – воскликнул Флеминг, – разумеется, вы понимаете, что странность вашего поведения заключается не в том, прошли ли вы все эти пять миль пешком, или нет, а в том, что вы начали идти. Вы намеревались пройти весь этот путь.

– Я был уверен, что кто-нибудь меня подвезет.

– Понятно. Очень хорошо. Давайте обсудим кое-что еще. Вы никогда не слышали о Перитоне…

– Никогда.

– И все же в его доме найден фрагмент написанной ему вами записки.

– Я никогда не писал ему. Дайте мне посмотреть на эту записку.

Флеминг передал ему два обрывка бумаги, и Лоуренс внимательно их изучил.

– Да, – произнес он. – Это определенно мой почерк. В этом нет сомнений. Но Перитону я этого не писал.

– Кому же вы это писали?

– Откуда же я могу знать? У меня много друзей, и я пишу множество писем. Ведь здесь нет никакой существенной зацепки, верно? Всего лишь несколько слов.

– Отлично. Вот еще что, мистер Лоуренс: возможно, вы согласитесь сказать мне, куда вы обычно ходили каждую ночь во время своих поздних прогулок?

– Просто выходил, чтобы пройтись.

– Не в какое-то конкретное место?

– Нет.

– Это обычное дело для вас?

– Иногда бывает.

– В таком случае вот что мы имеем: какой-то абсолютно необъяснимый порыв подтолкнул вас остановиться в «Тише воды», гостинице в небольшой деревне, в пяти милях от железнодорожной станции; будучи здесь, вы каждую ночь ходили на прогулку в

одиночестве без какой-либо особой причины; а спустя час или два после зверского убийства в деревне вас охватил еще один необъяснимый порыв – уехать в три или четыре часа утра с двумя чемоданами на руках, предполагая пройти с ними пешком пять миль. Так не пойдет, мистер Лоуренс, правда, так не пойдет. Все это слишком неубедительно выглядит. Даже самые импульсивные люди… – Флеминг вдруг умолк. – Вы, случайно, не поэт?

– Поэт? Отнюдь.

– А! Мне просто пришло в голову, что поэт мог бы вести себя подобным образом без какой-либо причины за исключением той, что он является человеком настроения. Поэты могут сделать все что угодно, такие они чудаки.

Мистер Лоуренс уже начал выглядеть так, будто он жалел о том, что не является поэтом или, по крайней мере, не претендует на вдохновение, подаренное музами. Флеминг продолжил:

– Надеюсь, вы не станете возражать: нам важно снять мерки с ваших ботинок. Это те же ботинки, что вы носили, будучи здесь?

Мужчина мгновение помедлил, прежде чем ответил:

– Не помню. Могут быть и они.

Сержант Мэйтленд, маячивший позади, как стервятник, и ждавший единственной части данного действа, действительно представляющей для него интерес, вышел вперед со своим педометрическим аппаратом, состоящим из нескольких листов специально изготовленной бумаги. Через пару минут он смог прошептать на ухо своему начальнику одно-единственное слово: «Идентично». Флеминг кивнул и поднял взгляд.

– Мистер Лоуренс, – сказал он серьезным тоном, – отпечатки, оставленные вашими ботинками идентичны отпечаткам, оставленным воскресной ночью на мягкой почве у места, которое называется Монашья запруда, в Старом лесу Килби. Следы указывают на явные признаки борьбы с Перитоном. Его следы также отчетливо видны. Само по себе это не доказывает, что вы на самом деле совершили это убийство…

– Что? – воскликнул Лоуренс, вскакивая на ноги, но Флеминг удержал его за руку.

– Само по себе это не доказывает, что вы на самом деле совершили это убийство, но для меня этого достаточно, чтобы задержать вас по подозрению. Разумеется, вы имеете полное право дать показания сейчас, но я бы, конечно, посоветовал вам подождать, пока вы не увидитесь с адвокатом.

– Боже правый, что вы! – вскричал Лоуренс. – Я не убивал его! Говорю вам, я даже никогда его не видел. Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите. Я никогда не слышал о Монашьей запруде, или как вы там это называете. Это все сплошное вранье.

– Если и так, тем лучше для вас, – ответил инспектор. – Но вы понимаете, что у меня нет иного выхода, кроме как задержать вас. Боюсь, это включает в себя и обыск.

– Обыскивайте, – с вызовом ответил Лоуренс. – Снимайте отпечатки пальцев, осматривайте мои чемоданы, посмотрите, числюсь ли я в Скотленд–Ярде в ваших прошлых обвинительных приговорах.

– Все это я и намереваюсь сделать, – спокойно сказал Флеминг. – А пока идет обыск и осмотр, возможно, вы могли бы сыграть партию в бильярд с одним из моих людей.

– Нет, спасибо, – кратко ответил мужчина. – Я буду ждать здесь.

Тщательный обыск в итоге дал только две вещи, представляющие интерес. Первой был бумажник с десятью новыми казначейскими билетами с той же последовательностью, что и найденные в кармане Перитона и выданные мистеру Мандуляну в прошлый четверг филиалом «Домашнего и имперского банка» на Ломбард-стрит вместе с пятью тысячами девятисот шестьюдесятью другими; второй же было твидовое пальто, из которого был неровно вырван треугольный кусок, по форме, размеру и текстуре идентичный найденному в Старом лесу Килби.

На основании этих двух находок инспектор Флеминг запросил и получил ордер на арест Джона Лоуренса по обвинению в предумышленном убийстве Сеймура Перитона.

Глава X. Сыщик-любитель

Обстановка в доме Маколеев была напряженной. Поэт Людовик целыми днями и большую часть вечеров задумчиво бродил по саду Перротс. Он был глубоко несчастлив. Страдания прошлой недели, когда фавноподобное лицо и сатирический смех Сеймура Перитона играли первостепенную роль в жизни и мыслях Людовика, не тускнели и уж тем более не стерлись из памяти лишь оттого, что человек, ненавидимый им, встретил свой внезапный и насильственный конец. Перитон ушел, но причиненное им зло осталось. Так небрежно брошенные Робертом фатальные слова «лежалый товар» снова и снова эхом отзывались в голове поэта подобно звукам труб Судного дня. Фигурой, внешностью и манерами поэт напоминал гвардейца, но чувствительностью он походил на застенчивого студента, который писал свое первое стихотворение о розах. Как и у всех чувствительных людей, уж если его съедала ненависть, то он ненавидел глубоко, мрачно и неистово. Мысль хоть о каком-то сочувствии к умершему даже не приходила ему в голову. Людовик ощущал одну лишь ненависть к Перитону, и после смерти того она была ничуть не меньше, чем при его жизни. Он также постепенно заставил себя – бессознательно, но все же несомненно – распространить эту ненависть и на Ирен Коллис. Ведь эта женщина не отвергла Перитона, но поощряла его визиты и отправилась вместе с ним в Лондон. Роберту не требовалось многозначительно поднимать брови, отвечая на его вопрос, – и без того было понятно, что случалось с девушками, отправлявшимися в Лондон вместе с Сеймуром Перитоном. Также не требовалось и его едва заметного пожатия плеч и удивленной улыбки всякий раз, когда Адриан упоминал об Ирен Коллис, чтобы понять, какого рода женщиной должна быть та, что принимала предложения и приглашения Сеймура Перитона.

Адриан вносил свой вклад в обычное течение жизни в Перротс, довольно часто упоминая Ирен Коллис. Хотя он знал о ее существовании уже два-три года – впрочем, смутно, – присущая ей красота души и характера открылась ему лишь недавно. Это случилось примерно за две недели до описываемых событий, когда в Килби-Сент-Бенедикт пешком прибыл человек с тачкой, в которой было около дюжины клеток с канарейками. По меньшей мере три птицы находились в до того маленьких клетушках, что не могли даже расправить крылья. Случайно встретивший этого человека на улице Адриан был настолько ослеплен яростью и гневом от этой картины, что даже не смог собраться с духом и напасть на этого человека, как несколькими днями позже он напал на Карью.

Его хватило только на то, чтобы опуститься на скамейку у обочины дороги, сжав голову в руках и задыхаясь от гнева. В этот момент появилась миссис Коллис – она тянула за руку сопротивляющегося полицейского констебля Джека Бакстера. Не прошло и пяти минут, как она не только купила и освободила всех птиц, но и выдвинула против торговца канарейками обвинение в жестком обращении с ними, в результате чего этот человек был приговорен к тридцати дням принудительных работ.

С этого момента Адриан начал время от времени замечать, что если на свете и есть такие люди, красоту, добродетель, утонченность и очарование душевных качеств которых можно сравнить, например, со стрекозами или зимородками, то Ирен Коллис, несомненно, входит в их число. И если такая мысль приходила ему в голову в присутствии брата или отца, он не стеснялся тут же высказать ее самым поэтичным и восторженным слогом. Всякий раз, делая это, он не замечал, что его отец тут же утыкается взглядом в тарелку, в пол или в землю, а Роберт переводит взгляд на отца – Адриан вообще не привык замечать что-либо в поведении своих ближних.

Роберт был так же молчалив, как и всегда. Дома он появлялся только для того, чтобы поесть. Все остальное время он посвящал новому занятию – любительскому

расследованию. Все свои способности к упорному труду и все умение концентрироваться он сосредоточил на убийстве. Казалось, оно захватило его. Он был полностью им поглощен, и вскоре вся деревня уже знала о том, что среди них есть сыщик-любитель. Его неустанные поиски следов на земле, настойчивые расспросы каждого, кто хотя бы с какой-то вероятностью мог предоставить нужную информацию, и его постоянные посещения всех трех пабов, где можно было услышать сплетни, вскоре привлекли всеобщее внимание. И действительно, спустя пару дней деревню охватил некий спортивный инстинкт, и за кружками пива стали делаться ставки на то, кто же победит: сыщик-любитель или профессионалы. Местечковый патриотизм склонил их на сторону «мистера Роберта», и ему была доступна вся информация, известная местным жителям.

Через день-другой упорной работы он пришел к выводу, что источником информации является «Тише воды». Ползать по окрестностям с лупой в руках оказалось хорошо лишь в книгах. В реальности было намного полезнее находиться поближе к полиции, где можно наблюдать и прислушиваться к обрывкам разговоров, в том числе телефонных бесед, а также к инструкциям, выдаваемым полисменам и, фактически, ко всему, что могло иметь хоть какое-то отношение к делу. По этой причине Роберта обычно можно было застать в баре гостиницы «Тише воды», где он потягивал тоник, прислушиваясь и присматриваясь. Его многочасовое терпеливое ожидание было вознаграждено сторицей, когда он увидел, как в номер Флеминга провели Лоуренса, в котором он мгновенно узнал того самого незнакомца, которого в пятницу ночью видел на террасе поместья.

Бесстрастное лицо Роберта ничем не выдало охватившего его торжества. Наконец-то он обнаружил что-то, что может представлять исключительный интерес. Он встал и подошел к Карью.

– Это арест? – спросил он, указывая через плечо в сторону скрывшегося незнакомца.

– Не спрашивайте меня, – со смехом ответил Карью. – Спросите полицейских. Я не в курсе их намерений.

– Кто этот человек?

– Его зовут Лоуренс.

– Откуда вы знаете?

– Потому что он прожил здесь всю прошлую неделю, – Свойственное Карью желание посплетничать одержало верх над чувством долга, призывавшим его не обсуждать государственные дела, он оглянулся и, понизив голос, добавил:

– Я думаю, это тот самый человек. И думаю, что они тоже так думают. Он сбежал в Лондон в понедельник утром, в четыре часа – молочный фургон подвез его до Пондовера. А что вы об этом знаете?

Молчание и незаинтересованный вид Роберта, казалось, говорили о том, что он ничего об этом не знает. Владелец гостиницы продолжил:

– Странный тип. Выходил по ночам, а днем отсыпался. Как-то вечером я встретил его, он насвистывал старую немецкую песню, ну точно жаворонок. Но потом он клялся, что не знает ни о чем немецком и даже о том, что это вообще за мотив. Ну не странно ли?

– Очень странно.

– Как бы то ни было, мир состоит из разных людей, – радостно заключил Карью, кивнул и пошел встречать фермера, заглянувшего выпить.

Роберт Маколей вернулся к своему тонику и погрузился в глубокое размышление. Его очень заинтересовали новое появление незнакомца и история, рассказанная о нем Карью. Роберт чувствовал, что мистер Джон Лоуренс вполне мог оказаться ключом к разрешению загадки, которую ему так хотелось разгадать. Роберта не волновали ни абстрактная справедливость, ни собственно то, как Перитон встретил свою судьбу и почему он ее встретил. Он не беспокоился о двух арестованных и повешенных людях, как и о том, был ли вообще кто-то арестован и повешен, или нет. Единственное, что его интересовало – и очень интересовало, – так это то, может ли он доказать, что один из Мандулянов или оба члена этой семьи имеют отношение к делу. Вот что было решающим вопросом для Роберта. Если он может это доказать, то это решит его жизнь. Он был вполне готов в течение многих лет работать по четырнадцать часов в день, чтобы

в итоге достичь своей цели – финансовых вершин. Но насколько заманчивее было бы избежать долгих лет тяжелого труда и достигнуть богатства, положения и власти в один миг, сделав лишь один смелый блестящий ход. Достичь богатства в шестьдесят – это уже кое-что и лучше, чем не достичь его вовсе. Но стать богачом в двадцать семь! Это ошеломительная удача. Если он сможет доказать, что Теодор Мандулян или Дидо замешаны в убийстве Перитона, то ценой этого доказательства станет партнерство в «Мандулян Бразерс» и Дидо в придачу. Для зятя Мандуляна не будет ничего невозможного. Для него не будет никаких ограничений в действиях. Молодость, ум и огромное богатство вместе образуют великолепное сочетание. Он даже сможет позволить отцу жениться на Ирен Коллис – при этой мысли на его плотно сжатых губах не появилось и подобия улыбки – и завести с ней сколько угодно детей. Для зятя Мандуляна количество сводных братьев и мачех не имеет никакого значения. Они смогут забрать себе его долю в наследстве Маколеев.

Но с другой стороны, мог ли Лоуренс шантажировать Мандуляна? Или же Дидо? Быть может, он был частным детективом, следившим за Дидо и Перитоном? А что если он был в сговоре с Перитоном? Было множество возможных вариантов, но отправной точкой, от которой отталкивался Роберт, было то, что у Теодора Мандуляна так или иначе есть уязвимое место, и если он сможет найти эту ахиллесову пяту, то заживет припеваючи.

В том, что девушка будет участвовать в сделке, Роберт совершенно не сомневался. Он был абсолютно уверен, что если он убедительно докажет, что в интересах Мандулянов принять его в семью, а не отказать ему в этом, то Дидо сразу же примет его предложение. Преимущество сейчас определенно было на стороне Роберта, ведь Дидо в любом случае собиралась принять предложение; но она была непостижимым и непредсказуемым созданием, и Роберт хотел убедиться. Он был человеком, не пренебрегающим никакими полезными мерами предосторожности. Разумеется, как он честно себе признался, шантаж миллионера – это, вероятно, дело достаточно рискованное, но при этой мысли Роберт лишь еще сильнее сжал губы и мрачно подумал о том, что он достойный противник для большинства людей, и мир об этом скоро узнает – как только он положит начало своему пути наверх.

Он не боялся Мандуляна. Он не боялся никого. Он глубоко презирал любую трусость, как нравственную, так и физическую.

Роберт допил свой тоник и заказал еще один; он сидел, наблюдая и слушая.

Глава XI. Теории Лоуренса

Доводы против Лоренса были настолько вескими, что Флеминг был этим все больше и больше недоволен. Чем больше он изучал их, тем более неопровержимыми они становились, и было понятно, что жюри определенно вынесет обвинительный приговор. Следы Лоуренса перемежались со следами Перитона на месте борьбы; клочок его пальто был найден на том же самом месте; банковские билеты, которые Мандулян передал Перитону в тот самый день, были обнаружены в кармане Лоуренса; пять тысяч восемьсот других билетов с теми же сериями были внесены Лоуренсом на счет в его лондонском банке в понедельник утром; Лоуренс был задержан при попытке отправиться во Францию; один обрывок записки от Лоуренса, в которой содержалась договоренность о встрече в воскресенье вечером, был найден в коттедже Перитона, а другой – рядом со следами борьбы. Все это выглядело убедительно, и дело было закрыто. И все же Флеминг был обеспокоен. Все было слишком уж убедительным. Слишком уж быстро было закрыто дело. Все убийцы делают ошибки, это один из принципов или наблюдений, но немногие убийцы только и делают, что ошибаются. Они не допускают всевозможных глупейших промахов. А Лоуренс сделал просто все возможное – разве что не оставил подписанного и засвидетельствованного признания рядом с телом, – чтобы обеспечить свой арест и вынесение приговора. В целом это выглядело слишком уж убедительно. И оставался необъяснимый факт – тело было найдено выше по течению. Чем больше Флеминг обдумывал это, тем больше убеждался, что его теория была верна, и в ту роковую ночь имели место две отдельные встречи: первая – встреча Перитона и Лоуренса у Монашьей запруды, а позднее вторая – встреча Перитона и какого-то другого человека у коттеджа Перитона.

Конечно, существовала возможность того, что вторая встреча также имела место между Перитоном и Лоуренсом, когда последний, вполне оправившись от сокрушительного удара, последовал за Перитоном. Но это не объясняло того, почему он взял на себя труд вернуться к Монашьей запруде с тем ножом.

Неожиданно Флеминг понял, что в любом случае не может объяснить нахождение ножа у Монашьей запруды. Имелись явные следы крови на рукоятке, но при этом у Джона Лоуренса не было никаких признаков раны или даже царапины. Разумеется, не могло быть простым совпадением, что окровавленный нож был найден рядом с местом борьбы. Но как он мог быть в крови, если ничья кровь не была пролита? Конечно, была еще та царапина на лбу Холливелла. По его словам, он получил ее, пробираясь через кусты ежевики во мраке воскресного вечера, когда был на прогулке. «Проклятье! - сказал сам себе Флеминг. – Кажется, что в этой деревне живет целая группа отъявленных полуночников. Им место на Бродвее, а не в этой глубинке».

Он снова принялся размышлять. Лоуренс оставил свои следы – но не следа крови. Холливелл потерял немного крови, но не оставил никаких следов. Казалось, тут размышления заходят в тупик. Было ли возможно, что тут действительно имело место необыкновенное совпадение, и после второй встречи между Перитоном и неизвестным убийца сказал себе: «Где мне спрятать этот нож? Спрячу его в реке, ниже коттеджа Перитона, потому что никто не будет обыскивать территорию ниже по течению, и в любом случае Монашья запруда – отличное место для сокрытия вещей». Из этой теории вытекает следующее: во-первых, противником Перитона во второй встрече был не Лоуренс, и, во-вторых, убийца был форменным глупцом, предполагая, что никто не будет искать нож ниже по течению и что Монашья запруда – отличное место для того, чтобы что-то спрятать.

– Есть что-то подозрительное во всем этом деле, – произнес детектив, – и я не могу понять, в чем же эта неправдоподобность. Пойду повидаюсь с Лоуренсом.

Но как только он принял это решение, гостиничный слуга объявил, что господин Мандулян хотел бы коротко поговорить с инспектором, и минутой позже в комнате появился крупный армянин.

– Инспектор, я думал об этом человеке, Лоуренсе, – начал он, не тратя времени на формальности, – и размышлял о том, где я видел его раньше. Его лицо показалось мне смутно знакомым, когда я как-то встретил его в деревне, но я больше не задумывался об этом. Подумал, что он был просто приезжим, который бывал здесь раньше и которого я видел где-то поблизости. Когда он был арестован по обвинению в убийстве, что, естественно, представило дело в другом свете, я начал ломать голову на его счет. И сегодня утром вспомнил его. Это человек по имени Шустер – Джордж Шустер, – и он сыграл довольно своеобразную роль во время войны. Я не знаю деталей, но, не сомневаюсь, вы могли бы узнать о нем все.

Флеминг очень внимательно наблюдал за чернобородым армянином в течение этого рассказа. Он вовсе не был расположен верить каждому слову, что тот говорил, а исключительная гладкость и плавность его речи делали его слова подозрительными.

– Это чрезвычайно интересно, – сказал он уклончиво. – Могу ли я спросить, как и где вы с ним встретились?

– Безусловно. Это было на последнем этапе войны. В то время я работал в Министерстве обороны и блокады Средиземноморского региона, и у нас было серьезное подозрение, что где-то между Порт-Саидом и Триестом, а также между Порт-Саидом и Смирной произошла большая утечка информации. Мы не могли вычислить ни людей, которые это сделали, ни их организацию, пока однажды этот Шустер не пришел в наш офис с историей, которая дала нам именно то, что мы хотели, и в сентябре 1918 года мы обезвредили всю шпионскую шайку и остановили утечку информации.

– Что ж, – сказал Флеминг, – мне не кажется, что его поведение было довольно своеобразным.

– Оно и не покажется вам таким, – сухо ответил армянин, – пока вы не узнаете продолжение истории. После войны мы обнаружили – хотя и не смогли это доказать, – что Шустер сам был главой организации, ставшей причиной утечки информации в Леванте. Когда он понял, что силы определенно не на стороне Германии и война долго не продлится, он очень осторожно обеспечил собственное отступление за счет своих коллег. Не сомневаюсь, вы сможете получить полную информацию из Министерства внутренних или иностранных дел.

– Удивительная история, – прокомментировал Флеминг. – В высшей степени удивительная история. Вы уверены в том, что это тот же самый человек?

– Абсолютно.

– Понимаю. Очень хорошо, мистер Мандулян, я очень благодарен вам за то, что вы рассказали мне об этом.

– Я подумал, вам это будет интересно, – ответил миллионер. – Если я смогу вспомнить о нем еще что-то, я дам вам знать.

– Спасибо. Кстати говоря – полагаю, он не затаил на вас злобу, верно?

– На меня? – рассмеялся Мандулян. – Как раз наоборот, я бы сказал. Ведь это мой отдел он водил за нос, – и, взяв свою шляпу и трость, он вышел.

Инспектор звонком вызвал Мэйтленда.

– Два задания, Мэйтленд. Служебное дело Перитона и история человека по имени Джордж Шустер, замешанного в шпионаже в Средиземноморье под конец войны. Мошенничество в Министерстве обороны и блокады. И подайте автомобиль.

Джона Лоуренса посадили в окружную тюрьму, и, когда Флеминга провели к его камере, то он обнаружил того спокойно читавшим книгу. Казалось, этого человека не потрясла внезапная перемена в его судьбе, и он выразил готовность выслушать инспектора.

Флеминг кратко изложил дело против Лоуренса, как оно обстояло на тот момент, и завершил свою речь словами:

– Это дело будет рассмотрено присяжными, Лоуренс, если оно дойдет до рассмотрения. Но лично у меня имеются сомнения насчет вашего дела. Сам я вовсе не уверен в том, что вы это сделали.

– Дело куда серьезнее, чем я думал, – ответил Лоуренс, слегка наморщив лоб. – Куда серьезнее. Тут надо немного поразмыслить.

По крайней мере на пять минут воцарилось полное молчание, а затем заключенный тихо сказал:

– Нет. Я не вижу особых причин что-либо говорить сейчас. Возможно, позже, но не сейчас.

– Я не хочу принуждать вас, – ответил Флеминг. – На самом деле я и не имею права вас принуждать. Но вы, конечно, понимаете: если вы не убивали Перитона, в ваших же интересах будет как можно скорее сообщить нам все, что вы знаете. Вы ведь знаете, гончие лучше идут по горячим следам.

– Совершенно верно, – признал Лоуренс, – и все же, думаю, я буду придерживаться своего решения.

– Ну что ж, дело ваше. Я всего лишь честно вас предупреждаю. Доводы против вас очень сильны. И если можно доказать, что вы действительно Джордж Шустер…

– Ага! – мягко перебил его Лоуренс, а затем задумчиво произнес: – Так вот куда ветер дует, верно?

– Да, – сказал Флеминг, – так и есть.

Снова наступила пауза, во время которой Лоуренс пристально смотрел в потолок своей камеры.

– Это меняет дело, – заметил он. – По мне так сети уж чересчур затягиваются. Думаю, мне лучше поведать вам свою историю.

– Как вам будет угодно. Никакого принуждения, вы ведь понимаете.

– Обстоятельства вынуждают, любезный, – ответил Лоуренс, и первый намек на улыбку показался на его бесстрастном лице. – Слушайте, произошло вот что. В первую очередь, я живу своим умом, и всегда жил. До войны я странствовал по восточной части Средиземноморского региона, и во время войны остался там же. Кажется, весной 1918 года в Адалии – вы знаете, это в Малой Азии – я наткнулся на человека, который продал мне некоторую достаточно ценную информацию о Теодоре Мандуляне. После войны я вернулся, чтобы собрать доказательства, и я их получил. Поэтому я и направился сюда, чтобы узнать, во что оценит эти сведения старый Мандулян.

– Минуточку, – прервал Флеминг. – В каком году вы получили то, что называете своими сведениями?

Мужчина снова едва заметно улыбнулся.

– Точно, – сказал он. – Информацию я получил в 1922 году, а сейчас 1930 год. Вы это имеете в виду – чем я занимался все это время? Что ж, это не имеет ничего общего с нашей историей. Если бы я мог появиться здесь раньше, я бы так и сделал. Давайте оставим эту тему. На чем я остановился? Ах да. Я направился сюда, чтобы узнать, чего стоят мои доказательства. Мне нужно было соблюдать осторожность. Старый Мандулян опасен как старый черт, когда его затронешь, и я был настороже. Но ведь сам я вел честную игру, и в любом случае все карты были у меня на руках. Я пошел повидаться с ним, и он понял, что угодил в ловушку. Он умный и здравомыслящий человек и потому не пытался блефовать или грозиться. Это был только вопрос времени. Потребовалось немного времени, чтобы договориться об условиях.

– И какими же были условия?

– Было три письма. Две тысячи за каждое. Я мог бы получить и десять тысяч за каждое, если бы захотел рискнуть, но я тоже человек здравомыслящий. Куда лучше без усилий получить шесть тысяч – и обойтись без недовольства, чем вымогательством добиться тридцати тысяч и озлобленности против себя, особенно если это касается такого богатого, влиятельного человека, как старый Теодор. Я назначил невысокую цену, и он на нее согласился.

– Кстати говоря, – сказал Флеминг, – полагаю, вы понимаете, что сейчас признаетесь в шантаже.

– Все лучше, чем быть осужденным за убийство.

– Это верно. Продолжайте.

– В прошлую пятницу он отправился в Лондон, чтобы получить казначейские билеты – чеки не для меня. В ночь на субботу – я не встречался с ним до наступления темноты – он пришел сюда, и мы встретились на дороге, примерно в полумиле от «Тише воды» на дальнем конце деревни. Я передал ему первое письмо, и он забрал его к себе домой, чтобы убедиться в том, что оно подлинное. Такова была договоренность. Если он убеждался в том, что первое письмо является подлинным, то должен был передать мне шесть тысяч за остальные два. Он забрал письмо и вернулся домой – по крайней мере, я полагаю, что он так поступил. Во всяком случае, он ушел. Затем воскресным утром я получил от него телефонограмму. Все было в порядке, и тем вечером я должен был отправиться в поместье в половину одиннадцатого. Меня это устраивало – за исключением того, что надо было отправляться в поместье. Я не слишком-то беспокоился на этот счет и, в конце концов, как следует обдумав это, решил, что он в любом случае ничего не сможет сделать. Я человек бывалый, мистер Флеминг, и, как правило, могу о себе позаботиться. В десять часов я положил в карман пистолет и направился к поместью. Мандулян ждал на своей террасе, и мы вошли. Он был очень вежлив, и я спросил у него, почему он так спокойно все это воспринимает. «Что ж, мистер Лоуренс, – сказал он, – если бы под вами в течение восемнадцати или девятнадцати лет лежали три мины, которые могли взорваться, и вы нашли бы возможность навсегда от них избавиться, заплатив шесть тысяч фунтов, вы бы тоже были довольны, как и я». Он все это время знал о существовании этих писем.

– Что было в этих письмах? – спросил Флеминг, но Лоуренс покачал головой.

– Это к нашей истории не относится, – сказал он.

– Пусть так. Продолжайте.

– Мы сели, и он вытащил небольшую сумку и протянул мне деньги – шесть тысяч в казначейских билетах. Я, конечно, не пересчитывал их, просто просмотрел и сделал примерный подсчет. Когда я положил большую часть этих денег в банк, то оказалось, что там не хватало около тридцати фунтов.

– Эти тридцать фунтов нашли на трупе Перитона.

– Вероятно. Что ж, я передал письма Мандуляну. Он просмотрел их, затем бросил в огонь, сел и вытер пот со лба. Затем он предложил мне выпить. Я отказался, и он сказал, что если я не возражаю, он сам выпьет стаканчик. Там был поднос с бокалами, виски и сифонами, и он налил себе какой-то яркий крепкий напиток, залпом выпил и налил еще стакан. Этого для меня было достаточно – я сказал, что передумал и все-таки выпью стаканчик. Я налил себе, выпил, и следующим, что я увидел, был старый Мандулян, пошатывающийся, будто он был пьян. Когда он повалился на диван, я начал понимать, что нас обоих одурманили наркотиком, а затем я повалился на пол как бревно.

– Честное слово, – сказал Флеминг, – это самая удивительная история.

– Я рад, что вы находите ее такой, – мрачно ответил Лоуренс. – Я снова очнулся в четверть второго. Мандулян все еще лежал на диване. Огонь в камине почти погас, но это было единственное, что изменилось в комнате. Деньги по-прежнему лежали в кармане моего пальто. Как вы понимаете, это было первое, что я проверил. Я попытался разбудить Мандуляна, но он только перевернулся и заворчал. Он выпил гораздо больше виски, чем я. Мне показалось, что в таком случае ничего не остается, кроме как уйти. И я ушел. Я отправился в гостиницу, собрал свои вещи и с ужасной головной болью отправился на станцию.

– Почему вы уехали так рано?

– Это было частью нашего соглашения: я должен был уехать сразу же. И я не хотел шататься по округе после того как получил свои деньги. Мандулян из тех людей, с которыми непросто работать, и я не знал, не передумает ли он в любой момент. У миллионера в руках огромная власть, как вы знаете.

– И поэтому вы уехали?

– Поэтому я и уехал. Положил большую часть денег в банк и направился в Париж. А добрался только до Дувра.

– Понимаю. Как я уже сказал, это удивительная история. А теперь скажите мне вот что, мистер Лоуренс... Кстати, не предпочтете ли вы, чтобы я называл вас Шустером?

– Шустер – это имя из прошлого. Меня зовут Лоуренс.

– Отлично. А теперь, мистер Лоуренс, когда я совсем недавно попросил вас поведать вашу историю, вы отказались обмолвиться хоть словом, пока я не упомянул, что знаю о Шустере. Почему так?

– Я скажу вам почему, – с готовностью ответил Лоуренс. – На тот момент я считал, что некто третий добавил наркотик в тот виски, чтобы застигнуть старого Мандуляна врасплох, а я попался в эту же ловушку по чистой случайности. Поэтому я решил для себя: «Они определенно намерены выяснить, кто убийца, без моего содействия, и поэтому я только выставлю себя дураком, если стану признаваться в шантаже». Но когда вы продолжили и рассказали мне, что Мандулян распространил этот вздор насчет Шустера...

– Я этого не говорил.

– Нет, но вы не могли получить эту информацию от кого-либо еще. Должно быть, Мандулян сказал вам. Тогда я сказал себе: «Раз Мандулян выпустил этого кота из мешка, то, когда я расскажу свою историю о визите к нему и о шантаже, мне заведомо не поверят». Видите ли, инспектор, это совсем другое дело. Я рассказываю свою историю. «Ха, – скажет Мандулян, – не верьте ему. Он всего лишь грязный экс-шпион». «Действительно? – спросите вы. – Почему же вы не сказали об этом раньше?» Это бы поставило его в тупик. Вместо этого он пришел к вам со своей историей. А затем я рассказываю вам свою версию. «Ха, – скажет Мандулян, – это всего лишь выкрутасы экс-шпиона. Что я вам говорил». Нет-нет, господин инспектор, как только я услышал об истории с Шустером, я понял, что не было третьего человека, который подмешал наркотик в тот виски. Это Мандулян подмешал его, и себе, и мне, а затем его сообщник убил Перитона, оставил все эти фальшивые следы моих ботинок и положил некоторые из моих заметок в карман Перитона, а письмо, которое я написал Мандуляну, оставил в коттедже Перитона. Разве на обрывках того письма, что вы нашли, указано имя лица, которому оно было адресовано? Или дата встречи? Нет. Любопытное совпадение. Это письмо, которое я написал Мандуляну, конечно, с сообщением о том, что я встречусь с ним в половину одиннадцатого в субботу вечером. Я никогда в жизни не писал Перитону.

Инспектор Флеминг посмотрел на Лоуренса с искренним восхищением.

– Что ж, ей-богу, – сказал он, – вы, конечно, говорите исключительно правдоподобно. Просто удивительно правдоподобно. Мне редко доводилось слышать, чтобы такую гениальную версию составляли за такой короткий промежуток времени.

– Это не составило труда.

– Почему?

– Потому что так случилось, что это правда.

– И это можно подтвердить? Можно ли подтвердить какую-либо часть этой истории?

– Мандулян и его приятель могли бы, но, разумеется, они не станут этого делать. Пастор может подтвердить, что я подошел к поместью в половине одиннадцатого. Но от этого мало проку.

– Пастор! – воскликнул Флеминг. – Вы видели его той ночью?

– Да. Он стоял на каменном мосту на дороге, что ведет к усадьбе.

– Вы узнали его в темноте?

– У меня был с собой фонарь, и свет упал на него. Но я не думаю, что он видел меня.

– Скажите мне, – нетерпеливо спросил Флеминг, – вы четко видели его лицо?

– Бог мой, да. Между нами не было и ярда, когда я заметил его. Я был довольно-таки шокирован и автоматически включил свой фонарь.

– Был ли у него большой кусок лейкопластыря на лбу?

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно. На нем не было шляпы, и я бы это заметил.

– Понимаю. Но кроме него у вас нет прямых доказательств.

– Нет. Ни малейших. Разве что кто-то видел меня на террасе с Мандуляном, когда я пришел. Но это крайне маловероятно. Было очень темно.

– Что ж, Лоуренс, – сказал Флеминг, поднимаясь, – то, что вы рассказали мне, очень изобретательно и очень правдоподобно. Обещаю вам одно: я буду внимательно выискивать любые мелочи, которые могли бы подтвердить вашу историю. Мне крайне неприятна мысль, что будет повешен невиновный человек.

– Чувство, которое делает вам честь, – сухо ответил Лоуренс.

Глава XII. История викария

Когда Флеминг вернулся в Килби-Сент-Бенедикт, голова у него шла кругом. Конечно, любой детектив привыкает выслушивать ложь и лжецов. Это является частью ежедневной рутины. Но в этом случае Флемингу казалось, что дело становилось немного запутанным. Казалось, что каждый либо лжет, либо что-то утаивает. Последнее дополнение в этом спектакле было потрясающе правдоподобным. Но был ли Лоуренс лжецом, или он говорил правду? Если верно последнее, то Мандулян, по меньшей мере, утаивал правду. Если же первое, то он был самым способным обманщиком, которого когда-либо встречал Флеминг. Было очень сложно поверить в то, что каждое слово в этой истории не соответствует действительности, что в ней не было ни слова правды. Его версия насчет фрагментов письма была интересной. В письме все указывало на то, что Лоуренс согласился на встречу с кем-то в половину одиннадцатого в один из вечеров. Но ни имя, ни конкретный вечер не были известны. Да, это было интересно, весьма интересно. И еще история о виски с подмешанным наркотиком. Если бы это было правдой…

Флеминг, откинувшись в автомобиле, который возвращал его в Килби, закрыл глаза и представил, что каждое слово, сказанное ему Лоуренсом – правда. Мандулян и Лоуренс оба выпили виски с наркотиком, подмешанным туда кем-то, кто наверняка знал, что Мандулян в тот вечер решит выпить, но мог и не знать, что Лоуренс будет там. Поэтому предположение Лоуренса, что Мандулян сам намеренно одурманил себя, чтобы дать сообщнику выполнить всю работу, казалось неправдоподобным. Это возможно, но притянуто за уши. Флеминг предпочел другой вариант: кто-то намеренно одурманил Мандуляна и непреднамеренно – Лоуренса. Для какой цели человек, который знал, что Мандулян будет пить виски, подмешал туда наркотик? Чтобы встретиться с Перитоном в поместье. Потому что если не в поместье, то зачем тогда было одурманивать Мандуляна?

Кто знал, что Перитон будет в поместье тем вечером? Человек, который знал, что Перитон приходил в поместье почти каждую ночь. Человек, которому Перитон весело крикнул вслед из окна своего коттеджа: «Все равно я приду сегодня». Человек, у которого в субботу утром произошла бурная ссора с Перитоном, закончившаяся разрывом помолвки с ним. Человек с эксцентричным, томным, страстным, восточным темпераментом. Тут Флеминг открыл глаза и ударил по мягкому сиденью автомобиля рядом. «Черт возьми, – воскликнул он, – она не разрывала помолвку с ним тем утром. Она сказала: «Прощай, дуралей», – а так помолвки не разрывают».

Флеминг был самым стойким приверженцем здравомыслия. Если теория, казалось бы, была абсолютно совершенной, если она соответствовала всем фактам, если она отвечала на все вопросы, но все-таки противоречила здравому смыслу, Флеминг инстинктивно сомневался в ней. И это был хороший пример тому: теория, что Дидо Мандулян одурманила наркотиком своего отца, чтобы иметь свободу действий тем воскресным вечером, безнадежно рушилась под напором инстинктивного здравого смысла Флеминга. Эта теория не согласовывалась с роковыми словами «Прощай, дуралей», и поэтому он отверг ее и решил больше не предаваться теориям, пока еще раз не поговорит с миллионером.

Он отправился в усадьбу и был приглашен в кабинет Мандуляна. Флемингу сразу показалось, что крупный армянин очень насторожен, что его самообладание несколько чересчур бросалось в глаза, а его действия казались слишком продуманными.

– Я был у вашего человека, Шустера, – начал инспектор, – и он не отрицал, но и не признал предположение, что вы когда-то его знали. С другой стороны, он рассказал мне странную историю – что он пришел сюда в воскресенье вечером; что оказался под

воздействием наркотиков – как, кстати, и вы; что вы отдали ему все шесть тысяч фунтов, за исключением тридцати, в фунтовых банкнотах в обмен на три письма; что он пролежал на диване до четверти второго в ночь на понедельник, а затем ушел, оставив вас спящим на другом диване. Вот, вкратце, его история.

Во время этого рассказа господин Мандулян все больше и больше подавался вперед, с открытым ртом. В конце концов, он глубоко вздохнул и сухо сказал:

– О! Так вот что он говорит, вот как?

– Да. У вас есть какие-то замечания к этому рассказу?

– Какие-то замечания? – пробормотал Мандулян, поглаживая черную бороду и пристально глядя на Флеминга из-под тяжелых бровей. – Какие-то замечания? Да, если подумать, они у меня есть. И первое – то, что в этой истории нет ни слова правды. Я ничего не знаю об этом человеке, кроме того, что рассказал вам. Его три письма, то, что я заплатил ему шесть тысяч фунтов, его визит сюда той ночью, наркотик в виски – все это просто одна сплошная ложь. Ни единого слова правды. Истинная правда насчет всего этого очевидна, не так ли?

Он умолк, но так как Флеминг не ответил, продолжил:

– Да, теперь это становится все более очевидным, не так ли? Его история на самом деле сплошная ложь; если ее слегка изменить, то она будет куда ближе к истине. Шустер не приходил сюда шантажировать меня, он приходил шантажировать Перитона. Должно быть, он был посредником в этом дельце Перитона с хористкой, о котором я рассказал вам. У Шустера были письма, но это были письма Перитона, а не мои. Я дал или, скорее, одолжил Перитону деньги, как я уже говорил вам, чтобы он мог свободно жениться на моей Дидо. Перитон передал деньги Шустеру и… – он остановился.

– Продолжайте, – сказал Флеминг. – Что произошло потом?

– А! Тут моя версия подходит к концу. Я предполагаю, что между ними произошла некая ссора, которая вылилась в борьбу, и Шустер убил Перитона в порядке самообороны.

– Возможно, – задумчиво ответил Флеминг, – возможно. А после того, как Шустер убил Перитона, он приступил к проработке поддельного алиби для себя; и, поразмыслив несколько дней, он решил, что лучшее алиби, которое можно придумать, – то, которое заставит от него утверждать, что с половины одиннадцатого до четверти второго он лежал одурманенным на одном диване, в то время как вы, также одурманенный, лежали на другом. Я в свое время слышал много вариантов алиби, и хороших, и посредственных. Но за всю свою жизнь мне никогда не встречалось столь плохого алиби.

– Да, оно неудачное, – охотно согласился Мандулян. – Но говорят, что преступники часто теряют голову после того, как совершают преступление, и не могут размышлять объективно и последовательно.

– Это правда, – признал Флеминг, а затем сменил тему: – Господин Мандулян, есть маленький момент в этом расследовании, который немало меня озадачил. Не могли бы вы пролить свет на него?

– Разумеется, если это в моих силах.

– Речь идет о вашей дочери и мистере Перитоне. В начале прошлой недели они были помолвлены и готовились к свадьбе, во всяком случае, неофициально. В течение недели Перитон пришел к вам и рассказал о тех компрометирующих письмах от хористки, и вы согласились дать – или одолжить – ему шесть тысяч фунтов, чтобы вернуть эти письма. Вы отправились в Лондон...

– В пятницу.

– …в пятницу, забрали из банка шесть тысяч и вернулись сюда. Но в то же время отношения между вашей дочерью и Перитоном приняли неожиданный поворот: в субботу утром, то есть после вашего возвращения с деньгами для Перитона, как заявляет ваша дочь, она отправилась в коттедж Перитона и разорвала помолвку. Тем не менее, она не сказала вам об этом, в результате чего в воскресенье во второй половине дня вы передали Перитону деньги. Он тоже не сказал об этом ни слова. Теперь, господин Мандулян, я признаюсь, что не вижу здесь никакого смысла, и практически

единственным возможным объяснением является то, что помолвка не была разорвана в субботу утром. Можете ли вы что-то сказать мне по этому поводу?

Господин Мандулян внимательно обдумал этот вопрос, прежде чем ответить, и, наконец, сказал:

– Вы знаете, что из себя представляют девушки. Возможно, она поссорилась с ним и даже могла пригрозить разорвать помолвку, но я не сомневаюсь, что она не намеревалась предпринимать ничего, что нельзя было бы изменить. Конечно, она бы сказала мне, если бы это было так.

– Это именно то, что я имел в виду, – сказал Флеминг, – и сразу по нескольким причинам я рад тому, что ваше мнение совпадает с моим. Видите ли, – добродушно продолжил он, – говоря профессионально, я хотел бы исключить из дела посторонние мотивы. Если Перитон бросил вашу дочь, то это дало бы ей абсолютно достаточный мотив для убийства на почве ревности.

Глаза Флеминга пристально наблюдали за миллионером, и он мог бы поклясться, что проблеск какой-то эмоции отразился на его лице, но Мандулян хорошо себя контролировал, и этот проблеск почти тут же исчез.

– Но, – продолжил Флеминг, – если мы смогли убедиться, что она не ссорились с ним, во всяком случае, серьезно, тогда, разумеется, этот мотив сразу отпадает.

Мандулян встал и прошелся туда-сюда по комнате.

– Она не могла поссориться с ним всерьез, Флеминг, – сказал он. – Тогда бы она пришла прямо ко мне. Она всегда приходит прямо ко мне насчет всего. Это совершенно не в ее характере – скрывать что-то от меня, да и от любого, на самом деле. Она открыта и откровенна. Она бы вернулась сюда из коттеджа Перитона и сказала бы: «Папа, все кончено».

– Именно так, – согласился Флеминг и добавил про себя: «Вы, кажется, вдруг чрезвычайно заинтересовались этой новой теорией, приятель». Вслух он продолжил, медленно, подбирая слова: – Конечно, если это была размолвка влюбленных, то это списывает со счетов возможный мотив у вашей дочери – если он у нее вообще был, так сказать, – но в то же время это почти наверняка доказывает, что Перитон приходил сюда в субботу поздно вечером, как и намеревался утром.

На этот раз на лице миллионера не появилось ни проблеска эмоций, разве что ускорилось дыхание и проявились общие признаки нервозности, которые всегда выдают преступников, когда они понимают, что преследователи на верном пути. Но господин Мандулян прекратил свое хождение и застыл, как бородатый ассирийский сфинкс посреди комнаты. Он не шевелился и не моргал. Флеминг намеренно смотрел в пол и задумчиво продолжил:

– Да, он сказал, что придет в субботу, и, вероятно, сделал это.

Господин Мандулян ответил тихо, как можно более непринужденно и естественно:

– О нет, он не пришел к ужину в субботу.

– Я не имел в виду ужин, – мягко ответил Флеминг. – Я имел в виду, что он пришел позже – намного позже.

– Правильно ли я понял, мистер Флеминг, – холодно сказал Мандулян, – вы намекаете на мое бесчестье, как отца?

– Я думаю, – ответил Флеминг, – что будет лучше, если мы закончим этот разговор в присутствии вашей дочери.

После минутного колебания хозяин позвонил, и они в молчании дождались прихода Дидо Мандулян.

– Боюсь, мисс Мандулян, у меня есть еще вопросы, – сказал инспектор, выдвигая вперед стул.

Девушка пожала плечами и молча села.

– Во-первых, как звали хористку?

Она посмотрела на него с удивлением.

– Хористку?

Мандулян вмешался.

– Вы имеете в виду ту, от которой я помог откупиться Перитону?

– Да.

– А, та, – апатично сказала Дидо. – Я не знаю. Я никогда не слышала ее имени.

– А вы, сэр?

– Нет. Перитон никогда не говорил нам этого.

– Понимаю. И вы действительно порвали с Перитоном в субботу утром?

Мандулян снова вмешался, легко и естественно.

– Да, Дидо, мистер Флеминг и я размышляли, не было ли это просто размолвкой влюбленных, которая ничего не значит.

Тут не было никаких сомнений: отец подавал дочери знак.

Однако Дидо его не заметила и сказала:

– Это был окончательный разрыв. Я порвала с ним.

– Если только все это не было иначе, – воскликнул Мандулян, и Дидо спросила скучающим тоном:

– Что ты имеешь в виду?

– Ваш отец подразумевает, что если вы, скажем так, порвали с мистером Перитоном, то все в порядке. Если же мистер Перитон… хм… порвал с вами… – Флеминг не окончил фразы, и отец снова подал дочери знак:

– Если это был окончательный разрыв, моя дорогая, надеюсь, ты дала бедняге отставку быстро. Для мужчины неприятно быть отвергнутым.

На этот раз дочь безошибочно ответила на знак.

– Я была мягка, насколько это было возможно.

– Но, конечно, – продолжил отец, – если разрыв был окончательным, как ты говоришь, то не могло быть и речи о том, чтобы увидеться с ним снова.

– Разумеется.

– Вы с ним больше ни разу не виделись? – спросил Флеминг.

– Ни разу.

– И в субботу, поздно вечером?

– Нет.

– Но вы не сказали отцу о том, что ваша помолвка была расторгнута. Довольно странно, что вы этого не сделали.

– В субботу отец весь день был на охоте. Я хотела сказать ему об этом после ужина, но он устал и рано отправился спать. На следующее утро я не видела его до обеда. Потом я рассказала ему.

– Нет, дорогая, – сказал Мандулян, – ты не сказала мне.

– О, что ж, тогда я забыла об этом.

– Забыли об этом? – спросил Флеминг. – Хотя вы знали, что ваш отец намеревается передать Перитону значительную сумму денег, чтобы тот вышел из затруднительного положения и смог жениться на вас?

– Я не знала. Я имею в виду, я не знала, что он собирается передать Перитону деньги в тот день.

– Понимаю, – быстро сказал Флеминг. – Что ж, я больше не стану вас беспокоить. Я сожалею, что пришлось задать так много вопросов, но вы знаете, что это такое. Вся наша жизнь состоит в том, чтобы задавать вопросы и пытаться получить ответы.

Он поклонился, быстро отправился в «Тише воды» и вызвал Мэйтленда.

– Быстро возьмите блокнот, запишите это! – воскликнул Флеминг, как только вошел сержант. – Я приму ваши отчеты потом. Но мы должны записать это, пока впечатления свежи. Примечания к разговору с Теодором и Дидо Мандулян.

1. Дидо ничего не знает о хористке и никогда не слышала о ней, пока Мандулян о ней не заговорил.

2. Мандулян не знает имени хористки.

3. Мандулян думает либо (а) что его дочь совершила убийство, либо (б) что у нее были мотив и возможность сделать это и (в) что если бы у нее были мотив и возможность, она почти наверняка сделала бы это.

4. Дидо солгала, когда она сказала, что ссора была окончательной, потому что она назвала Перитона «дуралеем» в конце разговора, но я не знаю, почему она лжет.

В воскресенье она сказала отцу о том, что разорвала помолвку и, следовательно, либо (а) Мандулян лжет, говоря, что дал Перитону деньги днем, либо (б) он дал ему деньги, но не для таинственной, почти мифической хористки.

– Вы все записали?

– Да, сэр.

– Очень хорошо, Мэйтленд. Вы видите, что мы имеем – веселенький запутанный клубок. Единственное, в чем я абсолютно убежден, это в том, что Мандуляны лгут. Имейте в виду, я не говорю, что они совершили убийство. Но я утверждаю, что они лгут. А теперь расскажите, что выяснили вы.

– Я был очень занят, сэр, но не обнаружил ничего действительно важного. Следов нет, сэр. Ни единого.

– Что ж, – добродушно ответил инспектор, – насколько я помню, большая часть заданий, которые я вам дал, должны были быть выполнены посредством телефонных разговоров, и тут не много возможностей для обнаружения следов.

– Это верно, сэр, – признал сержант Мэйтленд, слегка покраснев и открыв свою записную книжку. – Мне продолжать, сэр?

– Продолжайте.

– Что ж, сэр, в первую очередь – не обнаружилось никаких отпечатков пальцев на обрывках бумаги, но обнаружился четкий отпечаток большого пальца на рукоятке ножа.

– Несмотря на то, что он побывал в воде?

– Несмотря на то, что он побывал в воде, сэр. Этот отпечаток большого пальца идентичен отпечатку заключенного, Джона Лоуренса.

– А! – сказал Флеминг задумчиво. – Это интересно. Продолжай.

– Отчет о прошлом господина Мандуляна. Господин Мандулян сколотил свое состояние на общей торговле в Малой Азии в довоенное время. Он очень поспешно оставил страну в конце 1912 года и отправился в Париж, а затем в Лондон. Во время войны он сперва заработал много денег на поставках вооружения, а позже присоединился к Министерству обороны и блокады Средиземноморского региона, где его знакомство с Левантом высоко ценилось. После войны он вернулся к активной предпринимательской деятельности и снова стал председателем торгового банка «Мандулян Бразерс». Против него нет ничего с тех пор, как он приехал в Англию, но есть много довольно компрометирующих историй в начале его карьеры.

– Безусловно, – пробормотал Флеминг. – Охотно верю в это.

– О нем говорят, – монотонно продолжил Мэйтленд, – что он был способен на любое безрассудство или махинации, чтобы получить то, что он хотел, но со времени его прибытия в Англию его поведение было безупречным.

– Безусловно, – снова пробормотал Флеминг. – Другими словами, в высшей степени подвержен шантажу.

– Отчет о мисс Дидо Мандулян. У нее много друзей, по крайней мере четыре раза была помолвлена. Помимо этого ничего особенного.

Характеристика Палмера от полковника Хантера. Дважды осужден мировым судом за браконьерство. Больше за ним не числится никаких провинностей. Человек, который сторонится людей и не любит входить в столкновение с законом.

Военное прошлое Перитона. Активный пацифист; в 1914 году присоединился к организации международно-правовой защиты; выступления на Трафальгарской площади против милитаризма; арестован за сопротивление полицейскому на Вулвич Арсенал в октябре 1914 года, приговорен условно; выступил на митинге 24 октября 1914 года, митинг был разогнан полицией; Перитон арестован и приговорен к тридцати дням заключения; по освобождении отправился в Глазго агитировать против производства боеприпасов; внезапно передумал и вместо этого присоединился к Хайлендской легкой пехоте в качестве рядового. Получил офицерский чин в августе 1915 года; ранен под Контальмезоном, 14 июля 1916; Военный Крест за захват Маметц Вуд, 6 июля 1916 года;

вернулся во Францию в звании капитана в апреле 1917 года; орден «За боевые заслуги» за захват пункта Верховного главнокомандования, 31 июля 1917 года; ранен под Лангемарком 4 октября 1917 года; вернулся во Францию 21 февраля 1918 года; отказался от ордена «За боевые заслуги» за атаку на Камбре 29 сентября 1918 года; ушел в отставку в звании майора, 1 января 1919 года.

– Что за странная история, – прокомментировал Флеминг, пока Мэйтленд переводил дыхание перед следующей частью отчета.

– Военное прошлое Шустера. Мало что известно об этом человеке до 21 июля 1918 года, когда он прибыл в Лондон из Испании и объявил, что наткнулся на следы немецко-австрийско-турецкой шпионской сети в Леванте. Предоставленная им информация оказалась правдивой, и впоследствии он получил звание Кавалера Ордена Британской империи и пост в отделе контрразведки. Он достиг поразительных результатов в этом отделе. После войны выяснилось, что он был главой организации, которую он разоблачил, и что все его данные, паспорт, документы, удостоверяющие личность, и прочее были поддельными. К этому времени он исчез. Был замечен в Эрзеруме в январе 1921 года, а затем в Ангоре в 1922 году. Считалось, что он, возможно, был англичанином, личность которого не удалось установить и который был заключен в тюрьму в 1922 году в Тифлисе за неизвестное преступление против советских законов. С 1922 года о нем не было сообщений.

– Итак, если Лоуренс – это Шустер, то старый Мандулян прав, – сказал инспектор. – Это очень интересно. Что-нибудь еще?

– Поиски второго ножа все еще ведутся.

Сержант Мэйтленд закрыл свою записную книжку, обтянул ее эластичной лентой и сел в ожидании дальнейших распоряжений.

– Спасибо, – сказал Флеминг. – Следующим заданием будет отслеживание телефонного звонка. Этот человек, Лоуренс, говорит, что в воскресенье утром до того, как было совершено убийство, ему позвонил Мандулян и сказал прийти в поместье тем вечером. Мандулян говорит, что у него с Лоуренсом не было никаких дел, что он никогда не говорил с ним, ничего не знал о нем. Вы посмотрите, есть ли что-то такое в истории Лоуренса? Я отправлюсь к священнику. И узнайте, может быть кто-то из слуг что-то заметил в воскресенье вечером.

Флеминг застал викария сидящим в кабинете и разговаривающим со священнослужителем, который оказался его преемником в приходе. Представив их, Холливелл с нетерпением повернулся к детективу.

– Вы пришли, чтобы сказать о моем освобождении? Я могу ехать? Я свободен отбыть?

Флеминг покачал головой.

– Я боюсь, нет, – сказал он. – Еще нет.

Нетерпение ушло с лица Холливелла, и единственное, что еще оживляло его – тусклые огоньки, тлеющие в его глазах. Его щеки побледнели и запали больше, чем когда-либо, и Флеминг был огорчен изменениями, которые в нем произошли. Даже его широкие плечи и грудь, казалось, ввалились. Он казался меньше ростом и более хрупким.

– Полагаю, вы пришли, чтобы задать еще вопросы, – устало сказал он. – Отлично. Задавайте.

Второй священник незаметно удалился и оставил их одних.

– Мистер Холливелл, – сказал Флеминг, – в прошлое воскресенье вечером вы вышли, как вы сказали, на долгую прогулку, бесцельно. В ходе этой прогулки вы поцарапали лоб о ежевичный куст. Вы помните, в какое время в тот вечер вы оцарапались? Это довольно важно.

– Нет, – равнодушно ответил Холливелл. – Я не помню. Я ничего не помню об этой прогулке.

– Кроме того, что вы шли бесцельно?

– Да.

– И в какой-то момент вы запутались в зарослях ежевики и оцарапали лоб?

– Да.

– Это все, что вы можете сказать мне?

– Это все.

– Будет вполне справедливо сказать вам кое-что, мистер Холливелл. Есть человек, который готов поклясться, что видел вас в половине одиннадцатого стоящим на каменном мосту сразу за воротами в поместье.

Викарий провел рукой по лбу и сказал:

– Возможно, я был там. Я действительно ничего не могу вспомнить. Все было настолько расплывчато и запутано.

– Мистер Холливелл, – сказал Флеминг уже более сурово, – так не годится, знаете ли. Это действительно ни в какие ворота не лезет. Как послушать ваше заявление – все что вы помните – это то, что вы бесцельно бродили и оцарапались о куст ежевики. Это вы помните четко. Но вы не можете вспомнить, действительно ли вы бродили по этому мосту в половине одиннадцатого. Попробуем снова. Начните с ежевики. Поблизости не так-то много ежевики – на мили и мили вокруг растет вереск. Думаю, вы могли ходить всю ночь и не встретить ни одного куста ежевики. Но, мистер Холливелл, – Флеминг постучал по столу указательным пальцем, – много ежевичных кустов растет в подлеске вокруг поместья.

Священник выглядел ужасно смущенным, но с минуту ничего не говорил. Когда он заговорил, он только покачал головой и сказал:

– Я был как в тумане.

– Очень хорошо, – резко ответил Флеминг. Он начинал немного злиться из-за этого абсурдного путаного рассказа. – Отлично. Мы ненадолго отложим это. Теперь, сэр, я хочу, чтобы вы очень внимательно выслушали меня. Я не хочу, чтобы вы запутались сейчас, что бы с вами не произошло в прошлое воскресенье. Есть человек… Вы слушаете? Хорошо! Есть человек, который сейчас обоснованно подозревается в возможном убийстве. Его отпечатки пальцев были обнаружены на ноже, окровавленном ноже, именно том, что оставил рану в груди Перитона. Есть и другие улики против него, все говорит против него. Он рассказывает весьма странную историю. Она настолько безнадежно плоха и никуда не годна в качестве ответа на обвинения, что я не могу не думать о том, что это должно быть правдой. Ни один глупец не может быть настолько глуп, чтобы придумать замысловатую историю, которая для него абсолютно бесполезна. Вот то, что я говорю себе. Поэтому, как я думаю, раз рассказ этого человека нелепый и невероятный, то он должен быть правдой. И все же нет никаких доказательств, говорящих в его пользу. Единственный человек, который мог бы подтвердить большую часть истории категорически, полностью ее отрицает. Но есть еще один человек, который может подтвердить небольшую часть этой истории. Если он ее опровергнет, позиция обвиняемого станет даже еще хуже, чем она есть сейчас; если он подтвердит ее, позиция обвиняемого немного, совсем немного улучшится. Он все еще может быть приговорен к повешению. Но, с другой стороны, это может стать поворотной точкой. Вы понимаете его положение? Теперь, мистер Холливелл, скажите, стоял ли кто-то на этом каменном мосту, когда этот человек проходил по нему?

Викарий слушал, будто бы находясь в трансе, опершись подбородком на руку, и его глаза были устремлены на детектива. Между вопросом и ответом не прошло и секунды. Он будто бы принял важное решение, пока Флеминг говорил, так как опустил руку и твердо ответил:

– Да. Я стоял на каменном мосту.

– Делал ли этот человек что-либо, в особенности, когда он проходил мимо?

– Да. Он посветил на меня фонарем.

– Вы подтвердили часть рассказа этого человека, – серьезно ответил Флеминг. – Не думаете ли вы, что вам лучше закончить и свой собственный?

Холливелл не выказал никаких эмоций при этом вопросе. Он ответил, тоже очень серьезно:

– Да. Думаю, что так будет лучше.

Он встал, подошел к окну, встал, глядя на деревню, которую он очень скоро должен был покинуть навсегда, и заговорил наполовину через плечо, очень тихо.

– Понимаете, я не мог не влюбиться в эту девушку, Дидо Мандулян. Я так старался не допустить этого. Она никогда бы не вышла за меня. А если бы и вышла, мы никогда бы не были счастливы. Это бы только привело к несчастьям, что бы ни случилось. И все же я ничего не мог с собой поделать. Я постепенно пошел по наклонной, вниз, вниз, все ниже. Конечно, она знала об этом, и это ей нравилось. Мне кажется, я первый священник, которого она когда-либо встречала. Однако на прошлой неделе ситуация начала меняться. Этот человек, Перитон, казалось, вдруг стал находить удовольствие в демонстрации привязанности к миссис Коллис – вся деревня знала об этом, здесь новости распространяются быстро. И тогда, тогда…

В первый раз его четкий, твердый голос дрогнул, но он снова взял себя в руки и бесстрастно продолжил:

– И тогда Дидо, казалось, стала расположена ко мне больше, чем раньше. Как-то она пришла сюда к чаю, а затем в субботу утром – около двенадцати часов – она пришла и попросила стакан воды. Я дал ей стакан воды, и мы поговорили. Казалось, она была чем-то немного взволнована. Затем попросила меня зайти и увидеться с ней в поместье. Я что-то вежливо ответил – мне пришлось бороться с собой, чтобы соблюдать приличия, – о том, рад прийти в любое время, когда она захочет. Она сказала: «Очень хорошо. Приходите ночью в полночь. Все, кроме нас двоих, будут спать; я буду ждать вас на террасе и впущу вас», и прежде, чем я успел сказать хоть слово, она ушла.

Холливелл умолк и сказал очень просто:

– Я думаю, что мне тоже нужен стакан воды. В горло пересохло.

На столике был графин, и Флеминг налил ему воды в стакан. Викарий выпил ее одним глотком и продолжил все тем же тихим голосом.

– Я не сильнее, чем кто-либо другой. Я не мог сидеть здесь, в своем кабинете, читая весь вечер и зная, что каждая секунда приближает полночь, зная, что моя воля будет сокрушена. Так что я упаковал рюкзак и поехал к другу, что живет за восемьдесят миль, близ Бата, и остался там на ночь. Мы сидели и говорили о крикете до часа ночи. На следующий день я вернулся рано. Она пришла в церковь. Перед службой она заговорила со мной. Она сказала: «Приходите сегодня вечером, в одиннадцать». В девять я бродил по окрестностям, по самым глухим местам. В десять я вернулся сюда. В четверть одиннадцатого я пытался снова бродить по окрестностям. Я намеревался пройти многие мили, но в половине одиннадцатого я очутился у ворот поместья. Тогда я понял, что это безнадежно. Я прождал до без пяти одиннадцать, а потом подошел к террасе. На одном из столов горел фонарь, и рядом с ним было письмо, адресованное мне. Я открыл его, и там было написано: «Тот, кто не хочет, когда может, уже не сможет, когда захочет», и я услышал серебристый смех за одним из темных стекол. Это была ее месть. Хорошая месть. Очень хорошая месть. Я сбежал. Тогда я и оцарапал лоб. На следующее утро рано я отправился к своему епископу. Вот и все.

Наступило долгое молчание, а затем Флеминг сказал: «Спасибо», и ушел.

Глава XIII. Роберт заключает сделку

Тем временем Роберт Маколей был крайне занят в своем самоназначенном офисе детектива-любителя. Он был неутомим и неразговорчив. Он много слушал и мало говорил, но было неизвестно, слышал ли он что-нибудь, имеющее хоть малейшее значение или ценность – он не был человеком, который повсюду трубит о своих открытиях. Поиск второго ножа поблизости от места, где было обнаружено тело Перитона, и поиски второго места борьбы, одновременно проводившиеся под руководством сержанта Мэйтленда, сильно его интересовали, и он потратил немало времени на собственные тайные поиски. Также он написал множество писем и отправил множество телеграмм своим клиентам и знакомым, которые могли пролить свет на связь между Лоуренсом и Мандуляном, но до сих пор это не принесло результата. Однако в его распоряжении был один факт, оцениваемый им очень высоко, который, как он думал, легко мог дать ему искомый ключ – ключ к богатствам Мандуляна. Совершенно случайно он обнаружил – армянин отрицал, что знает что-либо об этом человеке, Лоуренсе, кроме того факта, что тот некогда звался Шустером. Это открытие он сделал во время разговора с Флемингом.

Инспектор был серьезно обеспокоен. Отпечатки пальцев на ноже, возможно, означали бы завершение дела для менее добросовестного детектива. Но Холливелл подтвердил рассказ Лоуренса о том, что тот проходил мимо ворот поместья на территорию усадьбы в ночь на воскресенье, и это была отдельная головоломка. Если часть истории Лоуренса правдива, почему остальное не может быть правдой? В любом случае, зачем, черт побери, ему надо было идти в поместье, чтобы убить Перитона? Конечно, существовала возможность, что Лоуренс и Перитон отправились в поместье вместе, чтобы шантажировать Мандуляна, и впоследствии поссорились из-за полученных денег. Но если и так, то зачем он придумал смехотворную историю о наркотике? Если же это не выдумка, то Мандулян солгал. А если Мандулян солгал об этом...

Он решил поговорить с молодым Маколеем. Казалось, он был самым разумным человеком в этом месте. По счастливой случайности Роберт в этот момент находился в зале трактира, слушая сплетни, и он сразу поднялся в гостиную детектива.

– Дело продвигается хорошо? – выпалил он, тут же резко сжимая губы.

– И да, и нет, – ответил Флеминг. – Как вы знаете, я арестовал человека. Но я совсем недоволен. У меня в руках начало дела и его окончание, но нет середины. Беда в том, мистер Маколей, что не все говорили мне правду. На самом деле, я вовсе не уверен, что хоть кто-то сказал мне всю правду за исключением одного человека.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего, мистер Маколей. В любом случае, это не вы.

Роберт был удивлен.

– Я сказал вам… – начал он, но Флеминг поднял руку.

– Вы не сказали мне, почему вы так заняты здесь на этой неделе, играя в детектива-любителя. Не стоит придумывать оправдание. На самом деле, мне не слишком интересно. Но мне интересно вот что: может ли быть доказана какая-то связь между этим человеком, Лоуренсом, и… хм… кем-то еще поблизости.

Роберт хранил молчание.

– Вы его не знаете, не так ли? – спросил Флеминг.

– Нет.

– Никто не признается в том, что знал его.

– Вообще никто?

– Вообще никто. Вы будто бы очень удивились, что никто этого не признает, мистер Маколей.

– Вовсе нет, – коротко ответил Роберт. Он был удивлен и ругал себя за то, что хоть как-то показал это.

– В таком случае я прошу прощения, – ровно сказал детектив. – Как я уже говорил, я не могу получить сведения о связи между этим Лоуренсом и кем-то в деревне. Но я полагаю, что рано или поздно получу их. Думаю, мистер Маколей, вы хорошо знаете мисс Мандулян.

– Достаточно.

– Она говорит мне, что в субботу утром разорвала свою помолвку с Перитоном, и я склонен сомневаться в том, что она на самом ли деле это сделала. У вас есть мысли по этому вопросу? У вас есть какая-то информация о том, действительно ли она порвала с ним, или же нет?

Роберт внимательно обдумал этот вопрос, прежде чем покачать головой и сказать:

– Нет, не могу сказать, что у меня имеется такая информация.

– Это может оказаться важным, – сказал Флеминг. – Предположим… заметьте, я не говорю, что это является верным предположением или верю я в это или нет, но в любом случае существует возможность, и мы должны принимать возможности во внимание. Предположим, мы допускаем, что Перитон был общеизвестным поклонником этой девушки, что в скором времени они должны были пожениться. Вполне возможно, что кто-то мог убить его либо из любви к этой леди, либо из любви к миллионам ее отца, которые, как убийца мог полагать, он имеет хорошую возможность заполучить, если Перитон выйдет из игры. Это весьма вероятный мотив для убийства и подводит под подозрение… несколько человек.

Флеминг пристально посмотрел на Роберта, который уверенно встретил его взгляд.

– А теперь предположим, – продолжил инспектор, – что в субботу утром помолвка была расторгнута – тогда не было особого смысла убивать Перитона в воскресенье вечером, если он уже был, так сказать, вне игры.

– Предположим, убийца не знал о том, что помолвка была расторгнута, – бросил Роберт.

– Предположим, конечно, – согласился Флеминг. – Вы знали об этом?

– Нет.

Детектив засмеялся.

– Во всяком случае, это честно, мистер Маколей. В таком случае в воскресенье у вас все еще мог быть очень хороший мотив для устранения Перитона.

– Безусловно. Как и у Холливелла. Как и у Адриана.

– Адриана? Вашего брата?

– О да. В отдельные моменты он колеблется между Дидо и Ирен Коллис. Адриан может атаковать любого, если его должным образом спровоцировать.

– Я слышал об этом. Что ж, мистер Маколей, вы относитесь к неприятному типу людей. Возможно, вы и не знаете больше, чем вы говорите, но определенно создается впечатление, что вы знаете. Просто позвольте мне дать вам небольшой совет. Не дайте мне поймать вас на вмешательстве в ход правосудия, или это плохо закончится. Вы понимаете?

– Вполне. Кстати, могу ли я увидеться с этим человеком, Лоуренсом? Потому что я не верю в то, что он виновен, и собираюсь предложить помощь с его защитой.

Флеминг задумался на секунду, а затем сказал:

– Хорошо. Я не возражаю против этого.

– Спасибо, – сказал Роберт, взял свою шляпу и вышел.

Флеминг вызвал Мэйтленда.

– Мэйтленд, позвоните начальнику тюрьмы и скажите ему, что мистер Маколей направляется туда, чтобы увидеться с Лоуренсом. Скажите ему: самое главное, чтобы пару минут во время их разговора Маколей считал, что его больше никто не слышит, и попросите начальника стенографировать то, что он скажет.

– Да, сэр.

– Мэйтленд, этот молодой человек – отъявленный лжец, до мозга костей.

* * *

Лоуренс встретил посетителя без интереса или недовольства. Казалось, ему было все равно, пришел Роберт или не пришел. Надзиратель остался на посту у двери камеры.

– Я должен объяснить причину своего визита, – сказал Роберт. – Я считаю, что могу помочь вам в покрытии расходов, очень крупных расходов на вашу защиту.

– Что вы получите взамен?

– Удовлетворение от помощи невиновному человеку.

– Офицер полиции, да? – Тон Лоуренса не оставил никаких сомнений по поводу того, как он оценил незаинтересованность Роберта.

– Называйте это так, если вам хочется, – невозмутимо сказал Роберт. – Вы можете не верить, но в стране еще осталась пара человек, которые заинтересованы в том, чтобы с невиновными людьми обращались справедливо.

Это была одна из самых длинных речей, которые Роберт поизносил за последнее время, и, повернувшись спиной к надзирателю, он закончил ее подмигиванием. Лоуренс, обращенный лицом к надзирателю, сразу понял его, но ничем не выдал того, что что-то видел.

– Если вы скажете мне, что вам нужно – конечно, я имею в виду деньги, – продолжил Роберт, – я буду только рад сделать то, что в моих силах. И, пожалуйста, поймите, что я не хочу ничего взамен.

Пока он говорил, он медленно вертел свой котелок в руках, пока Лоуренс не увидел подкладку, к которой был приклеен клочок бумаги с крупными печатными буквами:

«СЕКРЕТ МАНДУЛЯНА».

Лоуренс прочел это, глазом не моргнув, и ответил:

– Мне нужны не деньги. Деньги не могут ни спасти невиновного человека, ни повесить виновного. Это сделает свидетельство. То, что мне нужно – это показания, мистер... мистер…

– Маколей.

– Мистер Маколей, если вы хотите спасти невиновного, вы не станете предлагать деньги, чтобы заплатить чванливым адвокатам. Вы будете действовать, пока не найдете кого-то, кто подтвердит мою историю, кого-то, кто видел меня в поместье, одурманенным наркотиком на этом диване, со старым Мандуляном под наркотиком на другом диване, где-то с одиннадцати до четверти второго. Вот чего я хочу. Подкрепляющее свидетельство. И я не могу получить его.

Тут раздался вызов из глубины коридора. Надзиратель встал по стойке «смирно» и сказал: «Сэр!», а затем спешно удалился по коридору.

Лоуренс собирался заговорить, когда Роберт предупреждающе поднял руку и покачал головой. Затем он сунул карандаш и бумагу в руку обвиняемого. Лоуренс быстро написал «Геноцид армян, 1912. Есть еще одно письмо, думаю, оно находится в Смирне», и сунул бумагу и карандаш назад; Роберт в это время спокойно и естественно говорил о подкрепляющем доказательстве.

– Время вышло, сэр, – сказал надзиратель, вернувшись, и Роберт поднялся, чтобы уйти.

– Я сделаю для вас все, что в моих силах, – таковы были его прощальные слова, – будь то финансовая помощь или сбор доказательств. До свидания.

Он быстро возвращался на мотоцикле из главного города графства в Килби-Сент-Бенедикт, когда начальник тюрьмы говорил с Флемингом по телефону.

– Я посылаю вам дословную запись разговора, – сказал он, – но боюсь, вы будете разочарованы. Когда мы оставили их одних, они просто продолжали разговаривать также, как и раньше. Вряд ли нужно говорить, что в зале был микрофон. Тем не менее, вы можете извлечь из этого нечто стоящее. Запись вскоре должна быть доставлена.

Роберт Маколей был человеком, который верил в использование нечестных методов, когда таковые требовались, и дерзости, когда требовалась дерзость. И мало кто мог быть настолько изворотлив или настолько смел. Он приехал на мотоцикле прямо в поместье Килби и спросил мистера Мандуляна.

Крупный, вежливый миллионер всегда питал смутную симпатию к тихому, загадочному молодому человеку, насколько миллионер вообще мог питать какую-то симпатию к кому-то, кроме его обожаемой Дидо.

Он опустился в большое кресло напротив своего гостя, зажал конец сигары между большим и указательным пальцами, аккуратно зажег ее и сказал:

– Что ж, молодой сэр, что я могу предложить вам сегодня? Половины моего царства будет достаточно?

– Половины вашего царства? Нет, это слишком.

Миллионер приподнял тяжелые брови и улыбнулся.

– Не знал, что для ваших похвальных амбиций что-либо может быть «слишком».

– Я поднимаюсь ступенька за ступенькой.

– Мудро. Вы далеко пойдете.

– Да. Мистер Мандулян, положение таково, – Роберт сделал глубокий вдох перед исключительной ораторской речью. – Этот человек, Лоуренс, говорит, что провел определяющую часть воскресного вечера – с одиннадцати до начала второго – здесь, лежа одурманенным на диване.

– Я об этом слышал, – небрежно ответил армянин.

– Но у него нет подкрепляющего доказательства.

– Верно. Ему его очень недостает. Его не существует.

Роберт наклонился вперед.

– Оно существует. Я сам видел его.

Мандулян не выдал себя дрожанием рук и не моргнул и глазом. Он выдохнул длинное облако сигарного дыма и сказал:

– А! Вот как, вы сами видели его.

– Да.

– А почему вы не пошли и не сообщили в полицию? Я имею в виду: что вы собираетесь сказать полицейским в оправдание того, что не рассказали об этом раньше?

– Это мое дело. Я смогу уладить это – если придется, так придется. Вы меня понимаете?

– Прекрасно, – хладнокровно ответил миллионер. – Вы хотите, чтобы я выкупил ваше свидетельство. Что ж, я не стану этого делать. Вы можете пойти и выдать его им.

– Это также касается другого письма, – сказал Роберт, и на этот раз он явно попал точку. Господин Мандулян вздрогнул и воскликнул:

– Четвертого письма не существует. Их всегда было всего лишь три.

– Лоуренс уверяет меня, что оно существует, – пробормотал Роберт и будто бы вскользь упомянул: – Он сказал, что услышал о нем недавно в Смирне.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – ответил Мандулян, который к этому моменту уже полностью восстановил самообладание. – О каких письмах вы говорите?

– О письмах, которые свяжут вас с геноцидом армян 1912 года.

Наступило долгое молчание, в течение которого двое мужчин пристально смотрели друг на друга.

– Вы можете делать, что вам угодно, – наконец сказал Мандулян. – Для меня это не имеет значения.

Роберт стряхнул воображаемую пылинку со своей манжеты и сказал:

– Нехорошо выйдет, если Лоуренс не будет осужден.

– На это нет никаких шансов.

– Подкрепляющее свидетельство очень важно.

– Полиция не слишком-то оценит свидетельство, которое припозднилось на пять дней.

Роберт слегка зевнул.

– Я не знаком с уголовным процессом в Армении, но здесь не настолько важно то, что полиция думает о доказательстве свидетеля, как то, что о нем думают присяжные.

Наступила еще одна пауза, во время которой армянин размышлял над этой фразой.

– А биржевой маклер является таким внушающим доверие, надежным свидетелем. – Несколько мгновений спустя Роберт добавил: – Если Лоуренс избежит осуждения, они должны будут найти кого-то другого, чтобы посадить его на скамью подсудимых, – и продолжил: – Интересно, кого они найдут?

Все это время миллионер молча курил, его тяжелые веки скрывали темно-карие глаза. Наконец он поднял взгляд и сказал:

– Вы же понимаете – вы не можете ожидать, что сразу станете партнером.

– Я ведь сказал, половина вашего царства – это слишком.

– У меня есть объекты в Восточной Европе. Вы начнете с путешествия в Смирну?

– Если я найду человека, у которого находится письмо, сколько я должен заплатить ему за него?

Мистер Мандулян посмотрел на молодого человека с невольным восхищением.

– Что ж, – сказал он, – никто не может отрицать, что вы быстро соображаете.

– И вы увидите, что я преданный человек.

– Преданный? Вы имеете в виду, что будете придерживаться выгодной для вас стороны?

– Разве это не преданность? – спросил Роберт, и оба рассмеялись.

Глава XIV. Преимущество классического образования

Сеймур Перитон был убит в воскресенье вечером, тело было найдено в понедельник утром, а события, описанные в предыдущей главе, произошли в четверг. В пятницу утром второй разделочный нож, о существовании которого предполагал Флеминг, был найден в кроличьей норе в Роще Килби. Он был очень схож с первым – почти все разделочные ножи имеют определенное сходство – на нем также были следы крови, гораздо больше, чем на первом, и он был немного меньше. Другими словами, он был слишком маленьким, чтобы нанести смертельную рану, которая убила Сеймура Перитона.

Первым побуждением инспектора Флеминга, и очень оправданным побуждением, было посмеяться над сержантом Мэйтлендом, который сомневался в существовании второго ножа. Его следующим побуждением было обернуть влажное полотенце вокруг головы и попытаться сохранять спокойствие. Ситуация, несомненно, была таковой, что могла вывести из терпения самого здравомыслящего и уравновешенного человека родом из Южной Шотландии. Он собрал факты в том порядке, в каком обнаружил их: нож в воде, положение тела, следы борьбы и так далее. Из этих фактов, используя непреклонный чистый разум, он сделал вывод, что где-то поблизости был второй разделочный нож, который точно соответствовал ране в груди Перитона. А потом нож был торжественно обнаружен – и оказался слишком мал, чтобы им могла быть нанесена эта рана. Это было абсолютно нелепо; это противоречило здравому смыслу и соображениям. Флеминг начал подумывать о том, чтобы забросить все это и просто сосредоточиться на доказательстве виновности Лоуренса на основе уже имеющихся доказательств. К счастью, у Флеминга было определенное чувство гордости, и он не мог перенести мысли об изложении незавершенного дела, как и мысли о том, что Мандуляны взяли над ним верх. Они лгали о чем-то, и Флеминг непременно собирался выяснить, что же это было, прежде чем он покинет это место. Сам Мандулян, должно быть, лгал насчет хористки и ее писем; было абсурдно предполагать, что Дидо не сказала ему днем в воскресенье, что ее помолвка разорвана – и все же… минуточку, в этом-то все и дело. Была ли разорвана помолвка? Бросила ли она Перитона? Если бы только он мог быть вполне уверен в этом, это бы дало ему почувствовать почву под ногами, некоторую точку опоры. А сейчас он как будто бы строил огромные замки из теорий на зыбучих песках. Бросила она Перитона или же нет? В этот момент его раздумья прервал стук в дверь, и вошел молодой хозяин гостиницы.

– Извините меня, если я помешал, – добродушно сказал он и положил на стол серый галстук, – но я нашел это вчера вечером. Я не знаю, имеет ли это какую-то ценность для вас. Он очень напоминает мне тот, что Перитон иногда носил в будние дни. Вы помните, он был склонен к броскости по воскресеньям.

Капитан Карью весело улыбнулся.

– Благодарю вас, – сказал Флеминг. – Это весьма интересно. Где вы его нашли?

– Он застрял в кустах в парке вокруг поместья. Если хотите, я могу показать вам точное место. Я увидел его вчера поздним вечером, когда выходил на ловлю мотыльков.

– Хорошо! Отлично! Это вторая находка за сегодняшний день, – сказал Флеминг. – Может быть, это наш счастливый день. Скажите, капитан: вы часто выходите поздно вечером на ловлю мотыльков?

– Около пяти раз в неделю.

– Дайте подумать. Вы выходили в прошлую субботу и воскресенье, верно? Насколько я помню, вы говорили, что ничего не видели ни той, ни другой ночью.

– Это верно. Я ловил мотыльков по другую сторону поместья, вдали от реки.

– Как далеко?

– Около полумили от дома.

Флеминг взял крупномасштабную карту района.

– Возможно, вы можете примерно показать, где вы были в ночь на воскресенье ... Понятно. На самом краю парка. Менее четверти мили. Скажем, четыреста ярдов. Сейчас, капитан Карью, я пытаюсь получить подкрепляющие доказательства по этому вопросу. В ночь на воскресенье кто-то очень быстро бежал вниз по склону холма с террасы через густой кустарник к воротам. Вы слышали какие-то звуки, которые мог производить человек, проламываясь через подлесок?

Карью подумал секунду-другую, а потом уверенно ответил:

– Нет.

– Это была очень тихая ночь, капитан. Все признают это. А вы были всего ярдах в четырехстах. Звуки далеко слышны в тихую ночь.

– Конечно, это так. На самом деле, я начал ловлю вечером там, а затем перешел из парка к большому пастбищу. К одиннадцати часам я, наверное, был в доброй половине мили оттуда.

– Именно так, – доброжелательно сказал Флеминг. – Вы были в доброй полумиле к одиннадцати часам. Но кто, позвольте спросить, упоминал об одиннадцати часах?

Капитан Карью был застигнут врасплох. Он моргнул, запнулся и покраснел до корней волос. Наконец ему удалось сказать:

– Я подумал, что вы говорили об одиннадцати часах, сэр. Я уверен, вы сказали это.

– А я также уверен в том, что не говорил. Но неважно, капитан, говорил ли я это, или вам просто показалось. Давайте приступим к главному. Что же вы видели в одиннадцать часов?

– Я не видел… – начал хозяин гостиницы, снова запинаясь.

Но детектив остановил его.

– Давайте обойдемся без всяких глупых недоразумений, капитан. До сих пор мы очень хорошо ладили, и мне было бы очень жаль, если бы мы теперь как-то повздорили. Позвольте сделать предположение за вас. Позвольте мне предположить: вы видели – именно видели, а не слышали – мистера Холливелла, бегущего по склону холма, так быстро, как только возможно, в сторону ворот поместья, и его лицо было покрыто кровью. Это верно?

Карью кивнул, и его лицо снова покраснело.

– И вы ничего не сказали об этом, потому что вы не хотели навлечь на викария беду?

Карью опять кивнул.

– Видели ли вы что-нибудь еще?

На этот раз хозяину гостиницы удалось снова заговорить, и он воскликнул:

– Нет. Клянусь, я ничего не видел. Больше я ничего не видел. Меня так шокировал вид святого отца, что я собрал свои ловушки и отправился прямо домой. Клянусь, так я и сделал.

– Это вполне нормально, это вполне нормально, – заверил его Флеминг. – Жаль, что вы не рассказали мне об этом раньше, но я уважаю ваши побуждения. Тут не о чем волноваться. Ну что ж, давайте сменим тему. Вы эксперт по современному сленгу, современным способам выражения и тому подобному?

– Я не знаю, могу ли называться экспертом, – сказал Карью. – Конечно, человек слышит немало подобных вещей, когда отправляется в Лондон, на коктейльные вечеринки и так далее.

– Тогда, возможно, вы сможете рассказать мне об этом, – сказал Флеминг. – Я старомоден, и поэтому я этого не знаю. Станет ли молодая женщина, навсегда расставаясь с возлюбленным, которого она отвергла, говорить ему на прощание: «Пока, дуралей»?

Карью задумчиво повторил эти слова, а потом улыбнулся и покачал головой.

– Нет, честно говоря, я не могу себе этого представить. Могу только, и с большой натяжкой, подключив воображение, представить ее говорящей: «Пока, старый дуралей», – быть может, с грехом пополам. Но не иначе. Это кажется немыслимым.

– Я подумал то же самое, – сказал Флеминг. – И все же мисс Мандулян, как говорят, произнесла это, разорвав помолвку с Перитоном.

– Почему вы не спросите ее, что она имела в виду?

– Я считаю, что задавать вопросы мисс Мандулян – это скорее пустая трата времени. Тем не менее, полагаю, мне стоит это сделать. Что ж, вот и все, капитан. Большое спасибо.

Карью остановился у двери и пристально смотрел на ковер в течение нескольких секунд. Затем он поднял взгляд и медленно сказал:

– Я не могу представить себе девушку, даже современную, бросающую своего возлюбленного со словами «Пока, дуралей». Но я очень легко могу представить себе девушку, которая только что была брошена своим возлюбленным и которую зовут Дидо, говорящую: «Прощай, Эней»[19].

[19] Эней – защитник Трои в Троянской войне, сын богини Венеры; Дидона – основательница и царица Карфагена. Когда корабли Энея прибыли в Карфаген, по воле Венеры Дидона стала возлюбленной Энея. Но когда Юпитер послал к Энею Меркурия с приказом плыть в будущую Италию, где он должен был стать предком основателей Рима, тот подчинился.

Глава XV. Ленивый шурин

Инспектор Флеминг сидел в кресле и изумленно смотрел вслед уходящему хозяину гостиницы, словно выброшенная на мель рыба. Его рот был широко открыт, глаза были распахнуты, и сам его ум был потрясен смесью восторга от открытия и стыда от своей некомпетентности. Через несколько секунд ошеломления и недоумения его способности вернулись настолько, чтобы он мог честно себе признаться, что его восторг от сделанного весьма важного открытия в настоящий момент смешивается со стыдом от того, что он не сделал его сам. Это было не то ощущение, какое бы он испытал, если бы был просто необразованным англичанином. Обычный английский полицейский ничего не знает о Дидоне и Энее, никто не ожидает от него этого и не винит его в этом. Но для хорошо образованного, хорошо воспитанного, интеллигентного шотландского полицейского это было страшным позором. Флеминг вздрогнул, подумав о том, что сказал бы старый школьный учитель из Ренфрушира, если бы узнал, что один из его учеников сделал такую шокирующую ошибку. Что касается его шотландских коллег в Скотленд-Ярде, эта история ни в коем случае не должна дойти до их ушей. Они никогда не дадут ему об этом забыть. Дидона и Эней! Ну надо же…

Инспектор снова вернулся к реальности и стал думать. Классический Эней оставил классическую Дидону. Должно быть, мистер Перитон бросил мисс Мандулян. Это было вполне ясно. Должно быть, он сказал ей, что предпочитает кого-то еще – быть может, миссис Коллис, а возможно и кого-то, кто вообще живет не в этой деревне, – а потом из чистой бравады сказал, что в любом случае это ничего не меняет и что он как обычно придет в поместье этим вечером. Он сказал это, просто чтобы похвалиться своей властью над мисс Мандулян. «Я буду вам неверен, если мне заблагорассудится, но вы всегда будете принимать меня, когда мне захочется прийти».

Пока все складывается хорошо. Два кусочка головоломки подогнаны и полностью сходятся. Что же произошло после этого? Девушка сразу отправилась к Холливеллу и пригласила его прийти в поместье тем вечером – в субботу. Это должно было доказать Перитону, что она не в его власти, что на нем свет клином не сошелся и что она окончательно порвала с ним. Отлично. Это имело смысл. Что произошло тем вечером? Холливелл не пришел. Он находился за восемьдесят миль отсюда, недалеко от Бристоля, сбежавший от искушения. Перитон предположительно пришел, хотя девушка отрицала это. Впрочем, ее слова немногого стоят. Предположительно он пришел. Единственным человеком, который мог бы сказать, впустила она его или же прогнала, была сама девушка. Во всяком случае, суть в том, что он появился днем в воскресенье… Минуточку, подумал Флеминг, прерывая ход своих мыслей – кто видел, как Перитон приходил в воскресенье во второй половине дня? Разумеется, Мандулян, но кто еще? Он вызвал звонком Мэйтленда.

– Мэйтленд, – сказал он, когда офицер вошел, – у вас еще не было времени, чтобы побывать в поместье? Нет? Хорошо! Я хочу, чтобы вы сейчас отправились прямо туда и узнали насколько возможно тайно у старшего слуги, служанок и прочих, кто действительно видел Перитона в воскресенье во второй половине дня, когда он пришел в поместье. Имейте в виду, я думаю, что, вероятно, он приходил, но я только что понял, что мы не приложили никаких усилий, чтобы проверить это. Посмотрите, что вы сможете сделать. Вы можете заодно разузнать и о вечере воскресенья. И пришлите ко мне эту экономку Перитона – миссис Кители, не так ли?

Флеминг вернулся к своим мыслям. «Предположим, – сказал он себе, – что Перитон пришел в поместье с куропаткой, которую он нашел в парке, и она оставалась у него, когда он прошел к Мандулян на террасу. Я совершенно уверен, что он не говорил об этой смехотворной истории о хористке. Это все вздор. Гораздо более вероятно, что он говорил

о шантаже. Тем не менее, это только предположение. Затем он попросил бутоньерку - а вот это уже странная просьба, раньше мне это не приходило в голову. Если бы это был исключительно дружественный визит, это была бы совершенно естественная просьба. Но если это был визит, во время которого обсуждались условия шантажа, то было довольно странно просить особенно яркую и дорогую орхидею. А с другой стороны, опять же…»

Голова Флеминга опустилась на грудь, и его мысли потекли в другом направлении. Эта яркая и дорогая орхидея. Если Перитон не получал ее во время своего визита в воскресенье днем, то когда же он ее получил? Не в субботу. Он не стал бы приходить поздней ночью и врываться в оранжерею, чтобы добыть бутоньерку. Нет, орхидея была аргументом в пользу истории Мандуляна о том, что Перитон приходил в воскресенье во второй половине дня, независимо от того, сможет Мэйтленд получить этому подтверждение или нет. Конечно, было верно и то, что взяв цветок специально, чтобы досадить викарию, Перитон, однако, не крутился рядом с викарием весь день. Но этому можно было найти десяток различных объяснений.

В любом случае, что произошло в воскресенье вечером? Между тем моментом, когда Перитон с орхидеей в петлице ушел от господина Мандуляна – если он действительно посещал его, – и до момента обнаружения тела его, по-видимому, никто не видел. Это само по себе может быть простой случайностью; он мог ходить без устали; по сути, в промежутках между его страстными, бурными, причудливыми любовными похождениями он был одиноким человеком; он очень часто исчезал на много часов кряду, устраивая весьма длительные прогулки. И вполне можно, что именно в тот самый воскресный день имела место одна из таких прогулок. В этом не было ничего такого удивительного. Что касается его передвижений в вечернее время, на этот счет до сих пор не было ни одного доказательства. Но кто-то знал о них, кто-то встретился и подрался с ним у Монашьей запруды – и, должно быть, это был Лоуренс.

– Минутку, минутку! – воскликнул Флеминг вслух. Если Лоуренс одурманенным лежал на диване Мандуляна с одиннадцати до начала второго, то очевидно, что он не мог драться у Монашьей запруды примерно около полуночи. Но предположим, что кто-то, кто встретился с Перитоном той ночью, подмешал наркотик в виски, чтобы не дать господину Мандуляну вмешаться в его – или ее – планы. И предположим, что этот кто-то заглянул в гостиную, прежде чем выйти из дома, увидел, что не только господин Мандулян, но и незнакомец лежат без сознания на двух диванах, и воспользовался возможностью замести его – или ее – следы, когда, сняв обувь незнакомца, она сама надела их – или он надел, поправил себя Флеминг. В таком случае это объясняло бы следы Лоуренса на запруде, оставленные в то самое время, когда Лоуренс, согласно его собственным показаниям, лежал на диване в гостиной в поместье.

Затем были отпечатки пальцев на ноже. Возможно ли, возможно ли это физически, что тот же человек, который забрал обувь, также сжал пальцы лежащего без сознания Лоуренса на рукоятке разделочного ножа так, чтобы оставить отпечатки пальцев? Это была довольно отвратительная идея, и все же с профессиональной точки зрения это было возможно. Опять же, два обнаруженных обрывка записки, один из которых нашли у Монашьей запруды на месте борьбы, а другой в коттедже Перитона, вполне могли быть написаны кому-то другому и были подброшены для того, чтобы обвинить Лоуренса. Конечно, это было возможно. Но с другой стороны, такое было возможно скорее при спланированном, ожидаемом, организованном, а не случайном обнаружении бессознательного тела Лоуренса на диване. И опять же – нельзя сказать, что это безусловно невозможно: организатору этого ужасного и хладнокровного заговора могло было заранее известно, что Лоуренс отправился встретиться с отцом Дидо.

– Нет, к черту все! – воскликнул Флеминг, – это все сплошные догадки. Так или иначе, не существует ни малейших доказательств. И в любом случае, это не объясняет разницу размеров этих ножей. Я не могу поверить, что девушка, как бы плохо с ней не обошлись, может намеренно пытаться подвести невиновного человека под казнь.

Вошел полицейский и объявил, что миссис Кители прибыла на полицейской машине, а в следующую минуту эту особу провели в комнату.

– Добрый день, мадам, – сказал Флеминг. – Я не буду долго вас задерживать. Вы узнаете это?

Он передал ей галстук, который Карью обнаружил в кустах.

– Да, сэр. Это один из галстуков бедного мистера Перитон, сэр, а если это не он, то точно такой же. Я часто видела, как он надевал его.

– Когда вы в последний раз видели его на Перитоне? Вы можете вспомнить?

Экономка прищурилась, нахмурила брови, прищелкнула пальцами и, наконец, сказала, что не может сказать наверняка. Это был один из дней на прошлой неделе, но точно она не могла вспомнить. По будним дням мистер Перитон носил галстуки по большей части одинаковые, темные, приглушенных тонов. Разве что его воскресные галстуки поддавались описанию лишь выразительным закатыванием глаз миссис Кители.

– Вы случайно не можете вспомнить, был ли на нем именно этот галстук в субботу, за день до того, как он был убит?

– Нет, сэр. Я боюсь, что не могу.

– И вы никогда не теряли ни одного из его галстуков, не так ли?

– Насколько мне известно, нет, сэр.

– А вы бы заметили, если бы какой-то из них пропал?

– Нет, сэр, не могу честно сказать, что я бы заметила. Видите ли, мистер Перитон часто ездил в Лондон и обратно, и иногда он брал туда с собой много одежды, а возвращался вовсе без багажа, а порой ровно наоборот. Случалось и так, что он ездил туда-сюда несколько раз, ничего не беря с собой. Как видите, сэр, у меня было немного шансов следить за его вещами.

– Безусловно, миссис Кители, я вполне понимаю. Но вы можете опознать этот галстук?

– Я могу сказать, сэр, что если это не галстук мистера Перитона, то это точная копия того, что был у него.

– Спасибо, миссис Кители, это все, что я хотел узнать.

Обнаружение галстука не сильно продвинуло дело. Это был самый обычный сероватый галстук-бабочка без каких-либо отличительных черт. Единственное, что в нем было необычного – то, что он был найден в кустах. В конце концов, очень немногие люди берут с собой два галстука, и еще меньше людей приходят домой без галстука вообще. Это была одна из тех странностей, которые могли иметь отношение к делу и с тем же успехом могли не иметь с ним ничего общего. Флеминг выбросил это из головы и просто размышлял, какой части дела теперь ему следует посвятить время, когда ему было передано сообщение из Лондона. Оно поступило из штаб-квартиры и содержало следующее:

> «Тема: ваш запрос по телефонным звонкам. Утром в прошлое воскресенье по телефону Килби 17 был произведен один звонок до 11.30 – в 8.14, звонили по номеру Уимблдон 04120. Номер Килби 14 – в 9.31 поступил звонок из Килби 40; в 10.50 – звонок из Пондовера 136; в 11.24 – звонок из Килби 2; в 11.31 – звонок из Риверсайда 24120; в 11.35 – ошиблись номером; и в 11.55 – звонок из Килби 28.
>
> Уимблдон 04120 – телефонный номер дома 32 по Стаффорд-авеню, Уимблдон, владелец мистер А. Констадиус. Риверсайд 24120 – номер телефонной будки на углу Уилбертон-роуд и Эффингхэм-роуд, Юго-западный почтовый округ Лондона, 19. Пондовер 136 – «Герб Харроу» в Пондовере. Конец сообщения».

Флеминг вышел и вызвал Карью.

– Послушайте, Карью, подойдите сюда на минутку.

Хозяин гостиницы быстро поднялся по лестнице.

– Что, еще вопросы? – сказал он со смехом. – Я постараюсь для разнообразия сказать вам правду.

– Хорошо! Я надеюсь, что на этот раз это будет легко. Вы случайно не знаете, кто звонил в воскресенье утром из пондоверского «Герба Харроу»?

– Знаю, как же, – охотно сказал Карью. – Это был старый Билл Понкинг. Он хозяин этой гостиницы. К нему на обед явилась группа американцев, а у него в гостинице не было ни капли шампанского, вот он и хотел позаимствовать у меня.

– Спасибо. Теперь, что такое Килби 40? Оттуда тоже поступил звонок.

– Килби 40? О, это «Сучок», ферма на окраине, расположена по направлению к Пондоверу. Этот молодой человек ухаживает за моей горничной, чтоб ему пусто было! Звонит и назначает встречи. Впрочем, это лучшая горничная, которая когда-либо у меня была.

– А Килби 2?

– Килби 2 – это ферма «Пшеничное поле». Старый Дженкинс позвонил в воскресенье, чтобы узнать, не едет ли кто-нибудь в Пондовер в понедельник, потому что он хотел, чтобы его подвезли. Что-то еще?

– Килби 17?

– Это поместье.

– Килби 28?

– Викарий. Сообщение – прислать машину в Пондовер, чтобы забрать викария, если вы имеете в виду звонок в воскресенье.

– Да. Это все, кроме звонка Лоуренсу.

– О, с этим я не имею ничего общего. Швейцар перевел звонок прямо Лоуренсу.

– Вы могли бы просто спросить швейцара, поступил ли ему звонок в воскресенье утром.

– Конечно.

Через пару минут молодой хозяин вернулся.

– Да. Швейцар помнит, что это был междугородный звонок.

– Спасибо. Кстати, вы знаете господина Констадиуса?

– Констадиуса? Да. Шурина старого Мандуляна зовут господин Констадиус. Он часто приезжает сюда порыбачить. Очень порядочный человек. Сказочно богат. Это все?

– Да, все, большое спасибо.

Флеминг взялся за сумку, в которой держал целую коллекцию всякой всячины, что, вероятно, могла пригодиться во время расследования – расписания поездов, карты, карманные словари, карманный набор инструментов, электрический фонарик и прочее. Он извлек большую карту Лондона и положил ее на стол.

– Дайте подумать, – пробормотал он. – Челси, Патни, Уимблдон… Уимблдон, да, вот оно. Стаффорд-авеню, Стаффорд-авеню, Стаффорд, Стаффорд, Стаффорд, вот оно. Стаффорд-авеню. Дом мистера Констадиуса. Итак, угол Уилбертон-роуд и Эффингхэм-роуд, где он?

Он корпел над картой, ища пересечение улиц, где стояла телефонная будка, а затем вдруг издал восторженный крик и потер руки. Угол Уилбертон-роуд и Эффингхэм-роуд был примерно ярдах в ста от Стаффорд-авеню.

– Ах, старый лжец! Старый лис! – воскликнул он. – Вот что происходит, когда у тебя ленивые шурины. Вы сказали Констадиусу пойти и позвонить из телефонной будки, и ленивый старый Констадиус пошел к ближайшей. Старый лжец!

Он присел подумать. Мандулян, вне всякого обоснованного сомнения, солгал, когда сказал, что ничего не знал о Лоуренсе. Теперь, к удовлетворению Флеминга, это было доказано, и основной вопрос заключался в следующем: с чего начинается ложь Мандуляна и где она заканчивается?

Глава XVI. Предложение брака

Махинации, когда необходимы махинации, и дерзость, когда необходима дерзость – как уже отмечалось, таков был руководящий принцип в жизни Роберта Маколея, и, закончив свой важный и в высшей степени удовлетворительный для него разговор с Теодором Мандуляном, он сразу же прошел по комнатам поместья в поисках Дидо. Наконец он отыскал ее в комнате, которая когда-то предназначалась в качестве студии и никогда не использовалась; та лежала на пестро-раскрашенном диване, основным цветовым оформлением которого были перья павлина и апельсиновые деревья, и читала немецкий роман. Она курила ароматную турецкую сигарету, и потому воздух был заполнен этим душистым дымом; ковер рядом с диваном был усыпан пеплом и окурками с розовым мундштуком. На Дидо была большая небрежно наброшенная испанская шаль, черные чулки и яблочно-зеленые туфли, а ее длинная обнаженная рука свешивалась с края дивана, еле видного сквозь дым, словно Млечный Путь на туманном небе.

Роберт на мгновение застыл в дверях и смотрел на эту великолепную, противоречивую пестроту, а затем вошел и спокойно сел на стул в изголовье дивана, подобно тому, как семейный врач садится рядом с пациентом.

Дидо уронила книгу, подняла обе руки над головой и зевнула.

– Что же, Роберт, – сказала она глубоким, хриплым голосом, после того как в полной мере, по-кошачьи, насладилась этим своим зеванием. – Что же, Роберт, вы пришли, чтобы добиться меня?

– Да, – последовал закономерный ответ.

– Тогда добейтесь меня, Роберт, добейтесь меня. Мне так скучно. Боже, мне так скучно! Сеймур, по крайней мере, был живым. Кажется, что в этом месте нет больше никого живого. Я уеду жить в Лондон и никогда, никогда больше не вернусь в Килби.

– Я знаю.

– Откуда вы знаете? Вы первый человек, которому я это сказала. Я подумала об этом только сегодня утром.

– Вы поедете в Лондон со мной.

– А! Смелый Дон Жуан, уезжающий прочь с прекрасной леди! – она снова зевнула.

– Я договариваюсь о сотрудничестве с вашим отцом.

Это действительно поразило ее, и она приподнялась, опираясь на локоть.

– Вы договариваетесь о сотрудничестве с отцом? Когда это было обговорено?

– Только что.

Дидо долго и пристально смотрела на молодого человека. По собственному опыту она знала, что если она действительно утруждалась поднять тяжелые, с темные прожилками веки и посмотреть на человека, то очень редко кто-либо мог долго выдерживать ее взгляд. Но Роберт Маколей был готов бесконечно смотреть на кого бы то ни было. Конечно, он не собирался смущаться из-за таких элементарных приемов, и поэтому, когда Дидо открыла свои темные, смертоносные орудия, он встретил их огонь, не моргнув и глазом, и через несколько мгновений ее тяжелые веки вдруг упали.

Роберт рассмеялся. Дидо в ярости вскочила и начала что-то говорить, но он прервал ее:

– Сядьте и сохраняйте спокойствие.

После мимолетной паузы она снова села и закурила сигарету.

– Послушайте меня, – сказал Роберт. – С сегодняшнего дня я в Мандулян Бразерс. Я не просил партнерства. Но через три года я буду партнером. Через пятнадцать лет я буду главой Мандулян Бразерс. Через пятнадцать лет мне будет сорок один год, и мир будет у моих ног. В этом мире вам не будет скучно. Это я могу гарантировать.

Она посмотрела на него.

– Не будет скучно! Как вы можете это гарантировать?

– Потому что я знаю вас. Вы хотите волнений, и они у вас будут. Волнение финансов. Мы вместе будем в Мандулян Бразерс. Мы вместе будем создавать великие планы и организовывать грандиозные перевороты. Мы будем играть с миллионами – миллионами фунтов и миллионами жизней. Мы будем на вершине мира, наблюдая за войнами, голодом, землетрясениями, движением науки и движением человеческой глупости, и ко всему, что мы увидим, мы будем иметь отношение, все это будет контролироваться и финансироваться нами. Мандуляны будут финансировать мир, Дидо, мир будет финансировать Мандулянов; вы и я будем Мандулянами.

Это было кредо Роберта, его видение будущего. Прежде он никогда не говорил подобного ни одной живой душе. Его глаза блестели, а его руки дрожали.

– Вы и я будем Мандулянами, – повторила девушка глухим шепотом. – Да, Роберт, это бы не было скучно. Не скучно.

– Вы примете мое предложение, Дидо?

Наступило долгое молчание.

– Да, Роберт, думаю, что приму.

* * *

В тот вечер за ужином в Перротс Роберт невзначай сказал отцу:

– Кстати, ты видел в последнее время Ирен Коллис?

– Нет, не видел, – сухо ответил Людовик. – Думаю, что и ты не видел ее со времени... несчастного случая с Перитоном.

– Верно, не видел.

– Хм! Я видел ее на улице сегодня вечером. Она сказала, что не видела тебя в течение некоторого времени.

– Вот как!

Адриан, который был поглощен задачей не позволить маленькому мотыльку закончить свою жизнь в пламени свечи, поднял взгляд и пробормотал:

– Прекрасная женщина, удивительная женщина.

– Почему бы тебе не пригласить ее завтра на чай, отец? – продолжил Роберт.

– Почему я должен это делать?

– О, я не знаю. Я подумал, что, возможно, тебе захочется это сделать.

– Неужели?

Разговор после этого прервался, но когда обед был окончен, и Людовик оказался вне пределов слышимости, Роберт нашел возможность сказать Адриану:

– Миссис Коллис видела твой микроскоп, Адриан? Интересно, хотела бы она посмотреть?

Адриан был восхищен этой идеей. Миссис Коллис не видела его микроскопа, и он даже не мог понять, почему ему никогда не приходило в голову спросить ее об этом; она, конечно, заинтересовалась бы. Каждому это было бы интересно, а миссис Коллис – гораздо больше, чем кому-либо другому, потому что миссис Коллис была женщиной, какую редко встретишь. Слышал ли Роберт историю о продавце канареек и о том, как миссис Коллис освободила канареек и добилась обвинения этого человека? Роберт слышал эту историю несколько раз и избежал ее повторения, предложив Адриану пригласить миссис Коллис к чаю в субботу или в воскресенье.

– Но не говори отцу, – добавил он. – Будет так забавно, если это станет для него сюрпризом.

Адриан согласился, что это будет очень забавно, схватил шляпу и тут же, пользуясь возможностью, бросился доставлять приглашение.

Роберт удалился в свой кабинет, сияя от гордости, амбиций, успеха и доброжелательности. Он достаточно сильно любил своего отца и хотел, чтобы старик

жил в свое удовольствие. Пусть у него будет столько детей, сколько он теперь захочет – что значили сводные братья и сестры для человека в Мандулян Бразерс?

«Отец хочет жениться на ней, – размышлял Роберт, открывая большой и важный труд по основам банковского дела, – и отец женится на ней. Я сам этим займусь, чтобы убедиться, что на его пути не будет никаких препят-ствий», – и с этой доброжелательной решимостью, должным образом закрепленной в соответствующем уголке его упорядоченного мозга, Роберт обратился к главе XV, «Кредит», и тут же глубоко погрузился в ее тонкости.

Глава XVII. Перо куропатки

Было уже почти семь часов вечера, когда сержант Мэйтленд вернулся с задания по тайному опросу в поместье и сделал доклад своему начальнику.

– Я говорил с большинством из них, сэр, и из их ответов сделал вывод, что никто не видел Перитона в тот день. Ближайшее время, когда кто-то из них мог видеть его, – когда старый Мандулян вызвал слугу и приказал принести виски, сифон и два стакана. Это было около половины третьего…

– Странное время для питья виски, – прокомментировал инспектор.

– Именно это я и сказал, сэр, – ответил Мэйтленд, – но дворецкий ответил: «Нет, это не было чем-то из ряда вон выходящим. Господин Мандулян, судя по всему, очень воздержанный человек, но в его представление о гостеприимстве входит предложение напитков любому посетителю, независимо от того, когда тот приходит».

– Понимаю. Продолжайте.

– Слуга принес напитки во внешнюю гостиную. Он помнит, что господин Мандулян стоял в открытом дверном проеме между внешней и внутренней гостиной и разговаривал с мистером Перитоном, который был во внутренней комнате. Слуга поставил напитки во внешней комнате и вышел.

– Не видя Перитона?

– Не видя Перитона, сэр. Впоследствии, около четырех часов, господин Мандулян снова вызвал слугу и отдал ему куропатку, которую, по его словам, Перитон принес с собой. Слуга взял ее и убрал поднос и стаканы. Из обоих стаканов пили.

– Из обоих? – переспросил Флеминг. – Мне показалось, вы сказали, что Мандулян весьма умеренный человек.

– Это причина, по которой слуга помнит, что оба стакана были использованы. Он не помнит, чтобы его хозяин пил в это время накануне.

– Довольно странное совпадение, – задумчиво заметил Флеминг. – Он мог бы выпить, потому что только что разрешил одно весьма неприятное дело, а именно передал шесть тысяч фунтов шантажисту. Или опять же, возможно, он использовал оба стакана, чтобы создать впечатление, что там пили два человека, полагая, что, если он использует только один стакан, мы не додумаемся списать это на его воздержанность. Это очень сложный вопрос, Мэйтленд. Давайте предположим, что по той или иной причине он разыграл этот несуществующий разговор – на данный момент я не могу понять, зачем ему это было нужно, но давайте предположим, что он это сделал. Вы можете представить, как он рассуждал про себя: «Теперь, если будет использован только один стакан, что было бы совершенно нормально, эти непонятливые дураки с уверенностью сделают вывод, что здесь присутствовал только один человек; с другой стороны, предположим, что я использую оба стакана, чтобы создать впечатление, что пили два человека, – какова вероятность, что какой-нибудь занудный умник укажет на то, что я никогда не пью виски до десяти часов вечера?» Довольно затруднительный выбор, верно, Мэйтленд?

– И он решил использовать оба стакана, сэр.

– Что ж, это может быть так. А может быть и так, что Перитон на самом деле был там, только его никто не видел, и что Мандулян действительно хотел выпить в качестве исключения.

– Это большой дом, полный слуг, сэр, – предположил сержант Мэйтленд. – Можно считать, что кто-нибудь наверняка бы его увидел.

– Я думал об этом. А также я думал о том, что эти события имели место или, как предполагается, имели место в то время дня, когда всякая живая душа в английском загородном доме крепко спит. Половина третьего в воскресный день летом. Это то время дня, когда вы не ожидаете никого увидеть.

– Может быть, – ответил Мэйтленд, – может быть, именно поэтому старый Мандулян выбрал его.

– Что ж, это, конечно, тоже возможно, – сказал Флеминг. – Конечно, это возможно. Но тогда возникает вопрос о бутоньерке. Если Мандулян не давал Перитону орхидею в воскресенье днем, то когда он ее ему дал? Перитон не получал ее в субботу – по крайней мере, никто не видел его с ней, и у него не было очевидной возможности получить ее – но она была у него в понедельник. Тем не менее, это может оказаться легко объяснимо. Теперь, что касается этой куропатки. Она на самом деле существует, я полагаю?

– О да, сэр. Слуга принес и отдал ее повару, и все слуги видели ее на кухне. На самом деле, сэр, они съели ее на кухне.

– Так что если Мандулян и придумал визит Перитона, он не придумывал куропатку. Возможно, он думал, что это будет хорошей и убедительной косвенной деталью как доказательство того, что Перитон действительно приходил в поместье.

Сержант Мэйтленд слегка кашлянул.

– Вы не упустили из виду, сэр… – он решился продолжить: – Вы не упустили из виду перо куропатки, найденное в кармане Перитона?

– А ведь и вправду, я позабыл! – воскликнул Флеминг. – Спасибо, Мэйтленд, я забыл об этом. Конечно, это, казалось бы, связывает Перитона с куропаткой, хотя, конечно, не обязательно именно с той куропаткой, которую отдали слуге.

– Да, сэр.

– Вы знаете, Мэйтленд, я действительно не обращал никакого внимания на это перо. Дайте мне подумать, оно было найдено в кармане жилета Перитона и было покрыто кровью. Это верно, не так ли?

– Да, сэр. Результатом погружения тела в реку стало то, что часть крови была смыта, но перо, безусловно, по-прежнему окровавлено.

– Безусловно, безусловно. Определенно окровавлено, – Флеминг размышлял. – Хотел бы я знать, имеет ли эта куропатка какое-то значение. Важна ли эта деталь?

Он погрузился в глубокие размышления, и Мэйтленд не хотел прерывать их. Наконец Флеминг поднял взгляд и сказал:

– Знаете, Мэйтленд, я пренебрежительно отнесся к этому перу. Честно говоря, Мэйтленд, в этом деле я сделал очень большую ошибку. По крайней мере четыре дня я верил каждому слову старого лиса. Все указывало на Лоуренса как на убийцу, и я не принимал каких-либо усилий, чтобы проверить байки Мандуляна. Он сказал, что Перитон пришел с куропаткой, и поэтому я больше не думал об этом пере. Но если Мандулян солгал о визите Перитона, то эта куропатка становится важна.

– Каким образом, сэр?

– Я не имею ни малейшего понятия, каким образом, мой друг. Но если старый лис лжет об этом, то тут должна быть какая-то причина. А теперь просто слушайте меня, Мэйтленд, и остановите меня, если я ошибусь. Либо это перо попало в карман Перитона, потому что он положил его туда, либо потому, что его положил туда кто-то другой, либо по случайности. Так?

– Согласен, сэр.

– Отлично. Если он положил его туда сам, тогда оно бы не было окровавлено, никому не нужен окровавленный ершик для трубки. Следовательно, кровь на пере его собственная. Если кто-то другой положил перо в карман, то я не могу объяснить такое эксцентричное поведение. А если оно попало туда случайно, то что за случайность это могла быть?

– Когда он нес ее, сэр? – предположил Мэйтленд. – Возможно, под мышкой?

– Невозможно, – решительно ответил Флеминг. – Абсолютно исключено. Если вы находите мертвую птицу, вы несете ее за шею, за ногу или за крыло, но как бы вы ее не несли, вы держите ее в вытянутой руке. Вы не даете ей задеть ваши штанины, не говоря уже о вашем жилете. Это здравый смысл. Нет. Первое, что нужно сделать, это анализ крови. Если это человеческая кровь, то перо служило для чистки трубок; если это кровь куропатки, то перо застряло в кармане Перитона случайно. Вопрос в том, в чем

заключалась эта случайность? Отправьте перо в Скотленд-Ярд с курьером, Мэйтленд, и получите по телефону их отчет. Теперь другое. Кто-нибудь из слуг слышал или видел что-нибудь в воскресную ночь?

– Нет, сэр. Они все рано отправляются спать и спят в другом крыле, в задней части дома.

* * *

Около одиннадцати часов вечера поступил звонок из химического отдела штаб-квартиры с сообщением, что на пере была кровь куропатки, а не человека.

– Что это за случайность? – в пятидесятый раз за этот вечер спросил у себя Флеминг, задув свечу.

Глава XVIII. История Лоуренса

В субботу утром Джон Лоуренс официально предстал перед судом в Пондовере и был обвинен в умышленном убийстве Сеймура Перитона. Он не признал себя виновным и, разумеется, сохранил право на защиту. Флемингу пришлось присутствовать на суде и дать официальные показания по аресту, и после неизбежного возвращения обвиняемого под стражу ему сказали, что тот хотел бы с ним поговорить.

Он обнаружил Лоуренса спокойным и сдержанным, как и всегда. Флеминг подумал, что еще никогда не сталкивался с кем-либо, кто оказался бы настолько равнодушным – абсолютно равнодушным к переменам и шансам на успех. Он чувствовал, что если бы Лоуренс был оправдан по обвинению в убийстве, он бы так же бесстрастно подчинился решению суда, как если бы он был признан виновным.

– Мне сказали, что вы хотите меня видеть, – сказал Флеминг, когда вошел в камеру.

– Да. Думаю, что вы из тех примечательных людей, которые известны как беспристрастные полицейские. Таких немного, вы знаете.

– Спасибо, – ответил Флеминг.

– Не стоит благодарности. И так как я считаю, что вы один из них, я собираюсь предоставить вам некоторую информацию, которую при обычных обстоятельствах мне стоило бы предоставлять только моему адвокату. Но я считаю вас достаточно справедливым, чтобы обнаружить такую улику, которая будет достаточно говорить в мою пользу, чтобы соперничать с тем, что против меня. И это самая большая любезность, которую я могу оказать полицейскому.

Мужчина слабо улыбнулся и добавил:

– Я могу сказать, что это любезность, которую я никогда раньше не мог оказать полицейскому. Послушайте, дело вот в чем. Знаете ли вы некоего Роберта Маколея?

– Знаю. Я достаточно хорошо знаю его.

– Хорошо! Недавно он приходил ко мне, и в ходе нашего разговора я пришел к выводу, что он что-то скрывает. Я вполне уверен, что он мог бы подтвердить мое утверждение, что с одиннадцати до четверти второго ночью в прошлое воскресенье я лежал на том диване под наркотиком.

– О, так он мог бы? – спросил Флеминг, задумавшись. – Таково было впечатление, которое вы получили от вашего разговора?

– Да.

– Если это так, то в таком случае это доказало бы, что Мандулян солгал.

– Солгал – и кое-что похуже.

– Хуже? Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, – ответил Лоуренс с легким намеком на теплоту в голосе, – я имею в виду, что точно знаю, что произошло ночью в воскресенье, и точно знаю, в какую ловушку я попался.

– Продолжайте. Расскажите мне, что вы думаете об этом.

– Хорошо. Вот что произошло, насколько я могу судить об этом. Это единственный возможный способ, чтобы объяснить все. Я шантажировал Мандуляна.

– Кстати, в чем была его вина?

– Нет причин, по которым я не могу рассказать вам этого теперь. Я попал в капкан и лучше расскажу вам все. Во время геноцида армян в 1912 году большая группа армянских женщин и детей была собрана в деревне Ериван и отправлена на север, к российской границе, горной тропой, о которой знало очень мало людей и о которой, разумеется, не знали турки. Мандулян продолжал зарабатывать деньги, сдавая и продавая тележки и автомобили – что угодно на колесах – тем, кто убегал оттуда, и он продал множество вьючных мулов и прочего тем людям, которые должны были уйти

этой горной тропой. Затем ему пришло в голову, что, продав информацию о женщинах туркам, он, вероятно, провернет двойную сделку. Турки заплатят ему за информацию, и после резни, которая неизбежно произойдет, он, возможно, сможет дешево выкупить мулов обратно. Обе маленькие сделки прошли очень хорошо. К сожалению, для этого ему пришлось написать четыре письма. Он не хотел этого делать, но это было необходимо. Турецкие офицеры потребовали показать маршрут на бумаге, чтобы отыскать тропу.

– Подлец! – воскликнул Флеминг. – Бесчеловечный, коварный негодяй!

Лоуренс, казалось, был позабавлен этой вспышкой гнева обычно спокойного детектива.

– Ох, не знаю, – сказал он. – Жизнь в Малой Азии по большей части такая. Каждый сам за себя, а остальное берет на себя дьявол.

– Но, черт возьми…

– О, это было немного чересчур, я признаю. И армяне тоже так подумали. С тех пор они потратили немало времени и порядочную сумму денег на поиски человека, который показал туркам эту тропу.

– Как вы нашли эти письма?

– Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее сейчас. Я узнал об их существовании от турецкого офицера, и мне удалось добыть три из них. Я думаю, что четвертое письмо все еще находится где-то в Малой Азии. Но давайте вернемся к моим собственным делам.

– Что за бесчеловечный мерзавец, – снова пробормотал Флеминг.

– Не беспокойтесь о нем. Что ж, я шантажировал его; возможно, Перитон тоже шантажировал его. Во всяком случае, по той или иной причине Мандулян хотел убрать его с дороги, и поэтому он устроил ловушку, чтобы избавиться от нас обоих. Он попросил меня прийти и увидеться с ним в воскресенье ночью; он заставил меня выпить виски с наркотиком, выпив его сам; пока мы оба лежали без сознания, соучастник Мандуляна отправился и убил Перитона, сбросил тело в реку у коттеджа, а потом пошел к плотине и оставил эти следы борьбы. Он снял мои ботинки, оторвал клочок ткани от моего пальто и оставил мои отпечатки пальцев на ноже в то время, пока я был без сознания, он оставил эти улики на плотине. Он подумал, что течение унесет тело вниз по реке, но оно случайно застряло у этого моста. Ему пришлось сбросить тело в реку как можно ближе к коттеджу, потому что он, разумеется, не хотел идти дальше ближайшего места, где мог сбросить тело. Он выбрал плотину в качестве места, чтобы оставить улики, потому что оно скрыто, и он мог оставить эти следы без риска быть замеченным, пока он это делал, а еще потому, что он знал – там есть участок влажной земли.

– Этот соучастник должен достаточно хорошо знать местность, – вставил инспектор, который весьма заинтересовался этим спокойным рассуждением.

– Согласен, – сухо ответил Лоуренс, – соучастник должен достаточно хорошо знать местность. Во всяком случае, после убийства он спрятал настоящий нож – тот, который на самом деле использовали, чтобы заколоть Перитона – в лесу, оставил фрагмент моей записки в коттедже и тридцать фунтов из моих денег в кармане Перитона, вот и все. Вот полный рассказ о воскресной ночи.

– А соучастник?

– А! На этот счет у меня нет теорий, – ответил Лоуренс еще суше, чем раньше.

– Но вы предполагаете, – сказал Флеминг, – вы предполагаете – сейчас я допускаю, что ваша история правдива, – что Мандулян избавился от двух шантажистов, чтобы оказаться во власти третьего? Потому что соучастник стал бы потенциальным шантажистом.

– Это зависит от того, кем мог быть этот соучастник. Я без всякой натяжки и полета воображения могу представить себе соучастника, который также мог быть заинтересован в устранении двух шантажистов. Например, член семьи.

– Например, член семьи, – медленно повторил Флеминг. – Да. Теоретически это бы соответствовало делу. Однако я считаю, что в это трудно поверить…

Он умолк.

– Трудно поверить в то, что девушка могла бы сделать все это глухой ночью? Армянские девушки такие же, как и любые другие девушки, вы знаете – способны на удивительные вещи.

– Палмер клянется, что голос, который он слышал на плотине, был мужским.

– Я встречал эту девушку только один раз, – хладнокровно ответил Лоуренс, – и меня поразило, что ее голос был исключительно низким для девушки.

– Да, да. Это тоже верно, – пробормотал Флеминг. – Интересно, интересно.

Детектив погрузился в глубокие размышления, а Лоуренс был достаточно опытен и осмотрителен, чтобы не беспокоить его.

Это гениальная идея, думал Флеминг, и она, конечно, могла объяснить несколько вещей, которые в настоящее время было трудно объяснить. Мандулян, разумеется, лгал, страшно и отчаянно лгал. Эта ложь могла быть вызвана только тем, чтобы оградить себя или свою обожаемую дочь. Предположим, теория Лоуренса была верна, и девушка отправилась в коттедж и убила Перитона, в то время как Мандулян и Лоуренс лежали одурманенными в поместье. Что ж, у нее определенно был мотив для преступления на почве ревности. Перитон, должно быть, бросил ее, заслужив быть названным Энеем, а для странной, таинственной девушки, такой, как Дидо, быть брошенной – достаточный мотив фактически для чего угодно. Предположим также, что в субботу вечером отец и дочь придумали план, чтобы одним ударом убрать Перитона и Лоуренса; это означало, что девушка протащила тело к реке, что девушка оставила все ложные улики у плотины, что девушка закопала нож в Роще Килби... Флеминг оборвал течение мыслей. Зачем ей было трудиться закапывать второй нож – нож, который был слишком мал, чтобы совершить им убийство? Было невозможно, чтобы в такой блестящий, такой тщательно продуманный дьявольский заговор прокралась подобная ужасная, вопиющая ошибка. Наличие второго ножа, меньшего из двух, скорее подкрепляло то обстоятельство, что тело было найдено выше плотины, и подрывало аргументы против Джона Лоуренса. Нет, если события воскресной ночи были таковы, как описал их Лоуренс, то второй нож должен быть совпадением, и Флеминг решительно отвергал эту идею. Он поднял взгляд.

– Кстати, Лоуренс, – сказал он. – Как вы объясните то, что нож, который был найден в воде и на котором были ваши отпечатки пальцев, точно соответствует ране, а второй нож, которым согласно по вашему рассказу был заколот Перитон, слишком мал для этого? Как вы сможете это объяснить?

Наступила очередь Лоуренса погрузиться в размышления. Он откинулся на стуле и уставился в потолок. Затем он наклонился вперед и уставился в пол. Почти на десять минут в камере наступила тишина. Наконец он поднял голову и сказал:

– Да, это сложная загадка. Но и это также объяснимо. Это ведь не разрушает теорию? Убийца заколол Перитона большим из двух ножей, и все случилось только после того, как он избавился от тела. Ему – или ей – пришло в голову добавить последний штрих, который обеспечит мое осуждение: отправиться обратно в поместье с ножом и оставить на нем мои отпечатки пальцев, а затем подбросить его на плотину. А второй нож – просто совпадение.

– О нет, – возразил Флеминг. – Стоп, стоп. Так не пойдет.

– Я знаю, что это притянуто за волосы. Но совпадения случаются даже в реальной жизни, – равнодушно ответил Лоуренс.

– Нет, – твердо сказал Флеминг, – я не могу согласиться с этим. Все это вместе уже немного чересчур. Нет, вам нужно найти что-нибудь получше, чтобы объяснить наличие этих ножей.

– Очень хорошо, – сказал заключенный. – У меня есть кое-что получше. Как насчет этого: вы говорите, что на меньшем ноже было намного больше крови, чем на большем, так?

– Да. Вероятно, вода смыла большую часть крови на большем ноже.

– Вода, которая при этом не смогла смыть отпечатки пальцев, – последовал тихий ответ. – Но не думайте об этом. Предположим, что убийца заколол Перитона меньшим

ножом, а затем отправился прятать его в этом лесу. И предположим, что затем ему пришло в голову оставить на ноже мои отпечатки, что же он тогда отправился делать?

– Если он такой дурак, что захотел сделать такое, то он пошел бы и забрал бы нож из тайника в лесу, – быстро ответил детектив.

– Да, это верно. Но предположим, что по какой-то причине он не смог забрать нож; скажем, в лесу кто-то был, или он не смог найти это место в темноте. Тогда он пошел бы и взял бы другой нож, и, если тот по размеру не подходил к ране, то он расширил бы рану так, чтобы она соответствовала размеру ножа.

– Ба! – воскликнул Флеминг. – Это гениальная идея. Откуда вы берете все эти гениальные идеи?

– Человек склонен быть сообразительным, если он оказался в столь сложной ситуации, в какой нахожусь я, – спокойно ответил тот. – Что вы думаете об этом?

– Я не думаю, что кто бы то ни было может быть таким законченным идиотом, чтобы оставить лежать труп человека, которого он убил, пока он рыскает в поисках разделочных ножей.

– Труп в это время мог быть в коттедже.

– Послушайте, Лоуренс, – сказал Флеминг, вставая. – Во всех этих ваших теориях может быть доля истины, а может и не быть. Во всяком случае, я обещаю вам очень внимательно все это обдумать, и, если хоть где-то возникнет малейшее сомнение, это пойдет вам на пользу. Честно говоря, я гораздо больше впечатлен вашими теориями насчет соучастника, чем вашими теориями насчет ножа.

– Как вам угодно, – ответил Лоуренс. – Вы будете проводить эксгумацию тела, чтобы проверить, есть ли какие-то следы расширения раны большим по размеру ножом?

Флеминг задумался на минуту.

– Очень хорошо, – сказал он. – Я предоставлю вам все шансы.

– Спасибо, я подумал, что вы справедливый полицейский, как только увидел вас.

– Осталось только еще одно, – сказал инспектор. – Я заинтересован в этой теории о соучастнике. Конечно, может оказаться так, что вы просто превосходный лжец и что я теряю свое время. Но если вы не лжец и если вы не убийца, то я должен действовать и найти убийцу, пока следы еще свежи. Прошла почти неделя с тех пор, как они оставлены. Теперь я хочу, чтобы вы мысленно перенеслись назад к той сцене – если она когда-либо имела место – в гостиной в поместье Килби около одиннадцати часов ночью в воскресенье.

– Хорошо.

– Мандулян предложил вам выпить? Стакан виски?

– Да, и я отказался. В конце концов, я был в доме Мандуляна, ни капли ему не доверял, я только что выманил у него шесть тысяч, и они были при мне, так что я не хотел рисковать.

– Понятно. И тогда он выпил стакан виски.

– Да.

– Теперь послушайте, Лоуренс, просто попробуйте снова представить себе эту сцену. Закройте глаза и попытайтесь увидеть ее. И расскажите мне, что вы видите.

– Хорошо. Дайте мне думать. Он сказал: «Как вам угодно; вы ведь не будете возражать, если я выпью стаканчик», взял графин и налил в стакан хороший крепкий виски. Он примерно наполовину заполнил его содовой из сифона; я помню, что подумал: странно, что армянин пьет такой крепкий напиток, потому что, как правило, они весьма умерены. Затем он поставил стакан и сказал: «Так-то лучше, гораздо лучше», или что-то в этом духе. Дайте-ка подумать. Что произошло дальше? О да – он начал ходить по комнате, а затем остановился и вернулся к подносу. Он смерил его взглядом и потом налил еще стакан, примерно такое же количество виски, как и в первый раз, и я сказал про себя: «Валяй, дружище, если так продолжать, то через несколько минут ты будешь вдрызг пьян». Он налил в стакан содовую, но, как выяснилось, второй напиток был значительно крепче, чем первый, потому что сифон почти опустел. Затем он выпил и этот

стакан, и я пришел к выводу, что если это безопасно для него, то это безопасно и для меня, так что я тоже выпил стакан.

– Чистого виски?

– Чистого виски? Боже правый, нет.

– Но вы сказали, что сифон опустел.

– На подносе был еще один сифон. Боже мой! – Впервые с момента ареста Джон Лоуренс, он же Шустер, проявил какие-то эмоции. Он вскочил и уставился на инспектора через стол. – Боже мой! Наркотик был в этом сифоне, – воскликнул он.

– Лоуренс, – серьезно сказал Флеминг, – я начинаю думать, что единственное возможное объяснение всей этой путаницы состоит в том, что ваша история правдива. И что, как вы говорите, наркотик должен был находиться в этом сифоне. В таком случае Мандулян вовсе не был одурманен.

– А соучастник? – начал Лоуренс.

– Если ваша история правдива, то Мандулян сам был своим соучастником.

Минуту двое мужчин смотрели друг на друга, а затем Флеминг медленно сказал:

– А если Мандулян и был своим соучастником, это наводит на несколько любопытных идей.

– Каких, например?

– Скажем, таких, как вопрос с двумя ножами, к примеру. Видите ли, – Флеминг снова сел, – до сих пор мы считали, что Мандулян лежал на диване, в то время как девушка отправилась к Перитону, заколола его меньшим ножом, ножом номер два, и спрятала его в Роще Килби; затем ей пришло в голову оставить на ноже ваши отпечатки пальцев, она прошла весь путь обратно в поместье, нашла еще один нож, оставила на нем ваши отпечатки, вернулась, расширила рану… В общем, мне нет надобности продолжать. Это слишком абсурдно. Это похоже на поведение слабоумного. Нет, даже слабоумный не был бы настолько глуп. Если бы он вдруг решил оставить ваши отпечатки на ноже, он вернулся бы и забрал бы нож из рощи. Он не пошел бы на такой большой, невероятно большой риск – оставить труп, чтобы отправиться к поместью, а затем вернуться к трупу, чтобы рана соответствовала разрезу от второго ножа. А что случилось бы, если бы второй нож оказался слишком мал? Нет, мы можем исключить эти возможности. Но это приводит к весьма интересному выводу.

– Какому выводу? – спросил Лоуренс.

– Ну как же: напрашивается вывод, что человек, который оставил ваши отпечатки пальцев на большем ноже, не знал, где находится меньший нож. В противном случае он, конечно, воспользовался бы им. Он, несомненно, воспользовался бы им. Он должен был это сделать – но он этого не сделал. Следовательно, он не мог найти этот нож. Итак, что мы имеем? – Флеминг говорил с заключенным, будто его вовсе не существовало, или будто тот был полицейским стенографистом, и он разговаривал вслух сам с собой.

– Что мы имеем? Что? Мы приближаемся к цели, я в этом уверен. Мандулян одурманил Лоуренса для того, чтобы свалить на него обвинение в убийстве, которое он собирался совершить. Но если бы он собирался это сделать, он бы знал, где находился нож. Следовательно, убийство совершил не он. Это значит, его совершил кто-то другой, и Мандулян собирался покрывать убийцу. Стало быть, убийцей должна быть Дидо. Но разве возможно, чтобы они планировали это и вступили в этот хитрый запутанный сговор, а затем совершили такую ошибку: девушка спрятала нож и не сказала отцу, где она его спрятала. Конечно, нет. А это значит… что же это значит? Это значит, что кто-то другой убил Перитона, и Мандулян организовал сговор отчасти чтобы защитить этого кого-то, отчасти чтобы устранить вас. И этот кто-то, убивший Перитона, спрятал нож в роще, и Мандуляну пришлось взять другой нож, увеличить рану до его размера и, таким образом, подогнать все улики и загнать вас в ловушку. Что вы на это скажете?

– Что я скажу? – повторил Лоуренс, нахмурившись. – Боюсь, на мой взгляд это не слишком-то убедительно. Эта теория объясняет вопрос с ножами, но вместе с тем возникает дюжина других вопросов.

Флеминг снова встал и рассеянно прошел к двери камеры.

– Дюжина других вопросов, вот как? – пробормотал он. – Может быть, это и так. Но меня не волнует, что вместе с тем возникает хоть полсотни других вопросов, если эта теория разъясняет вопрос с ножами. Они были главной загадкой все это время. Эти проклятые ножи.

Он покачал головой и вышел из камеры.

Глава XIX. Убийца

«Это проницательный малый, – думал Флеминг, возвращаясь в Килби. – Очень проницательный малый. Конечно, существует опасность, что он чересчур проницателен. У него была почти неделя, чтобы придумать эту историю, а он умный парень. Это уже слишком со стороны Роберта Маколея – создавать впечатление, что он мог бы обеспечить подкрепляющие доказательства».

Флеминг вытащил из кармана стенограмму разговора между молодым Маколеем и Лоуренсом и внимательно прочитал ее. В этом разговоре не было абсолютно ничего, что могло бы быть истолковано Лоуренсом, как признак того, что Маколей может ему помочь. Конечно, была повторена фраза Лоуренса, что ему нужны не деньги, а доказательства. Она должна была сопровождаться каким-то знаком или сигналом, который не был замечен дежурным полицейским. Было даже возможно, что сотрудники тюрьмы в Пондовере был настолько неопытны в ведении дел подобного рода, что не наблюдали за этими двумя, когда их предположительно оставили вдвоем. Он остановил машину у маленького почтового отделения, позвонил в тюрьму в Пондовере, и ему сказали, что наблюдение не велось.

«Вот и все, – сказал он себе. – Они обменялись своего рода сообщениями, и теперь я обнаруживаю, что у Мастера Роберта есть продуманная и убедительная история в поддержку его нового приятеля. Интересно, что Лоуренс дал ему взамен? Дайте подумать. Кажется, что главные активы Лоуренса – шесть тысяч фунтов, полученные от Мандуляна, и секрет Мандуляна. Лоуренс не мог дать этому парню деньги, потому что он не получил их. Конечно, он мог бы дать ему чек. Но гораздо более вероятно, что он дал ему ключ к тайне армянина и рассказал о существовании четвертого письма. Впрочем, поживем – увидим».

Детектив направился прямо в Перротс и обнаружил Людовика, с мрачным видом сидящего под большим буком на лужайке. Книга по военной истории – предмет, который по какой-то непостижимой причине увлекает почти всех поэтов – лежала открытой на земле рядом с ним. Людовик имел довольно жалкий вид.

– Мистер Флеминг, – удрученно сказал он, когда детектив прошел по лужайке, – это приятный сюрприз. Я думал, что ваше дело было завершено сегодня утром в Пондовере.

– Не совсем, мистер Маколей, не совсем. Я до сих пор занимаюсь им. Надоедаю людям своими вопросами. Должно быть, вы будете рады увидеть меня в последний раз.

– Ничего личного, – ответил поэт, – я вас уверяю. Но ваша должность и сама причина вашего пребывания здесь напоминает мне о неприятных вещах. Вы хотите задать вопросы мне?

– Нет. Вашему сыну Роберту.

– Думаю, вы найдете его в его маленькой комнате. Я покажу вам дорогу, – он стал пониматься со своего лежака.

– Не беспокойтесь. Я знаю, где она находится, – ответил Флеминг. – А что касается моего неприятного поручения здесь, уверяю вас, сэр: я не думаю, что еще долго буду вас тревожить. Полагаю, что дело, наконец, начинает проясняться, – и он направился по лужайке к дому.

Роберт, который, как обычно, сидел за своим столом, принял его с приветственным поклоном, подвинул к нему стул и молча ждал, пока детектив заведет разговор.

– Я только что вернулся из полицейского суда в Пондовере, мистер Маколей, – начал Флеминг, – и только что видел, как Джон Лоуренс снова был официально взят под стражу. После этого я долго беседовал с ним, и во время нашего разговора он напомнил мне, что вы могли бы помочь ему и мне.

– Я буду рад помочь, если смогу, – последовал по обыкновению осторожный ответ.

– Хорошо! Что ж, этот человек, Лоуренс, сделал важное заявление о своих передвижениях в ночь прошлого воскресенья, и он считает, что вы могли бы подтвердить это.

Роберт Маколей поднял брови.

– Мог бы подтвердить? – переспросил он.

– Это то, что говорит Лоуренс.

Маколей покачал головой.

– Боюсь, я не знаю, что он имеет в виду.

– Вы вообще не видели его ночью в воскресенье?

– Нет.

– Вы не знаете, к чему он клонит, считая, что вы могли бы помочь ему?

– Нет.

Флеминг откинулся назад и заговорил, глядя в потолок:

– И все же этот парень, Лоуренс, производит на меня впечатление очень хитрого и исключительно проницательного человека. На самом деле я не припомню, чтобы я когда-либо видел более уравновешенного человека. Зачем, бога ради, ему нужно придумывать историю, на которую вы могли бы возразить – и возразили бы, сказав, что он провел, по крайней мере, два часа в поместье Килби ночью в воскресенье? Это просто выше моего понимания. Какой в этом смысл?

– Это выше и моего понимания, – отозвался Роберт.

– Он не только не может извлечь никакой пользы из этой истории, но на самом деле еще и проигрывает из-за нее. Фактически он говорит: «Вот моя история, и ее подтверждает мистер Маколей». Вы не подтверждаете ее, сэр, и это делает его историю немного менее убедительной, чем если бы он просто сказал: «Вот моя история, подтверждает ее кто-либо или нет».

– Я с вами согласен. Это делает ее менее убедительной.

– Тогда какого черта он это сделал? – воскликнул Флеминг, снова возвращаясь к реальности. – Он проницательный, уравновешенный, опытный малый.

– Даже самые проницательные, самые уравновешенные и самые опытные время от времени совершают ошибки, – уклончиво заметил Роберт.

– Конечно, это так, – признал детектив. – Но это крайне грубая, глупейшая ошибка. Это абсолютно необъяснимо. Я полагаю, вы вполне уверены в этом.

– Вполне.

– Дайте-ка подумать. Ночью в воскресенье вы все время были здесь, не так ли?

– Да.

– И вообще не приближались к поместью?

– И вообще не приближался к нему. Впрочем, я, конечно, не могу это доказать. Мне кажется, что я уже говорил вам это раньше.

– Да. Что ж, мистер Маколей, это все, что я хотел узнать. Большое спасибо. Я скажу Лоуренсу, что ему нет смысла ссылаться на вас. Он должен найти кого-нибудь еще, чтобы подтвердить свое утверждение.

– Да.

– Я боюсь, что он очень рассердится. У него создалось весьма твердое убеждение на этот счет.

– Если он разозлится, – спокойно ответил Роберт, – то это будет очень несправедливо. Просто потому что я пришел и предложил ему финансовую помощь для его защиты, он не может ожидать, что я стану давать ложные показания.

– Конечно, нет. Это было бы абсурдно. Что ж, до свидания, и еще раз большое спасибо.

Флеминг вышел и на минуту остановился на лужайке.

– Когда жулики терпят неудачу, – пробормотал он, – честные люди берут дело в собственные руки – должны, во всяком случае.

С обратной стороны высокой стены, отгораживавшей и укрывавшей сад Перротс, с простиравшихся за ней пашен, прилегающих к особняку, донеслись два выстрела подряд,

а затем еще с полдюжины. Стая ворон поднялась в воздух, издавая пронзительные протестующие крики, и облетела вокруг высоких деревьев в саду; к их гвалту добавились пронзительные крики мелких птиц. Затем из-за угла дома выбежал Адриан Маколей, с белым лицом, взъерошенными волосами и одним не завязанным шнурком. Он не увидел Флеминга и бросился через лужайку к отцу, восклицая:

– Они снова делают это! Палачи! Сволочи! От-от-отъявленные сволочи, – и он бросился на землю и заплакал. Его отец поднял его с земли и утешал его, будто тот был четырехлетним ребенком, который упал и ушибся, сконфуженно сказав Флемингу через плечо:

– Неподалеку охотятся на куропаток. Это абсолютно выводит его из себя.

– Разве вы не вышли бы из себя, – всхлипывая, воскликнул Адриан, – если бы увидели, как птицы падают вниз окровавленным комком перьев?

С другой стороны стены послышался еще один выстрел, и Адриан закричал от гнева и бессильной ярости. Затем он вырвался из хватки отца и убежал в дом.

– Бедный парень, – сказал Флеминг. – Бедняга.

– Да, полагаю, это одна из точек зрения, – ответил Людовик Маколей с оттенком презрения в голосе. – Но я предпочитаю считать беднягами убийц куропаток.

– Это правда, – ответил Флеминг. – Да, вы совершенно правы. Есть что-то поистине впечатляющее в столь сильном негодовании. Человек, который может так глубоко чувствовать, должно быть несет в себе что-то значительное.

Людовик Маколей странно посмотрел на детектива.

– Вы странная разновидность полицейского, – сказал он. – Еще никто… разве что за исключением одного человека… никогда не говорил о нем ничего подобного. Большинство людей просто думают, что он сошел с ума. Но в нем есть проблеск гения. Однажды он напишет действительно хорошие вещи. Удачно, что он быстро успокаивается после каждого приступа ярости. К завтрашнему утру он совсем забудет об этом.

– Однако охотничий сезон, должно быть, довольно тяжелое время для вас, – сказал Флеминг.

– Этот был худшим, что у нас когда-либо был. Я больше никогда не позволю Адриану остаться здесь снова в этот период. Все дело в их субботней охоте на куропаток. Они идут через пахотные поля по жнивью каждую субботу, и, конечно, это тут же – по другую сторону этой стены. В следующем году я сниму дом у моря, где нет никакой стрельбы.

– Они проходят здесь каждую субботу, – задумчиво повторил Флеминг. – Они были здесь и в прошлую субботу, к примеру?

– Да. Каждую субботу на протяжение всего сезона. Прошлая суббота была особенно болезненным днем – раненая птица упала по эту сторону стены. Я бы предпочел не говорить об этом.

– Довольно, довольно, – поспешно сказал Флеминг. Он мог понять, что, хотя Людовик Маколей мог гордиться чувствительностью сына, были моменты, когда он находил это скорее поводом для огорчения, нежели для гордости. Поэтому он молча поклонился, медленно прошел по лужайке и вышел за ворота в Садок. Там он сел на поваленный пень, достал трубку, зажег ее и мысленно промотал все дело от начала до конца. На это ему потребовалось более двух часов, и, прежде чем он закончил, опустились длинные сентябрьские тени, дюйм за дюймом захватившие мшистый дерн, и солнце начало теряться в ореоле светящихся золотых облаков. Его трубка уже давным-давно погасла, но он был слишком погружен в размышления, чтобы заметить это. Возвращающиеся в гнезда грачи кружили, кричали, опустились на верхушки деревьев, снова тревожно взлетели и снова опустились, но он не замечал всего этого. Громкое жужжание возвращающегося домой, к своей семье жука, подобное звукам миниатюрного мощного самолета, также осталось им не услышанным. Первая смутная дымка вечернего тумана тихо поползла среди серебряных берез, прежде чем детектив поднялся, потянулся и убрал свою остывшую трубку в карман. Он закоченел и порядком устал. В течение двух с половиной часов он размышлял со всей сосредоточенностью, на которую был способен,

и это утомило его. Но его это не беспокоило. Его старания стоили потраченного времени и сил – теперь он знал, кто был убийцей.

Глава XX. Пустая птичья клетка

Инспектор Флеминг быстро направился к себе, в «Тише воды». Когда он обогнул высокую кирпичную стену Перротс, чтобы выйти на дорогу, ведущую обратно в деревню, то увидел идущих рука об руку среди уже затененных деревьев мужчину и женщину. Приблизившись к ним, он тактично повернул вправо и был удивлен, когда мужчина окликнул его по имени. Он остановился, посмотрел на них сквозь поднимающийся туман и увидел, что это был Людовик Маколей, которого он оставил на лужайке почти три часа назад в расстроенных чувствах, и миссис Коллис. Воинственный поэт расплылся в улыбке.

– Поздравьте меня, инспектор! – воскликнул он. – Знаете, что сделали эти мошенники, мои сыновья? Они пригласили миссис Коллис к чаю и сказали ей, что меня не будет дома. И не сказали мне о том, что она придет. И в результате… что ж, вы сами видите, что получилось в результате. Поздравьте меня, мой друг.

– Поздравляю вас от всего сердца, – серьезно ответил Флеминг. – Надеюсь, что вы будете очень счастливы. Если с вами произойдут какие-то неприятности, по крайней мере, вы будете поддерживать друг друга.

– Что вы имеете в виду? – спросила Ирен Коллис, слегка сморщив безмятежный, белый лоб. На ней не было шляпы, и последние лучи заходящего солнца озаряли ее золотистые волосы. – Что вы имеете в виду? – повторила она, так как Флеминг, казалось, колебался с ответом.

– Я имею в виду только то, что я говорю, – медленно ответил он. – Я знаю, кто убил Сеймура Перитона.

– Вы знаете? – воскликнул Маколей. – Но я ведь считал, что мы все это знаем – это сделал тот человек, Лоуренс.

– Нет, – сказал Флеминг, довольно мрачно глядя на два сияющих лица перед ним. – Нет, это был не Лоуренс.

– Тогда кто это был? – нетерпеливо спросила Ирен Коллис.

– Это станет всеобщим достоянием завтра, – ответил Флеминг. – Еще раз повторю, надеюсь, что вы будете счастливы вместе.

Он поклонился и направился дальше через лес. Дойдя до дороги, он обернулся и осмотрелся. Влюбленные снова держались за руки, и в этот момент в спокойном сумеречном воздухе разлился тихий серебристый смех. Они уже забыли о внешнем мире и его бедах.

В «Тише воды» Флеминг вызвал сержанта Мэйтленда и приказал ему мобилизовать всех полицейских работающих под прикрытием. Когда они собрались в гостиной, которая служила инспектору в качестве штаб-квартиры и офиса, он дал им общее представление о плане операции, а затем предоставил Мэйтленду дать отдельные инструкции каждому из них.

– Положение таково, – объяснил он в общих чертах. – Есть по крайней мере четыре человека, которые причастны либо к самому убийству, либо к отдельному преступлению, преступному сговору. Когда я говорю, что они причастны, я имею в виду, что все четверо имели возможность совершить убийство, по меньшей мере, трое имели мотив для совершения убийства и, по крайней мере, трое – мотив для участия в сговоре. Я предлагаю распространить по деревне определенную информацию – между прочим, это правдивая информация – и в результате, как я очень надеюсь, виновные могут совершить опрометчивый поступок. Поэтому я хочу, чтобы за этими четырьмя наблюдали днем и ночью. Я договорюсь с персоналом почтового отделения в Пондовере, чтобы устроить одного из вас на телефонную станцию Килби и на время принять почтальона из Килби в Пондовер так, что один из вас сможет выполнять его обязанности здесь. В каждом пабе должен быть дежурный, который сможет услышать что-нибудь за исключением обычных

разговоров. Сержант Мэйтленд организует дневные и ночные смены дежурных. Четверо подозреваемых – Теодор Мандулян, Дидо Мандулян, Адриан и Роберт Маколеи.

– А информация, которую мы должны распространить, сэр? – спросил Мэйтленд.

– Этой информацией является то, что дело против Джона Лоуренса находится под угрозой закрытия вследствие нехватки доказательств. Вы улавливаете идею, сержант? Кому-то из них может прийти в голову идея завершить дело, предоставив новые доказательства, просто чтобы, так сказать, протянуть нам руку помощи в осуждении Лоуренса. Вы все понимаете это? То, что я пытаюсь получить – это доказательство, что кто-то подготовит улики против Лоуренса. И это будет один из этих четверых.

– И тот, кто это сделает, и есть убийца, – сказал Мэйтленд почти шепотом.

– Не обязательно, – ответил Флеминг. – Понимаете, как я уже сказал, тут вполне определенно прослеживаются два преступления. Есть убийство Перитона и есть сговор, чтобы обвинить в этом убийстве Лоуренса. Кстати говоря, я абсолютно уверен, что Лоуренс его не совершал. Я также уверен в том, что убийца и заговорщик – это два разных человека; на самом деле, об этом убедительно свидетельствует наличие двух ножей. Таким образом, наша маленькая хитрость может выманить убийцу, который попытается обезопасить себя, или может выманить заговорщика, который попытается закрепить свой сговор.

– Или это может выманить их обоих, – продолжил Мэйтленд.

Флеминг улыбнулся.

– Мне нравятся оптимисты в моем окружении, – заметил он. – Эта черта – все для сотрудников Скотленд-Ярда. Мэйтленд, мне нужно, чтобы сегодня в половине двенадцатого здесь прошли четверо мужчин в униформе и с лопатами. А теперь ступайте, если ни у кого нет вопросов. Нет? Хорошо.

Мужчины последовали за сержантом вниз, а инспектор сел писать записку Роберту Маколею, в которой говорилось следующее:

> Дорогой мистер Маколей,
>
> Оказывается, мне все-таки не было надобности беспокоить вас сегодня. Дело против Лоуренса закрывается, и боюсь, мне придется снова начать докучать вам своими нескончаемыми вопросами. Пожалуйста, предупредите вашего отца и брата, чтобы они не разозлились, если я снова заявлюсь к вам без приглашения.
>
> С уважением,
>
> Алекс. Флеминг, инспектор сыскной полиции».

Инспектор отправил это письмо с полицейским в униформе, а затем удалился в бильярдную для пары часов спокойного времяпрепровождения до прибытия эксперта министерства внутренних дел с приказом об эксгумации. Был двенадцатый час, когда подъехала большая машина с сэром Оскаром Лезербриджем, аналитиком министерства внутренних дел, и двумя его помощниками. Флеминг поприветствовал эксперта, кратко объяснил, чего он хочет, и условился, что его разбудят, когда отчет будет готов. После этого он тут же отправился спать. В три часа он внезапно проснулся и обнаружил, что в его комнате горит свет, а сэр Оскар сидит у его кровати.

– Что ж, инспектор, – сказал аналитик, – я закончил. Я сейчас же еду обратно в Лондон.

– И вы обнаружили…

– Я обнаружил в ране очень слабый признак, который мог появиться в результате процесса, который вы описали. Я, конечно, не заметил бы этого, или, во всяком случае, – спешно поправился высокопоставленный человек, – если бы я заметил, я, конечно, не обратил бы на это никакого внимания. Вполне очевидно, что это может быть никак не связано со вторым разрезом. Вполне очевидно, что это может быть совершенно естественным результатом первого удара ножом. Но – я говорю это с натяжкой, вы ведь понимаете, инспектор, – если ваше расследование по делу приводит вас к

самостоятельному выводу, что человек был заколот и что впоследствии рана была расширена введением второго, большего по размеру ножа… Если вы приходите к такому выводу независимо от медицинских показаний, то я могу сказать вам, что медицинское свидетельство полностью совместимо с таким выводом.

– Понятно, – сказал Флеминг. – Понятно. Спасибо, сэр.

– Это лишь один факт, – добавил аналитик. – Если ваша точка зрения верна и имело место введение второго ножа, то это должно было быть сделано весьма осторожно. Я имею в виду то, что это не было ударом сгоряча. Это было сделано медленно и осторожно, уже когда этот человек был мертв.

– Понятно. Что ж, если это все, сэр, желаю вам спокойной ночи, и еще раз большое спасибо.

– Спокойной ночи, инспектор. Мой полный отчет прибудет с комиссаром в понедельник утром, если вы не настаиваете на том, чтобы получить его завтра.

– Нет, – сказал Флеминг. – Я получил все, что мне нужно, спасибо.

– В таком случае, – сказал сэр Оскар, беря в руки свою шелковую шляпу и красиво свернутый зонтик, – я уезжаю.

На следующее утро в деревне было много поводов для разговоров. Это было воскресенье, и к тому же хорошее воскресенье. Период хорошей погоды длился вот уже почти три недели, и теперь, когда грозовой фронт ушел на северо-восток, казалось, будто не произойдет никаких скорых изменений в этой цепочке ярких солнечных дней. Обычные группы сплетников стояли на деревенской улице, отдыхая и обмениваясь последними интересными новостями. А таких было несколько.

В первую очередь, молодой мастер Роберт обручился с мисс Мандулян из поместья. Да, так скоро после смерти бедного мистера Перитона, и все думали, что она наверняка была помолвлена с бедным мистером Перитоном. Интересно, что на это сказал викарий, когда услышал эту новость? Ведь священник всегда так ценил мисс Мандулян, и она была смелой и современной женщиной. Миссис Кители знала, что только в прошлую субботу – то есть всего восемь дней назад – мисс Мандулян разорвала свою помолвку с бедным мистером Перитоном или, во всяком случае, поссорилась с ним, и вот она устраивает помолвку с мастером Робертом, хотя еще не прошло и недели после смерти мистера Перитона. Это было неправильно. Можно сказать что угодно, но это было неправильно, это было не по-христиански. Но ведь эти Мандуляны не совсем те, кого называют христианами. Они были иностранцами, и когда речь заходит об иностранцах, никогда нельзя сказать, что они еще могут сделать. Они понятия не имеют о порядочности. В этом сложность общения с ними. Мастеру Роберту не стоило приходить и рассказывать об этом капитану Карью и еще паре человек в «Тише воды» в субботу вечером. Он мог догадаться, что новость разойдется по деревне в кратчайшие сроки. И так далее, и тому подобное о Роберте Маколее и Дидо Мандулян.

Следующая новость: молодой человек по имени Оксенхэм, работающий штукатуром днем и старшим бойскаутом по вечерам, видел старого мистера Маколея (впрочем, не то чтобы он был так уж стар), идущего в Садок, взявшись за руки с миссис Коллис. Они были леди и джентльмен, настоящие леди и джентльмен, и если бы они поженились, каждый был бы рад.

Далее – Билл Уоткин, почтальон, был отослан для помощи в Пондовер. Это означало, что начальство наблюдает за Биллом. Умный парень, Билл. Он далеко пойдет, и эта временная работа в Пондовере может быть как раз тем шансом, который он искал. Было замечательно, что те, кто стоит во главе таких организаций, как почтовое отделение, всегда следят за такими умными парнями, как Билл Уоткин.

И, наконец, ходил тревожный слух, что убийца в конце концов избежит наказания. Это был сущий стыд и позор, и полицейские вели себя отвратительно. Никому незнакомый человек приезжает в тихую, нравственную и богобоязненную деревню, такую, как Килби-Сент-Бенедикт, убивает одного из мелких аристократов – и ему позволяют уйти. Да, в сельском лексиконе не находилось слов, чтобы оправдать такое позорное решение суда. Это могло быть объяснено только грубым подкупом и коррупцией, вещами, на которые

всегда намекали воскресные газеты – те воскресные газеты, которые, как говорится, просочились в Килби. Было попросту бессмысленно говорить, что против него не было улик. Поначалу судьи считали, что он сделал это – иначе они бы не задержали его на неделю, и полицейские должны были считать, что он сделал это – иначе они вообще не арестовали бы его. А если это был не он, чужак, единственный чужак, который находился в деревне за несколько последних недель, то кто же еще это мог быть, и так далее, и тому подобное…

Во всяком случае, было много тем для разговоров, и местные сплетники могли в полной мере отдать им должное, особенно после того, как закончилась утренняя служба и открылись бары.

В 10.23 дежурный Флеминга на телефонной станции в Килби, заменяющий Билла Уоткина, позвонил в «Тише воды» и сообщил, что в 10.20 Роберт Маколей звонил в поместье и рассказал Мандуляну о том, что Лоуренса освобождают. Мандулян просто ответил: «Не говорите об этом по телефону, приходите увидеться со мной».

В 10.55 один из дежурных в Перротс сообщил, что Роберт Маколей покинул Перротс в 10.25 и добрался до поместья в 10.40.

Флеминг потер руки, когда ему сообщили эту новость.

– Они вырабатывают небольшой план, Мэйтленд, – сказал он. – Они вырабатывают его между собой.

Впервые с тех пор, как было начато дело, сержант Мэйтленд выразил некоторое удивление.

– Это они сделали это, сэр? – воскликнул он. – Старый Мандулян и этот парень?

– Эти двое замешаны либо в одном, либо в другом преступлении, мой друг, – ответил Флеминг. – Либо в убийстве, либо в сговоре, либо и в том, и в другом. Я полагаю, что довольно скоро мы узнаем все, что нужно знать.

– А что произойдет, если они залягут на дно и не выработают никакого плана, сэр? – спросил сержант с вновь проявившимся свойственным ему пессимизмом.

– Они не осмелятся залечь на дно, – ответил Флеминг с веселой уверенностью. – Вы не виделись с этим Лоуренсом, так часто, как я. Он по-настоящему опасный парень, самый хладнокровный и бесшабашный человек, какого я когда-либо встречал – и один или другой из этих двоих, или же они оба сделали все возможное, чтобы повесить на него обвинение в убийстве. К тому же это им почти удалось. Как вы думаете, что он станет делать, когда освободится? Он отправится перекинуться с ними парой слов, а они пойдут практически на все, чтобы избежать этого. Если я сколько-нибудь разбираюсь в людях, то этот парень, Лоуренс, не успокоится, пока не раздобудет четвертое письмо Мандуляна и не поймает старого злодея в ловушку с его помощью.

– И если Мандулян будет повержен, – отметил Мэйтленд, – то молодой Маколей пойдет ко дну вместе с ним. Вы слышали, сэр, что он помолвлен с этой девушкой и договаривается о сотрудничестве со старым Мандуляном.

– Да. Это его цена за помощь старику в устранении Лоуренса. Вы думаете, старик пойдет на это, если Лоуренс не будет устранен? Нет. Роберт будет так же стремиться покончить с Лоуренсом, как и Мандулян – и стремиться сделать это быстро.

– Это не докажет, что он был убийцей, сэр, – возразил Мэйтленд. – Это только докажет, что он был соучастником сговора.

– Совершенно верно. И тогда мы поймаем их обоих в капкан до тех пор, пока не сможем доказать также и совершение убийства – то есть, если мы сможем это доказать.

В 12.22 сообщили, что Роберт покинул поместье и вернулся в Перротс. Переговоры длились один час и сорок две минуты. Флеминг взял пакет с сандвичами и пинту пива и сел у телефона, дожидаясь развития событий.

Ничего не происходило. Весь этот воскресный день безмолвная сеть дежурных, окружившая паука в центре паутины, ожидала. Ничего не происходило. Ни Мандулян, ни Роберт Маколей ничего не предпринимали. Нетерпение Флеминга все росло и росло, когда томительный день подошел к концу. Единственным утешением было то, что без сомнения что-то должно было произойти в течение ночи. В конце концов, жители Килби

проявили себя довольно неравнодушными к ночным прогулкам; поэтому, когда Флеминг наконец лег спать в половину двенадцатого, он был уверен, что не пройдет много времени, прежде чем его разбудит стуком сержант Мэйтленд с известием, что полуночники начали действовать. В конечном счете в половину восьмого утра его разбудил коридорный гостиницы, принесший утреннюю чашку чая. За ночь не случилось ничего представляющего интерес, и Флеминг был крайне зол.

Было только одно возможное объяснение. Эти два хитреца, старый лис и лисенок, обсудили все вместе и решили, что освобождение Лоуренса – просто блеф, и что, в любом случае, они могут позволить себе подождать, пока не подойдет к концу его недельное содержание под стражей перед тем, как предпринимать какие-либо решительные меры.

«Очень хорошо, – мрачно подумал Флеминг. – Вы думаете, что я соврал об освобождении Лоуренса, и вы раскрыли мой обман. Теперь я раскрою ваш», – он вызвал полицейскую машину, поехал в Пондовер и отправился увидеться с Лоуренсом.

– Лоуренс, – резко начал он. – Теперь я собрал воедино всю историю или, во всяком случае, большую ее часть. Но мне нужны некоторые доказательства. Вы будете освобождены. Если Мандулян захочет обвинить вас в шантаже, то, конечно, вы будете вновь арестованы. Но я сомневаюсь в том, что он станет это делать.

– Я совершенно уверен, что не станет, – последовал тихий ответ. Лоуренс не выказал ни малейшего удовлетворения от своего предстоящего освобождения.

– Даже если так, – продолжил Флеминг, – я хочу, чтобы вы понимали положение дел. Основные усилия в попытках обвинить вас в убийстве Перитона предприняты Мандуляном; молодой Маколей – недавнее приобретение в его группе.

– Одну минуту, – сказал Лоуренс, поднимая руку. – Правильно ли я вас понял: вы говорите, что молодой Маколей присоединился к Мандуляну в попытке обвинить меня?

– Так и есть.

– Ни слова о даче показаний в мою пользу?

– Боюсь, что он не выполнил свою часть соглашения в вашей сделке, Лоуренс. Кстати, что вы дали ему в обмен на его показания?

– Я раскрыл ему суть моего дела со стариком. И эта маленькая свинья подставила меня, верно? Что ж, инспектор, в жизни бывают разные люди.

– Вы воспринимаете это довольно спокойно.

– На первый взгляд, да, – улыбнулся Лоуренс. – Но внутри я очень даже зол на него. Я нескоро забуду о подобном, инспектор.

– Что ж, может быть, у вас будет возможность немного отыграться, Лоуренс. Как я уже говорил, эти два красавчика хотят, чтобы вас повесили. Я обнародовал в субботу – позавчера – новость о том, что вы будете освобождены из-за недостатка доказательств в надежде, что они немного растеряются и попытаются предоставить еще несколько доказательств. Но они, очевидно, решили, что я блефую, и ничего не предприняли. Теперь мы собираемся выпустить вас при условии, что вы отправитесь назад в Килби, снимете номер в одной из маленьких гостиниц (не появляйтесь в «Тише воды»), и сделаете все возможное, чтобы создать впечатление, что вы дико злы на них обоих.

Лоуренс улыбнулся.

– С выполнением этого условия не будет никаких трудностей, – сказал он. – Я хочу поговорить с молодым мастером Робертом так скоро, как только смогу.

– Очень хорошо, – сказал Флеминг. – Я пойду увижусь с судьями. Вы будете освобождены в течение часа или около того. Вам нужно будет самому добраться до Килби. Я не хочу, чтобы вы вообще связывались с нами.

– Желание, которое я полностью разделяю, – ответил Лоуренс.

Во второй половине дня деревня была потрясена: ужасный, невероятный, безумный слух оказался правдой. Незнакомец, который со всей очевидностью убил мистера Перитона, был освобожден. И, что еще куда хуже, ему действительно хватило наглости вернуться в деревню. Около половины третьего дня он дерзко заявился в «Три голубя» и попросил комнату на ночь. Хозяин хотел было ему отказать (по крайней мере, он так

говорил), но почему-то ему не удалось этого сделать. Он не был уверен, имеет ли он законное право отказать этому человеку (по крайней мере, он так говорил). То, о чем он не сказал, хоть и прекрасно знал об этом – так это то, что каждая пинта пива, выпитого в деревне этим вечером, будет выпита в его баре и что, если бы он отказался впустить этого человека, то его наверняка впустил бы старый плут Джонас Олдекер из «Снопа пшеницы». Так что Джону Лоуренсу было разрешено оставить в «Трех голубях» свою сумку и выпить стаканчик виски с содовой (хотя бар в это время был закрыт), прежде чем он нанес визит в Перротс.

Роберт Маколей сидел в своем кабинете, занятый наведением порядка на своих книжных полках, когда пришел мистер Лоуренс. Небольшая, но тщательно отобранная библиотека по искусству и осуществлению фондовых операций была спрятана в шкафу, а места этих книг на полках заняла партия новых, которые, очевидно, были только что присланы: книги по торговле, крупным финансовым операциям, коммерческим возможностям в восточной части Средиземноморья, турецкие и армянские грамматики и словари, статистические отчеты Министерства торговли по импорту и экспорту, путеводители по Малой Азии, карты Малой Азии и история Турции. Мистер Роберт Маколей не был человеком, который тратит время впустую. Стать партнером через три года и руководителем фирмы через пятнадцать лет – таков был план.

Он поднял взгляд, когда доложили о приходе мистера Джона Лоуренса, и его тонкие губы сжались еще плотнее, чем обычно. Он ничего не говорил, пока его гость, как всегда невозмутимый, придвинул стул, не дожидаясь приглашения и аккуратно положил свою шляпу и трость на пол.

– Что ж, мистер Маколей, – сказал он, – вот я и здесь.

– Да, я вижу. Я рад.

– Рады? Вы? Если вы рады, я буду обязан, если расскажете мне, почему вы не предприняли никаких усилий, чтобы мне помочь.

Лоуренс говорил спокойно, но в его голосе звучала явная угроза. Но Роберт, по крайней мере, внешне, оставался невозмутим. Это было столкновение двух отличительных примеров самоконтроля.

– Кто сказал, что я не предпринял никаких усилий, мистер Лоуренс?

– Полиция, конечно. Этот инспектор.

Роберт с сожалением улыбнулся и поднял брови.

– А! Полиция, конечно, – пробормотал он. – Прекрасные ребята. Они не могут солгать.

– Что вы имеете в виду? – ровно спросил другой.

– Полно, полно, мистер Лоуренс, – сказал Роберт. – Разве это не вполне ясно? Вы были в тюрьме, загнанны в угол. Множество доказательств против вас. Я считаю, что у вас есть кое-что, что может быть ценным для меня. Я еду в Пондовер и предлагаю купить это за небольшое лжесвидетельство – лжесвидетельство, которое значительно подрывает дело против вас. Вы принимаете сделку. Вы передаете мне ценную информацию. Через два дня вы выходите из тюрьмы. Вполне ясно, верно? Причина и следствие?

– И это произошло благодаря вашему свидетельству? – Лоуренс неотрывно смотрел на Роберта, и Роберт также посмотрел в ответ.

– Да, это так, – сказал он.

– Вы клянетесь в этом?

– Конечно.

Лоуренс взял свои шляпу и трость и встал.

– Это нужно проверить, – сказал он. – Флеминг говорит одно, а вы говорите ровно противоположное. Я должен провести расследование.

– Одну минуту, – ответил Роберт. – Если это не благодаря моему свидетельству вы вышли из тюрьмы, то благодаря чему же? Доказательства против вас были убедительными еще в субботу. Почему они уже неубедительны сегодня, в понедельник?

– Полагаю, что полиция обнаружила что-то новое, что говорит в мою пользу.

– Именно. Мое свидетельство. А теперь, мистер Лоуренс, поделитесь информацией об этом четвертом письме, которое, как вы говорили, сейчас находится в Смирне, так?

– Если я смогу убедиться в том, что вы действительно выполнили вашу часть сделки, я подумаю об этом. Но не раньше.

– Очень хорошо, – сказал Роберт. – Дайте мне знать, когда убедитесь в этом.

– Если я буду убежден, – ответил Лоуренс, с подчеркнутым ударением на первом слове, – если я буду убежден, конечно, я дам вам знать.

Он помолчал, а потом добавил значительно:

– А если я не буду убежден, конечно, я тоже дам вам знать. До свидания, – и он вышел.

Десять минут спустя Флемингу сообщили по телефону, что Роберт Маколей покинул Перротс несколько минут назад и снова направился в поместье Килби, только на этот раз он двигался намного быстрее, чем обычно.

Следующий доклад последовал часом позже: Маколей отправился на мотоцикле в Пондовер. Он вернулся уже в седьмом часу вечера, сделав несколько покупок в магазинах в Пондовере, а затем еще преодолев тридцать пять миль до Солсбери. К багажнику его мотоцикла было привязано несколько пакетов. Содержание одного или двух пакетов было легко обнаружить, но, по крайней мере, в двух случаях было невозможно увидеть, что купил Роберт, не вызвав его подозрений. Он поехал прямо в поместье и оставался там до семи, а затем вернулся к Перротс, разгрузил свой мотоцикл, удалился со своими пакетами в кабинет и опустил там шторы.

Как только инспектор Флеминг получил этот доклад от своего шпиона, чьим заданием было выполнять быстрые передвижения по дороге, он отправил сержанту Мэйтленду срочное указание – узнать, что делает Роберт за опущенными шторами.

– Мы подбираемся к сути, Мэйтленд, – сказал он. – Что-то должно случиться сегодня. Идите. Я буду ждать новостей здесь.

В начале девятого сержант Мэйтленд позвонил из почтового отделения, и Флеминг бросился к телефону.

– Это Мэйтленд, сэр. Боюсь, это лишь частичный успех, сэр. Но кое-что забавное происходит в Перротс.

– Кое-что забавное? Что это? – нетерпеливо воскликнул Флеминг.

– Что ж, сэр, это связано не с Робертом Маколеем. Это другой, Адриан. Он лежит на газоне, рыдая и, насколько я мог рассмотреть, пытаясь вырвать траву зубами.

– Вы смогли выяснить, что послужило этому причиной?

– Нет, сэр.

– Вы заглянули в кабинет Роберта?

– Только после того, как он поднял шторы, сэр. Я не мог подобраться ближе зарослей лавра в углу сада.

– Таким образом, вы понятия не имеете, что он делал в своей комнате?

– Нет, сэр. Конечно, у меня с собой бинокль, и мне открылся хороший вид после того, как он поднял шторы, но единственная необычная вещь, которую я смог разглядеть, это птичья клетка на столе.

– Птичья клетка? – удивленно воскликнул Флеминг.

– Да, сэр. Пустая птичья клетка.

– Пустая птичья клетка, – Флеминг задумался. – Пустая птичья клетка… Боже мой, Мэйтленд! – вдруг воскликнул он. – Отправляйтесь в «Три Голубя». Быстро. Бегите так быстро, как никогда раньше.

Он бросил трубку, бросился вниз по лестнице и сел в полицейскую машину. Через три минуты он добрался до «Трех голубей» и бросился в маленькую гостиницу. Мэйтленд, сильно запыхавшийся, явно только что прибыл. Он лишь начал расспрашивать хозяина, не случилось ли чего-нибудь.

– Что вы имеете в виду под «чем-нибудь»? – настороженно осведомился хозяин гостиницы, когда внутрь ворвался Флеминг.

– Мистер Лоуренс! – закричал он. – Мистер Лоуренс здесь?

– Нет, сэр, – ответил хозяин, радуясь, что ему задали вопрос, на который он может так легко ответить. – Нет, сэр, его здесь нет. Он вышел.

– Вы знаете, какой дорогой он пошел? Как давно он вышел?

– Он вышел около часа назад, сэр, на прогулку по пустоши. Он сказал, что его ноги нуждаются в разминке после недели, проведенной в тюрьме.

– По пустоши? По какой пустоши?

– Что ж, сэр, он направился к Садку, так что, полагаю, он имел в виду пустошь у Старого леса.

– Спрашивал ли его кто-то еще? – перебил Флеминг.

– О да, сэр. Молодой мистер Маколей – мистер Адриан – был здесь всего десять минут назад, задавая тот же самый вопрос.

– И вы сказали ему, так?

– Сказал. И мистер Адриан выглядел крайне странно, сэр. Весь белый и растрепанный, и галстук висел криво.

– Спасибо, спасибо! – воскликнул Флеминг, снова выскочил наружу и сел в машину; сержант следовал за ним.

– Вы понимаете, что это значит, Мэйтленд! – воскликнул он, выжимая сцепление. – Этот негодяй Роберт заставил Адриана думать, что Лоуренс жестоко обращался с канарейкой. Самое время потихоньку убрать Адриана в сторонку.

– И Роберта тоже, – пробормотал сержант.

– О да. Разумеется, мы его поймаем.

Больше не было сказано ни слова, пока они не достигли края пустоши. Начали опускаться сумерки, а пурпурное вересковое поле окрасилось в рыжевато-коричневый цвет. Сыщики постояли минуту, глядя на обширное пространство неровной болотистой местности, и услышали крик припозднившегося кроншнепа, скорбно прозвучавший вдали. Тогда Флеминг поймал Мэйтленда за руку и указал на фигуру человека, который появился на возвышенности и на мгновение стал виден на фоне вечернего неба, прежде чем снова скрылся на темном фоне вереска. Сержант снял с плеча бинокль, который он всегда носил с собой, работая в сельской местности, и ждал еще одной возможности увидеть фигуру. Возможность представилась через полминуты, когда человек широко зашагал по другой возвышенности.

– Да, это Лоуренс, – сказал он после быстрой проверки. – На нем его шляпа, и он повернулся лицом к солнцу.

– Тогда вперед, – сказал Флеминг и спокойно двинулся по направлению к приближающемуся человеку.

Вероятно, они преодолели ярдов триста, около половины расстояния, когда увидели, что перед ними из зарослей вереска появилась темная фигура, и услышали пронзительный, взволнованный голос, кричавший что-то непонятное. В следующий момент Лоуренс появился в поле зрения и остановился. Крики прекратились, и человек, выскочивший из засады, внезапно выстрелил в Лоуренса. Тот повернулся и тяжело упал на землю, а затем снова поднялся на ноги. Теперь Флеминг был достаточно близко, чтобы видеть, что он отчаянно тянется левой рукой к правому карману своего пальто. Стрелявший снова скрылся в вереске, и вдруг из засады несколькими ярдами дальше выскочил второй человек, бросился к предполагаемому убийце и склонился над ним. Флеминг и Мэйтленд пробирались через вереск так стремительно, как только могли, но все равно двигались медленно. Тут не было тропы, а заросли вереска были густыми, высокими и жесткими. Им приходилось продвигаться не широкими шагами, а прыжками, и, прежде чем они подошли к месту засады ближе, чем на пятьдесят ярдов, склонившийся человек выпрямился и повернулся к Лоуренсу. Свет заходящего солнца на мгновение отразился в тусклом металле пистолета в его руке. Но Лоуренс тоже наконец достал пистолет левой рукой, и два выстрела прозвучали почти одновременно. Вышедший из засады медленно опустился на колени, а потом повалился вперед лицом, в то время как Лоуренс остался стоять с вытянутой левой рукой.

Детективы достигли места происшествия спустя несколько секунд и обнаружили Адриана Маколея лежащим на земле в глубоком обмороке. Роберт Маколей был мертв – пуля попала ему в лоб. Для него ничего нельзя было сделать, и они бросили свои усилия

на приведение в чувство Адриана. Пока они были заняты этой задачей, на них упала тень; Флеминг поднял взгляд и увидел Джона Лоуренса, стоящего рядом с ними.

Тот прижимал носовой платок к своему правому плечу, его правый рукав был окровавлен.

– Как удачно, что я могу стрелять с левой руки, – спокойно отметил он.

Глава XXI. Реконструкция событий

Флеминг обнаружил Людовика Маколея и Ирен Коллис сидящими под большим буком на лужайке у Перротс. Людовик поднялся, и, когда он со спокойным достоинством пересек лужайку, глаза его были сухими.

– Адриан спит наверху, – сказал он, и Флеминг мягко ответил:

– Это лучшее, что он мог бы сделать.

Двое мужчин сели, Маколей медленно и спокойно, Флеминг – неожиданно тяжело. Он чувствовал себя подавленным и удрученным. Ему было отчаянно жаль человека, который едва не потерял обоих своих сыновей в один момент, и он не мог придумать способа выразить сожаление.

Пока он пытался подобрать слова, миссис Коллис заговорила спокойным, ровным голосом:

– Когда вы, мистер Флеминг, сказали нам вчера вечером, что, если случатся какие-либо неприятности, по крайней мере, мы будем поддерживать друг друга, полагаю, вы знали, каких неприятностей ожидать.

Тот медленно кивнул.

– И эти неприятности… больше, чем вы ожидали?

Флеминг заколебался перед ответом, а затем сказал, понизив голос:

– В некотором смысле они больше, а в некотором смысле – меньше.

– Вы имеете в виду… – сказала она, а затем остановилась и посмотрела на Людовика. Тот продолжил ее фразу:

– Вы имеете в виду, что Роберту лучше умереть, чем быть арестованным за убийство? Думаю, вы правы. И полагаю, вы имеете в виду, то, что он убеждая Адриана попытаться убить Лоуренса, сделал эти неприятности больше. Вы ведь это имеете в виду?

Флеминг снова кивнул.

– Думаю, что вы и тут правы, – сказал Маколей, глядя на лужайку. – Это означает начало новой жизни, – продолжил он вполголоса, – начало абсолютно новой жизни.

– И она будет счастливее, чем прежняя, Луи, – мягко прошептала Ирен Коллис, протягивая руку и касаясь его рукава.

Маколей поднял взгляд и безразлично сказал Флемингу:

– Прежняя жизнь была не слишком счастливой. С Адрианом было ужасно трудно, а Роберт… что ж, Роберт был одержим почти безумной страстью к власти и деньгам. Я вообще не уверен, что он полностью не сошел с ума из-за этого. Он был дико, безумно амбициозен с тех самых пор, как научился ходить. Он всегда должен был быть первым в каждом классе и выигрывать любую игру. Если он находил игру, в которой не мог отличиться, то уходил куда-нибудь один и тренировался, тренировался, тренировался, пока не добивался лучших результатов. Он привык работать, работать, пока не становился лучшим в каждом классе. И если он не оказывался лучшим после всех своих ста-раний…

Людовик Маколей замолк, опустил взгляд на лужайку, начертил носком своего ботинка схему в траве и, наконец, продолжил:

– Если так, то он просто жульничал. Вот и все. По крайней мере дважды он получал серьезный выговор за обман – во второй раз он почти был исключен, – а потом он понял, что использует неправильные методы и что ничего не добьется, если его исключат из частной средней школы. То, что он сделал, было характерно для него. Он рассказал мне об этом несколько лет спустя после того, как он покинул школу. Вместо того чтобы отказаться от обмана, он разработал непреложную систему, которую нельзя было раскрыть. Я не знаю, почему рассказываю вам все это, инспектор, разве что это какая-то

смутная мысль в уголке моего подсознания – объяснить вам, каким человеком он был. Он обезумел от амбиций. Они были лейтмотивом его жизни.

– Обезумевший от амбиций, – пробормотал Флеминг. – Да, это опасная форма безумия.

– Мистер Флеминг, – вмешалась Ирен Коллис, – вы можете рассказать нам… вам разрешено рассказать нам что-нибудь об убийстве мистера Перитона? Как оно было совершено, почему был арестован мистер Лоуренс и почему место борьбы оказалось ниже по течению, чем место, где было найдено тело? Это сделал Роберт, верно?

– Да, это сделал Роберт. Но это не было преднамеренно. В этом я уверен.

Людовик Маколей резко прервал его:

– Непреднамеренно? Вы считаете, что это был несчастный случай?

– О нет, конечно, это не было несчастным случаем. Я имею в виду, что Роберт сначала не планировал убийства. В том случае он не привлекал Адриана в качестве убийцы, как он сделал это в случае с Лоуренсом. Я вполне убежден, что Роберт в ту роковую ночь вышел из дома, намереваясь не более чем собрать информацию и понять, можно ли что-нибудь из этого обратить себе на пользу.

– Я хотел бы так думать, – мрачно сказал Маколей. – Но люди не выходят собирать информацию с разделочными ножами в карманах.

– Но это не Роберт пришел с ножом, – сказал Флеминг. – Это был Адриан.

Мистер Маколей сжал руками виски и попытался обдумать услышанное. Это не продлилось долго – он откинулся на спинку стула и сказал:

– Я хочу, чтобы вы рассказали нам всю историю.

– Вся история никогда не будет известна, – ответил Флеминг, – но я расскажу вам ее, насколько смог собрать все воедино. Дело обстояло примерно так. Каждую субботу люди Мандуляна отстреливали птиц на пашнях у поместья, по другую сторону этой стены, и каждую субботу Адриан все больше и больше сходил с ума от ярости – до того дня, когда по эту сторону стены упала раненая куропатка, которая умерла у его ног. Это стало последней каплей. Он больше не мог этого вынести, и в ту ночь он взял разделочный нож из кладовой, взял мертвую куропатку и отправился в поместье, чтобы убить Теодора Мандуляна. Роберт увидел его и последовал за ним, чтобы узнать, что тот собирается делать. Как я полагаю, возможно, Роберт видел, что Адриан положил в карман нож и догадался, что тот собирается убить Мандуляна; в этом случае его главным мотивом в дальнейшем было заслужить благодарность Мандуляна за счет спасения того от убийцы. Вы должны помнить, что Роберт был одержим мыслью попасть в компанию Мандуляна и занять место в известной банковской фирме.

– Одну минуту, инспектор, – сказал Маколей. – Простите, что перебиваю вас, но здесь ошибка. Вы говорите о субботней ночи. Убийство произошло ночью в воскресенье.

– Нет, – сказал Флеминг, – тут нет никакой ошибки. Убийство произошло в субботу. Вы скоро поймете, что я имею в виду. Что ж, они подошли к поместью, Адриан с ножом впереди, Роберт следом за ним. Окно на террасе было открыто – Дидо Мандулян пыталась устроить сцену, которая была ей по душе: встречу с Перитоном и Холливеллом поздней ночью, оба они должны были прийти к ней, – и Адриан вошел и спрятался в гостиной. Роберт, вероятно, просто ждал снаружи. Затем в темноте крупный мужчина прошел на террасу, мимо Роберта, и вошел в гостиную. Адриан, ничего не зная о привычке Перитона приходить к Дидо поздней ночью и заходить так, как будто бы это место принадлежит ему, естественно, предположил, что крупный мужчина, который только что зашел в темную комнату, был Мандуляном. Поэтому он вышел из своей засады, как только Перитон включил свет, набросился на него и ткнул куропатку тому в лицо. Определяющим моментом в полусумасшедших рассуждениях бедного Адриана было то, что прямо перед смертью Мандулян должен узнать, что это был акт справедливого возмездия за его жестокость к птицам. Итак, он ткнул куропатку Перитону в лицо и попытался нанести удар ножом. Вы ведь знаете, какое телосложение у Адриана – и какое было у Перитона. Кроме того, Перитон был известным боксером-любителем. Для него было детской игрой удержать Адриана достаточно долго для того,

чтобы тот понял, что ошибся. Все это заняло считанные секунды. Адриан понял свою ошибку, бросился прочь, уронив нож на террасе, и сбежал, оставив куропатку на полу гостиной. И тут Роберт увидел представившийся ему шанс.

Флеминг помолчал, а затем продолжил:

– Пока история проста и очевидна. Я не буду утомлять вас промежуточными звеньями цепочки размышлений, которая привела меня к тому выводу, что сцена в усадьбе должна была быть именно такой, какой я только что ее описал. Главное то, что сам Адриан подтвердил мои выводы три четверти часа назад. После того как мы окружили его там, на пустоши, он все это рассказал. Мне приятно тешить свою профессиональную гордость мыслью о том, что я был прав.

Он снова прервался, достал трубку и кисет и попросил у миссис Коллис разрешения закурить.

– В тот момент, – продолжил он, – Роберт увидел представившийся ему шанс. Нож лежал на террасе; человек, который стоял между ним и Дидо Мандулян, был в нескольких ярдах от него; никто не подозревал о том, что он находится в поместье; никто даже не подозревал о его желании убрать Перитона с дороги – ведь Роберт держал свои мысли при себе…

– Разумеется, он держал их при себе, – мрачно сказал Людовик Маколей.

– Исходя из этого, я могу сделать вывод о характере вашего сына Роберта – у него не было недостатка в решительности. Он увидел представившийся шанс и сразу начал действовать. Подробности того, что последовало за этим, конечно, никогда не станут известны: оба человека, участвовавшие в этой сцене, мертвы. Но одно абсолютно точно: Роберт, должно быть, спрятал нож, вошел в дом и вежливо и дружелюбно заговорил с Перитоном. Действуя наобум Роберт мог бы навредить Перитону не больше Адриана. Он должен был сделать это неожиданно и – простите мне это слово, сэр – вероломно.

Мистер Маколей склонил голову и ничего не сказал.

– Очень хорошо, – продолжал Флеминг, – это часть истории, насколько она относится к вашим сыновьям. Роберт выскользнул из дома с ножом в руке и отправился домой. Он спрятал нож в Роще Килби по дороге. Адриан просто вернулся домой. Вы гораздо лучше меня можете себе представить, в каком состоянии он был, бедный мальчик.

Людовик Маколей кивнул и вздохнул. Ирен Коллис вновь протянула ему руку, и на этот раз он не позволил ей остаться поверх его рукава, а внезапно сжал ее.

– А после этого, – сказал он почти грубо, почти сквозь зубы, – что произошло после этого?

– А! – Сказал Флеминг. – Что произошло после этого? Тут мы вступаем в ту область, которую мы, детективы, называем дедукцией, а все остальные – догадками. Опять же, я не собираюсь докучать вам промежуточными звеньями, но вот к какому заключению я пришел.

Он снова закурил трубку.

– Роберт убил Перитона около одиннадцати часов в субботу ночью. В половине одиннадцатого Теодор Мандулян был в полумиле от «Тише воды», ведя переговоры с Джоном Лоуренсом насчет некоторых изобличающих – весьма изобличающих – писем. Вероятно, он вернулся домой где-то около четверти двенадцатого. И вот он проходит в свою гостиную, вероятно, входит через окно, выходящее на террасу, и обнаруживает лежащими на полу два трупа: Перитона с ножевым ранением в груди и куропатку. До сих пор я основывался на убедительных фактах. Теперь я перехожу к чистейшим догадкам. Должно было быть что-то в обстоятельствах произошедшего, в теле Перитона, в самой гостиной – я не знаю, что или где, – но там должно было быть что-то, что заставило Мандуляна полностью поверить в то, что Перитона убила его дочь. Его последующее поведение можно объяснить только этим.

– Почему бы вам не спросить его? – поинтересовалась Ирен Коллис.

– Я собираюсь, – ответил Флеминг. – Но я очень сомневаюсь в том, что он ответит. Видите ли, Теодор Мандулян по горло увяз по обвинению в заговоре. Сейчас вы поймете, что я имею в виду. На чем я остановился? Ах да! Мандулян по какой-то причине был

абсолютно уверен в том, что это Дидо убила Перитона. Он обожает Дидо – обожает ее больше, чем кого-либо во всем мире, насколько я могу судить. Поэтому поздним вечером в субботу он сел в гостиной с мертвым телом, в одиночестве, и придумал способ спасти свою любимую дочь.

Это, должно быть, стоило ему долгих хладнокровных размышлений, Маколей. На кону стояла жизнь его дочери – или, во всяком случае, он так думал, и он пытался придумать способ спасти ее. И вдруг такой способ, который позволял спасти ее и в то же время избавить себя от больших неприятностей, пришел ему в голову. Имейте в виду, я не могу это доказать, но я уверен в этом настолько, насколько это возможно. Этот человек сидел там в своей гостиной, с трупом перед ним – по пятам за ним следовал крайне опасный шантажист, а его дочери, насколько он мог судить, грозила серьезная опасность – и он сидел там и придумывал план, чтобы разобраться со всем этим одним махом. Великий человек, Маколей. Неприятный характер в некоторых отношениях, но, разрази меня гром, это великий человек! Я очень хотел бы знать, сколько времени у него это заняло. И я очень хотел бы знать, говорил ли он об этом с Дидо. Тем не менее, как я уже сказал, очень маловероятно, что он скажет об этом хоть слово. Во всяком случае, той ночью – ночью в субботу – он придумал свой план, чтобы разобраться со всеми своими неприятностями разом, а затем он перешел к предварительным подготовительным работам. Он снял одежду с тела, отнес всю ту, что не была изрезана или окровавлена, в коттедж Перитона, забрал воскресный костюм Перитона с безвкусным галстуком и носками… между прочим на обратном пути он выронил галстук, что тот носил по будням – после его обнаружил капитан Карью… Он также создал впечатление, что Перитон находился в своем коттедже той ночью. Представьте хладнокровие этого человека – сварить яйцо и, вероятно, даже съесть его, нарезать хлеб и масло, придать кровати вид, будто бы в ней спали. Затем он вернулся в поместье, одел труп в воскресный костюм Перитона, вероятно, сжег окровавленную будничную одежду и, наконец, где-то спрятал труп в ожидании следующего вечера.

Мне кажется, мертвая куропатка должна была озадачить его. И снова я задаюсь вопросом, спросил ли он об этом Дидо. Но сделал он это или нет, вероятно, он решил, что будет безопаснее объяснить появление куропатки, а не оставить ее лежать на прежнем месте, чтобы дворецкий обнаружил ее утром, и он сказал, что Перитон принес куропатку в воскресенье днем. Конечно, в воскресенье его главной задачей было заманить в ловушку и одурманить Лоуренса, и он проделал все это очень умело. Предположительно у него было и какое-то другое средство про запас, на случай, если Лоуренс отказался бы от виски, но ему не пришлось его использовать. После того как Лоуренс благополучно заснул, у Мандуляна была пара часов, чтобы осуществить задуманное. Он нашел разделочный нож, очень аккуратно сделал так, чтобы рана соответствовала его размеру, оставил на нем отпечатки пальцев Лоуренса, взял его туфли и обрывок его пальто, сунул роскошную, великолепную орхидею в петлицу Перитона и отправился на ночное дело. Остальное было сравнительно просто. Он оставил следы у Монашьей запруды, положил нож так, чтобы вода не смыла отпечатки пальцев на рукоятке, оставил фрагмент письма в коттедже Перитона, положил тридцать банкнот в карман Перитона, а затем сбросил тело в реку в первом подходящем месте недалеко от поместья, считая, что быстрое течение унесет его до плотины к утру.

Вот и вся история, насколько я могу ее воссоздать. Конечно, когда Лоуренс был освобожден, и Мандулян, и Роберт имели все основания почувствовать тревогу, и Роберт в особенности. Понимаете, он тревожился и за самого себя, и за своего нового покровителя. Если бы случилось что-то, что подорвало бы позиции Мандуляна как раз в то время, когда Роберт, наконец, получил место в фирме, это было бы для него – насколько я могу судить о его характере – куда большим ударом, чем если бы что-нибудь случилось с ним самим.

– Вы правы, – сказал Людовик Маколей. – Роберт не боялся бы за себя. Физический страх никогда никак не влиял на его замыслы. Но он пошел бы на любой риск, чтобы спасти Мандуляна с того момента, как он получил свое место в фирме.

– И когда он осознал опасность, то сразу предпринял меры – спланировал второе убийство, в общих чертах похожее на первое, только с небольшим, но важным изменением, заключавшимся в том, что на этот раз Адриан на самом деле должен был совершить убийство, а не Роберт.

Наступило долгое молчание, а затем Флеминг встал.

– Вот и все, – заключил он. – Я должен идти.

– Еще один вопрос, – сказала Ирен Коллис. – Что насчет господина Мандуляна? Что будет с ним?

Флеминг едва заметно пожал плечами.

– Я полагаю, официального наказания для него не последует. То, что я описал вам по поводу его действий в субботнюю и воскресную ночи – это цепочка событий, которые, вероятно, произошли. Это единственная цепочка событий, которая могла бы объяснить все эти факты и, следовательно, это должно было произойти. Но я не могу доказать вам или кому-то еще, что это на самом деле произошло. Не существует абсолютно никаких доказательств против Мандуляна, кроме свидетельства Лоуренса, что он отправился в поместье в половину одиннадцатого ночью в воскресенье и был одурманен, а так как Лоуренс, как известно, бывший шпион вражеской стороны и, по его собственному признанию, шантажист, я сомневаюсь, что его показания будут многого стоить в суде.

– Так Мандулян избежит ответственности? – сказал Людовик.

– Да, он избежит ответственности. Но вы должны помнить, что каким бы ни было его прошлое – а оно было настолько темным, насколько оно вообще может быть с человеческой точки зрения – его главным преступлением в этом деле было страстное желание спасти свою дочь. Вы можете обвинить его?

– Нет, – тихо сказал Людовик Маколей.

Выходя через ворота в Садок, Флеминг обернулся, бросив взгляд через плечо, и увидел двух влюбленных, стоящих рука об руку под величественной, медного цвета, кроной огромного бука.

Глава XXII. Философ

Флеминг и Мэйтленд поднялись на холм к поместью для последнего разговора с армянином. Против него не было ни одного доказательства, но Флеминг выразил надежду, что в частной беседе без свидетелей он может согласиться рассказать историю о своих действиях в те две ночи. Флемингу хотелось прояснить как можно больше сомнительных моментов в этом деле; он терпеть не мог неполного завершения дела. В этом случае он был уверен, что абсолютно прав в основных моментах, но он признался себе, что даже железной уверенности не помешает небольшое подтверждение. Он не слишком надеялся на то, что убедит осторожного и подозрительного миллионера рассказать его историю, но существовали некоторые шансы на это, что делало их визит вполне стоящим потраченного на него времени.

По пути в поместье Флеминг обсуждал дело с Мэйтлендом, или, вернее говоря, он рассуждал, а Мэйтленд слушал.

– Суть всего дела заключается в наличии двух ножей, – сказал он, – два ножа, перо куропатки и боксерское мастерство Перитона. Двух ножей не было бы, если бы Мандулян знал, где достать тот, который был зарыт в Роще Килби, и это значит, что он не может быть убийцей и по всем логическим соображениям его дочь тоже не может быть убийцей. Далее – трижды в деле появлялась куропатка или, точнее, два раза появлялась куропатка и один раз – ее перо. Это могло бы быть совпадением; в мире ведь не одна куропатка, но все же это кажется довольно необычным совпадением, и если это была та же куропатка, то она образует вполне очевидную связь между фермой Перротс, поместьем и мертвецом. И тут в дело вовлекаются обитатели Перротс; понятно, что Адриан никак не может убить человека, пойдя в лобовую атаку. Ударом в спину, конечно, но не так. Но Роберт мог бы сделать это хитростью. В Адриане нет хитрости, только отчаянная ярость. И так далее, и так далее. С этого момента все встало на свои места. Что ж, вот мы и добрались. Вы подождете на террасе, пока я буду в доме?

Флеминга проводили в гостиную, и через несколько минут в дверь широким, ленивым шагом вошла Дидо. На ней были оливково-зеленые джемпер и юбка, и ее губы по контрасту казались еще более алыми, чем обычно. Со свойственным ей несоответствием в одежде также у нее была пара длинных золотых серег с эмалью, которые, возможно, подошли бы к костюму испанской танцовщицы, но, казалось, не гармонировали с одеждой для прогулки в английской деревне. В то же время и эта одежда, казалось, не гармонировала с той медленной и гибкой грацией движений, с которой Дидо опустилась на диван и изогнула длинную руку, тянясь к золотому портсигару, который лежал на маленьком столике. Флеминг зажег для нее спичку, и она глубоко затянулась, прежде чем взглянуть на него и пробормотать хриплым голосом:

– Ну?

– Я пришел поговорить с вашим отцом, мисс Мандулян. Я хотел бы знать, возможно ли увидеться с ним.

– Отец уехал, – объявила она и стала вставлять сигарету в длинный янтарный мундштук.

– Уехал! – воскликнул пораженный Флеминг. – Куда? Когда?

– Куда? Я не знаю. Почему? Вы, вероятно, знаете это лучше меня. Когда? Три четверти часа назад.

– Но, мисс Мандулян, когда вы говорите «уехал», вы имеете в виду, что он уехал в Лондон на день или что он уехал куда-то на некоторое время?

Она зевнула.

– Я полагаю, он уехал, чтобы найти некое место, где вы и ваши палачи не найдете его.

– Что, бога ради, вы имеете в виду? Я и мои палачи?

– Называйте это как хотите. Он не хочет быть арестованным.

– Но никто и не собирается его арестовывать. То есть, я хотел бы арестовать его по обвинению в сговоре, но у меня нет абсолютно никаких доказательств.

Мисс Мандулян опустила ноги с дивана, села прямо и посмотрела на детектива широко открытыми глазами.

– Вы не собираетесь арестовать его за… за…

– За убийство? – добродушно уточнил Флеминг. – Бог мой, нет! Мы знаем, что он не совершал убийства. По крайней мере, мы знаем, что он не убивал мистера Перитона. Конечно, возможно, что ваш отец убил множество других людей в свое время, но это не наше дело.

Дидо Мандулян была молодой особой, не теряющей самообладания, и нечасто случалось такое, чтобы она была полностью ошеломлена. Она просто пристально смотрела на Флеминга.

– Но что… почему… что… я не понимаю, – наконец выговорила она.

– Вы думали, что он убил Сеймура Перитона?

Она кивнула.

– Не вы расскажете мне, что произошло? – попросил Флеминг.

– Ничего особенного не произошло, – сказала она, и ее голос звучал даже более хрипло, чем обычно. – Я была в своей комнате ночью в субботу. Я думала, что отец отправился спать. Было около полуночи. Я ждала… ждала…

– Я знаю – Перитона и Холливелла. Продолжайте.

– Из своего окна я увидела, как Сеймур входит через французское окно с террасы, и я ожидала, что он поднимется наверх по черной лестнице, как обычно. Но он не пришел. Он ждал внизу – я не знала, почему – и, конечно, это было как раз то, что мне было нужно. Я хотела, чтобы он ждал там, пока не придет мистер Холливелл. Я вернулась в постель и ждала. Но ничего не происходило, так что примерно через двадцать минут я выглянула в окно, чтобы увидеть, не случилось ли что-то. В гостиной горел свет. В этом свете, освещающем террасу, я увидела второго человека, поднимающегося на нее по ступенькам. Я думала, что это был мистер Холливелл, но когда он вышел на свет, то я увидела, что это отец. Тогда я действительно испугалась. Я знала, что если отец заподозрил Сеймура в том… в том, что он мой любовник, то он попытается убить его, поэтому я вернулась в постель и укрылась с головой. Затем примерно четверть часа спустя отец постучал в мою дверь и вошел. Он был бледен как полотно, а в руке у него был мой шарф. Это был маленький бело-желтый шелковый шарф, который я дала Сеймуру некоторое время назад. Он был весь в крови. Отец просто сказал: «Ради Бога, уничтожь это», а затем поцеловал меня и вышел. Он дрожал как осиновый лист. И я сожгла этот шарф. Это все.

– И вы никогда не говорили с ним об этом?

– Я подумала, что лучше всего будет не беспокоить его этим. Я дала ему понять, что готова поддержать его несмотря ни на что, но в остальном я держала язык за зубами.

– Что ж, мисс Мандулян, – сказал Флеминг. – Вы думали, что ваш отец убил Перитона, а он думал, что это вы убили его, вот оно как.

– Но почему тогда отец уехал, если ему нет причин бояться полиции?

– Я полагаю, – серьезно ответил Флеминг, – он слышал о том, что произошло на пустоши и боится, что Джон Лоуренс будет преследовать и его.

– Что произошло на пустоши? – резко спросила Дидо.

– Была перестрелка, и Джон Лоуренс убил Роберта Маколея.

Девушка судорожно вздохнула.

– Убийство?

– Нет. Самооборона.

– Самооборона? Так Роберт пытался…

– Да.

– Так это Роберт убил Сеймура?

– Да.

Дидо Мандулян вытащила еще одну сигарету из золотого портсигара и прошептала:

– Бедный Роберт... Он не позволял препятствиям вставать на его пути. Сеймур был на его пути, Лоуренс был на его пути, поэтому их нужно было убрать прочь.

Она вытянула руки над головой и снова зевнула.

– Бедный Роберт. Теперь он не станет главой Мандулянов. Он не будет контролировать миллионы фунтов и миллионы жизней. Жизнь – это цепочка эпизодов, мистер… боюсь, я никогда не могу вспомнить вашего имени. За неделю я потеряла возлюбленного и жениха и теперь, кажется, я на пути к тому, чтобы потерять и отца. Как хорошо, что они – это только эпизоды. Ну что ж, господин жандарм, раз так, начнем сначала.

И она закурила ароматизированную сигарету.